Кадетская перекличка

No 40

КАДЕТСКАЯ ПЕРЕКЛИЧКА

Периодический журнал Объединения Кадет Российских Кадетских Корпусов за рубежом, Нью-Йорк, США

№ 40 Нью-Йорк Май 1986

"CADETS ROLLCALL"

Periodical Magazine
Published by Association of Russian Cadets graduated outside of Russia, Inc.
New York, USA

Editor
Nicholas W. Koziakin

Administrator
Eugene Girs
85-59, 88th Street
Woodhaven, N. Y.
11421

All rights reserved

ОГЛАВЛЕНИЕ

Высокопреосвященный Митрополит Виталій, Первоиерарх Русской Зарубежной Церкви 3
Некоторые решения Собора Епископов 8
Белое Движение (продолжение, см. № 39). В. Д. Матасов 9
«Когито эрго сум». Владимир Бодиско 46
Существую, значит думаю. Н. В. Козякин 58
Вопросы иностранной политики в Вашингтоне. Алексей Боголюбов 63
История и политика. Н. В. К. 69
Закон о порабощенных нациях 70
Генерал Дража Михайлович 72
Маленький Алказар — Гучья Гора. И. Попов 74
Русский Военный Орден. Евгений Кормилев 88
Капуста (зарисовки из концлагеря). Г. Зигерн-Корн 91
Стихи Агнивцева, не вошедшие в его сборники 94
Н. И. Лобачевский. Сергей Третьяков 96
В помощь современным публицистам. В. Бодиско 104
Покорение Сибири. В. Матасов 105
Владимирский конкурс. Алексей Б. Иордан 116
Нам пишут 117
Книжная полка 119
Юбилейный 10-й Съезд Кадет. Сообщение второе 122
Выборы в О.Р.Ю.Р. Разведческое пресс-бюро 124
Список жертвователей в Фонд журнала 124
Исправление. От Редакции 125
Гимназический Съезд 125
О Русском Участке Прав. кладбища в Белой Церкви, Югославия. А. Карпов 127
Памяти ушедших 132

Подписывайтесь и распространяйте

«Кадетскую Перекличку»

Фото Н.С. Чертков

ПРЕОСВЯЩЕННЫЙ ВИТАЛИЙ АРХИЕПИСКОП МОНРЕАЛЬСКИЙ И КАНАДСКИЙ ИЗБРАН МИТРОПОЛИТОМ РУССКОЙ ЗАРУБЕЖНОЙ ЦЕРКВИ.

Собор Русской Зарубежной Церкви, открывшийся 22 января с. г. в Нью Йорке избрал архиепископа Виталия, Монреальского и Канадского преемником скончавшегося в ноябре 1985 г. митрополита Филарета.

В Соборе приняли участие архиепископы: Виталий, Монреальский, Серафим Чикагский, Антоний Лос-Анжелосский, Антоний Женевский, Антоний Западно-Американский, Павел Сиднейский, Лавр Сиракьюзско-Троицкий и епископы Никандр Сан-Паульский, Константин Британский, Григорий Вашингтонский, Марк Берлинский, Иннокентий Буэнос-Айресский, Алипий Кливлендский, Иларион Манхаттенский и пребывающий на покое архиепископ Серафим (быв. Венесуэльский).

В предсоборное время кандидатами на избрание, помимо архиепископа Виталия временно исполнявшего обязанности покойного митрополита и председательствовавшего на Соборе, упоминались архиепископы Антоний Женевский, Антоний Сан-Францисский, Лавр Сиракьюзско-Троицкий и епископ Марк Берлинский. При первом голосовании на Соборе архиепископы Виталий и Антоний (Женевский) получили равное количество голосов. Выбранным, путем жребия, оказался архиепископ Виталий.

Архиеп. Виталий, в миру Ростислав Петрович Устинов, родился 18 марта 1910 г. в Петрограде в семье офицера Черноморского Флота Петра Константиновича Устинова и Лидии Андреевны, урожденной Стопчанской, дочери жандармского генерала, всю жизнь прослужившего на Кавказе. В 1920 году определен в кадетский корпус, основанный генералом Врангелем в г. Феодосия. Во время эвакуации того же года вместе с Крымским кадетским корпусом попадает в Константинополь, откуда в Югославию, сначала в Бакар, а затем в Лагерь Стрнище. В 1923 г. мать выписала своего сына в Константинополь и вскоре переехала с ним в Париж. Осенью того же года она определяет его во французский колледж имени «Святого Людовика, короля Франции» в городе Леман по окончании которого молодой Устинов возвращается к своей матери в город Канны на юге Франции. В 1934 г. его призывают отбыть воинскую повинность во Франц. армии в 9-й кирасирский (еще на конях) полк в г. Лион. По окончании службы командир полка полковник де Мулен предлагает бригадиру (чин соответствующий капралу в пехоте) Устинову остаться в полку, обещая ему производство в офицеры, но у молодого Устинова нет уже больше желания оставаться в миру и в 1936 г. он покидает Францию и поступает в монастырь преп. Иова Почаевского на Карпатах, основанный архиман-

дритом Виталием Максименко, впоследствии архиепископом Нью Йоркским и Восточно-Американским, основателем Свято-Троицкого монастыря в Джорданвилле. Во время своего последнего посещения Европы осенью 1937 г. Преосвященнейший архиеп. Виталий посещает и основанный им монастырь и облекает в подрясник трудника Ростислава. В 1938 г. Настоятель монастыря архимандрит Серафим Иванов, теперешний архиеп. Чикагский и Детройтский, постригает послушника Ростислава в рясофор с именем Виталий, дабы, как он сам и сказал, имя Виталий не прекращалось в нашей обители. В 1939 г. Великим Постом рясофорный послушник постригается в малую схиму и в том же году в день убиения Царской Семьи Преосв. Владимир, епископ Мукачевский и Пряшевский, Сербской Церкви, рукополагает его в сан иеродиакона, а в 1940 г. в городе Братислава митрополит Серафим Берлинский и Германский рукополагает его в сан иеромонаха. Архим. Серафим определяет молодому иеромонаху Виталию окормлять из монастыря два села на самой границе Польши Порубки и Медвежье, в котором был выстроен деревянный новый храм, уже во время войны. Разгром немецкой армии заставляет всю братию монастыря покинуть свою обитель перед наступающей красной армией. Перед иером. Виталием открывается огромная миссионерская деятельность в Берлине и его окрестностях, где приходится ежедневно посещать лагеря остов, проповедывать, служить, напутствовать сотни умирающих от голода, туберкулеза, от ран. Но скоро приходится снова уходить от угрожающей со всех сторон Берлин красной армии. Вместе с настоятелем собора архимандритом Нафанаилом, иером. Ваталий покидает Берлин и они оба основываются в городе Гамбург.

Перед двумя молодыми и энергичными миссионерами открывается огромное поле деятельности среди Ди-Пи, которым надо помочь избавиться от репатриации со всеми последствиями сталинских ужасов. Знание английского языка во многом помогает им спасти тысячи соотечественников. Архиер. Синод посвящает архимандрита Нафанаила во епископы, и посылает его в Париж для возглавления Западно-Европейской епархии нашей Рус. Заруб. Церкви, а игумен Виталий остается окормлять беженцев или Ди-Пи в лагерях Северной Германии. Иг. Виталий, возведенный в сан архимандрита организует в лагере Фишбеке в барачной церкви круг ежедневного богослужения, основывает типографию, собирает вокруг

себя небольшую монашескую братию (нынешние архиеп. Павел и архимандрит Феодор), издает и печатает для всех лагерных церквей Вост. Германии все Великие Сборники, молитвословы и издает ежемесячный журнал «Почаевские Листки», который затем переименован в «Православное Обозрение», периодически издаваемый до сего дня. Многие в лагере Фишбек проходят почти полный псаломщический курс и удается даже собрать 12 юношей, которым преподается систематически в продолжение года весь курс богословских наук семинарского уровня. Начинается распределение всех Ди-Пи по разным странам и архимандрита Виталия Синод назначает возглавить нашу Церковь в Англии. С 1947 по 1951 год архимандрит Виталий уже настоятель Лондонского прихода, неустанно разъезжает по всей Англии, организует приходы в Манчестере, Престоне и Брадфорде, который и существует до сего дня в самом центре Англии. В 1951 г. в день свв. апп. Петра и Павла архимандрита Виталия посвящают в сан епископа с назначением его викарным епископом в помощь архиеп. Феодосию в Бразилию с местом жительства на Вила Альпина в Сан Пауло. И тут под южным Крестом снова застучали печатные станки. К монашескому братству присоединяются Николай Белоногов, Евгений Калинин. Вила Альпина покрывается небольшими новыми постройками, организуется небольшой приют для мальчиков, которые обучаются русскому языку, Закону Божию при ежедневном суточном круге богослужений. Вл. Виталий и его иеромонахи посещают православных людей по самым глухим уголкам Бразилии, самой большой страны всей Южной Америки и их трудами основываются два прихода в самом центре Бразилии, в ее новой столице Гоянии и в пригороде Сан Пауло в местечке Педрейра. В 1955 году Вл. Виталий со всей своей братией переводится указом Архиер. Синода в Канаду, как правящий епископ Западной части Канады с кафедрой в Эдмонтоне. Тут в 75 милях от города Вл. Виталий основывает Свято-Успенский скит, около полустанка Гранада, где и сейчас проживает один из его собратьев игумен Серафим, который из скита окормляет весь север Альберты. Вл. Виталия Архиер. Синод переводит в Монреаль и возводит его в сан архиепископа Монреальского и Канадского. Настоятелем Свято-Владимирского Собора в Эдмонтоне Вл. Виталий оставляет одного из своих братьев, о. архимандрита Григория, который и по сей день, одушевленный тем же духом миссионерства, несмотря на свой пре-

клонный возраст, посещает группы и отдельных православных в самых отдаленных уголках Альберты.

В скором времени после приезда в Монреаль Преосвященный Владыка Виталий приобретает землю в окрестности гор. Мансонвиля (Квеб.) и начинает постройку мужского скита. Работы по проекту архитектора В. Г. Глинина совершались братией Архиерейского Подворья с участием добровольцев из прихожан и на сегодня все это обрело уже вид Свято-Преображенского скита с храмом этого же имени, украшенного чудесным иконостасом, с иконами известных зарубежных иконописцев. Также выстроен свечной завод, сооружены часовенки на русском кладбище и на озере с источником ключевой воды.

В 1965 году Владыкой Виталием основан в г. Оттаве — столице Канады, новый приход с храмом Св. Покрова Пресвятой Богородицы.

Сразу по приезде в Канаду Архиепископ Виталий организовывает типографию при Архиерейском Подворьи, которая выпускает богослужебные книги, брошюры, толстые тома духовной литературы и периодический, с богословским материалом, журнал «Православное Обозрение», первый номер которого был издан еще в Бразилии в 1951 году.

Одна из характерных черт Владыки Виталия — его любовь к молодежи, забота о нашей смене. Не говоря уже о подрастающей в приходе детворе, о юношах и девушках, которые, подрастая создают кружки музыкальные, хоровые и участвуют в церковном хоре. Вл. Виталий организует съезды всезарубежной русской православной молодежи, два съезда которых уже были в Монреале и один в Торонто.

Приветствуя избрание митрополита Виталия главой Русской Зарубежной Церкви мы от всей души желаем ему успеха на трудном пути служения Церкви и русскому делу. Обещая полную поддержку новоизбранному митрополиту мы уверены, что он отдаст все свои силы этому новому поприщу своей деятельности, требующему, в наше сложное время, пристального изучения происходящих вокруг нас событий для вынесения ответственных решений. Русская Зарубежная Церковь, находясь на мировой арене политических интриг, всегда будет подвержена провокациям и попыткам внести смуту в среду мирян. Только центральное и сильное руководство проведет ее через бурные воды действительности.

НЕКОТОРЫЕ РЕШЕНИЯ СОБОРА ЕПИСКОПОВ

После избрания митрополита Собор рассмотрел ряд текущих дел и по некоторым из них вынес следующие решения:

В новый состав Зарубежного Синода под председательством митрополита Виталия вошли следующие иерархи: почетный член Синода — болящий архиепископ Серафим Чикагский; члены Синода: архиепископы Антоний (Женевский), Антоний (Сан-Францисский) и Лавр (Сиракузско-Троицкий) — новый секретарь Синода; епископы: Григорий (Вашингтонско-Флоридский) и Иларион (Манхаттенский) — помощник секретаря с постоянным местопребыванием в Нью-Йорке, в синодальном доме.

На место ушедшего в отставку начальника Иерусалимской Миссии архимандрита Антония (Граббе), Собор назначил временным главой миссии настоятеля лейквудского прихода протоиерея Валерия Лукьянова. В связи с этими переменами дела миссии были рассмотрены Собором и некоторые функции начальника миссии переданы в ведение Синода.

Собор принял отставку секретаря Синода еп. Григория (Граббе). За ним оставлено управление Вашингтонско-Флоридской епархией и, как было указано выше, еп. Григорий вошел в состав нового Синода.

Собор уважил прошение епископа Константина Британского об уходе, ввиду преклонного возраста, на покой и передал Британскую епархию епископу Марку Берлинскому.

Собор постановил широко поддержать созданную архиепископом Антонием Женевским европейскую программу радиопередач «Православное Дело».

Все решения Собора были вынесены архипастырями с исключительным единодушием.

В. Д. Матасов
П.-поручик конной артиллерии

БЕЛОЕ ДВИЖЕНИЕ.

(Продолжение. См. № 39)

ГЛАВА 2:
УКРАИНА В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ.

Дни начала войны 1914 года были днями всеобщего восторженного патриотизма и подъема всех народов России, единодушно выступивших в защиту общей Родины. На торжественном заседании Государственной Думы выступали представители национальных групп с декларациями лойяльности и поддержки обороны государства. Не было только выступления украинцев по той простой причине, что в Думе не было украинской группы, ни украинского клуба. Не потому, что это как-нибудь запрещалось, а потому что не было отдельной украинской политической жизни и депутаты-украинцы входили в общероссийские партии и фракции. Жизнь украинцев переплелась с жизнью русского народа не только политически и экономически, но и культурно. Чувствуя себя органической частью России, украинцы никакой специфически украинской платформы в вопросе войны не занимали. Настроения Российской Малороссии-Украины в начале и во время войны были настроениями полностью созвучными с патриотическими настроениями общероссийскими.

С началом войны в Австрии был создан «Союз Визволения Украины». Эта, якобы независимая организация, пребывала в Вене и являлась послушным орудием Австрийского генерального штаба, на иждивении которого и находилась. Цель этой организации (сокращенно СВУ) была оторвать от России Украину и, соединивши ее с Галицией, создать автономную украинскую монархию в границах Австро-Венгрии. Австрийское правительство денег не жалело на пропаганду СВУ, выпуская множество брошюр и книг на разных языках и устраивая встречи и беседы с политическими деятелями Германии, Турции, Болгарии, Италии, Швейцарии и т. д. Естественно, что Российское правительство отрицательно относилось к деятельности этой организации и не без основания считала государственными изменниками тех немногих, кто был связан с СВУ, а таких ренегатов было лишь 4 (четыре)

эмигранта — В. Дорошенко, Д. Донцов, М. Зализняк и А. Жук, а все остальные были галичане.

Кроме пропаганды среди иностранцев, СВУ занялся пропагандой среди военнопленных в лагерях, среди которых было немалое число украинцев-малороссов. Успехи пропаганды среди них оказались слабее, чем среди мусульман и немцев. Пленные ели повышенный паек, слушали «просветителей» галичан, охотно пели украинские песни, но на измену общей родине — России так легко не пошли. И когда в 1918 году немцы приступили к формированию отдельных украинских частей, то из всей массы пленных не нашлось добровольцев больше чем на две неполные дивизии. Когда они были летом 1918 года доставлены в Киев, большинство дезертировало и разбежалось по домам.

Пропаганда СВУ, направленная на Российскую Украину и на разложение российской армии, путем внесения в ее ряды межнациональной вражды, потерпела полное поражение. До самой революции 1917 г. во всей российской армии не было ни одного конфликта или проступка на этой почве. Но если вся масса народа не хотела иметь никакого общения с СВУ, некоторые деятели социалистического направления одобряли деятельность СВУ, имевшего целью изъять Украину из под власти Монарха Российского и отдать под власть католического монарха Австрийского. Можно только удивляться, что действия этих деятелей не привели к обвинению в государственной измене и суду по законам военного времени, что, несомненно, было бы сделано в любом государстве. Обвинения сепаратистов в удушении российским правительством украинской культурной деятельности и печати, не только теряют всякую убедительность, но звучат как сознательное искажение истины в пропагандных целях.

Какие же события происходили в это время в Галиции и каковы были думы народа? Каким образом, вообще, Галиция оказалась под властью Австрии?

При первом разделе Польши в 1772 году, Австрия получила западную часть бывшего Киевского государства — Галицию. Свои претензии на Галицию Австрия обосновала тем, что когда-то, в 14 веке, венгерский король Людовик был одновременно и королем Польши, к которой принадлежала тогда Галиция.

Воспрепятствовать этому акту Россия тогда не могла, ибо была занята войной с Турцией за выход на берега Черного

моря и, в случае конфликта с Австрией и возможного ее выступления на стороне Турции, могла бы войну проиграть. Выход же на Черное море тогда был, конечно, гораздо важнее Галиции. Но Россия могла это сделать после победы над Наполеоном, на Венском конгрессе, однако этого не сделала, а создала «Царство Польское», оставив под властью Австрии единокровную и единоверную Галицию, народ которой тяготел к России. Эта ошибка Александра 1-го была повторена в 1848 году Николаем 1-ым, когда Россия спасла, уже было распавшуюся Австрию, вернула ее бежавшего императора и оставила под его властью Галицию, которая тогда никаких сепаратистов не знала и стремилась к воссоединению с Россией.

Российское правительство не поняло, или не обратило должного внимания на стремление народных масс к воссоединению и отдало их Австрии. Интересы народные были подчинены идее легитимного монархизма, которым руководствовалась Российская Империя, связанная формально «Священным Союзом». В результате же этих ошибок, Австрия получила возможность из рядов, так тяготевшего к России населения Галиции, создать кадры ее врагов и пропагандистов расчленения России.

К началу Первой мировой войны все важнейшие положения в Галицийской украинской политической и общественной жизни заняли шовинисты, хотя подавляющее большинство народа занимало определенно прорусское, так наз. «москвофильское» направление. Попытки сепаратистов-«украинцев» бороться с руссофильскими настроениями путем обвинения их вождей в государственной измене, позорно провалились на нескольких политических процессах. Вопрос свелся к чисто идейному стремлению к воссоединению с братским русским народом, а не о деятельности «московских шпионов» и агентов, как утверждали сепаратисты. После провала на этих политических процессах, борьба с руссофильскими настроениями велась другими методами: административно-полицейскими притеснениями, травлей «москвофилов», при чем насилия, совершаемые «украинцами» оставались безнаказанными.

В Галиции и Угорской Руси, несмотря на почти шестисотлетние усилия поляков, немцев, венгров и католической церкви, в народе не умерло сознание единства всей Руси и всегда было стремление к ее воссоединению. Широкие народные массы Галиции встретили, вступившую в 1914 году, российскую армию не как врагов и завоевателей, а как освободи-

телей и совершенно ничтожно численно оказались те, кто был отравлен шовинизмом-сепаратизмом.

После февральской революции, уже 4 марта, в Киевской городской Думе собрались представители общественных организаций и политических партий и выбрали из своей среды Исполнительный Комитет из 12 членов. В новой власти из этих 12 членов, только один был представитель организованных украинцев, так наз. «Товариство Украинских Поступовцив» (ТПУ). Все другие украинцы левого социалистического толка, пребывали в рядах общероссийских партий и не ощущали потребности создания своих отдельных украинских партий. Этот Исполнительный Комитет, пополненный впоследствии многочисленными кооптациями, в течение первых 3-х месяцев революции, фактически был высшей властью в Киеве.

Картину настроения населения, до некоторой степени, дают результаты выборов в органы городского самоуправления летом 1917 года. Выборы были всеобщие, прямые, равные, тайные и свободные. В главнейших городах 8 Российских губерний с украинским «малороссийским» населением: Киеве, Екатеринославе, Одессе, Умане, Чернигове, Виннице, Кременчуге, Житомире, Херсоне, — поражение «национально-активных» украинцев было полным. Ни в одном из городов Украины они не получили не только большинства, но даже сколько-нибудь значительного меньшинства. Результаты выборов были таковы: Партии общероссийские — 870; украинские федералисты — 128; сепаратисты — 0. Даже в столице Украины, место городского головы занял русский — Рябцов, его заместитель — еврей Гинцбург.

Вскоре, из представителей ТПУ, социалистов-демократов, украинских социалистов-революционеров, украинцев военных, рабочих, студентов, православного духовенства г. Киева, техников и агрономов и пр. — создалась так наз. Центральная Рада. Маленькие социалистические группы и кружки переименовали себя в политические партии, создали целый ряд новых украинских организаций и каждая из них получила для своего представительства место в Центральной Раде, которая численно росла изо дня в день и достигла до 600 человек. Никаких выборов в Центральную Раду не было. Депутаты из армии заседали на основании удостоверения, что «такой-то» командируется в Киев для получения в интендантстве партии сапог, для отдачи в починку пулеметов, для лечения и пр. Депутаты «тыла» имели частные письма на имя лидеров (Гру-

шевский, Винниченко, Порш и др.) с подписью председателя или секретаря какой-нибудь партийной или общественной организации. Например депутаты Полтавы были избраны советом старшин украинского клуба, на заседании которого присутствовало 8 человек.

Совершенно ясно, что Украинская Центральная Рада не имела ни формального, и морального права выступать от имени всего населения Украины и утверждать, что она выражает его волю.

В самом лучшем случае она могла выступать только от ее известной части — «национально-активных украинцев». Какова же была эта часть установить невозможно, по той причине, что тогда никаких свободных выборов, в которых бы участвовало все население Украины не производилось. Выборы же в органы городского самоуправления в главнейших городах с украинским-«малороссийским» населением, дали уже упомянутую картину (июльские выборы).

В первые же месяцы революции Киев стал быстро заполняться галичанами-самостийниками. Часть их пробиралась из Австрии через фронт, который разваливался, часть из лагерей военнопленных и мест расселения галицийских беженцев. Так очутились в Киеве австрийский полковник Мельник и капитан Коновалец — будущие вожди украинского фашизма.

Эти галичане-«украинцы» считали себя носителями украинской культуры, влияли на молодое поколение социалистов и требовали немедленной украинизации всей жизни под их руководством. Имея союзников в лице вчерашних студентов, мелких служащих и жаждущих власти полуинтеллигенции, — напористые галичане распространили свое влияне и Центральная Рада стала их орудием.

Отпора своей деятельности они почти не встречали ни со стороны Центральной власти в Петрограде, ни со стороны местной администрации и органов самоуправления, занятых своими партийными несогласиями и обессиленных борьбой с созданными везде Советами солдатских, рабочих и крестьянских депутатов, сила и значение которых росло и которые все больше и больше склонялись к большевикам.

Предпринятые Центр. Радой шаги по «украинизации» школ, суда и административных учреждений не нашли отклика у населения. Посыпались многочисленные протесты и определилось резко отрицательное отношение большинства населения, как в городах, так и в селах. Протестовали, не Центральное

Русское правительство в Петрограде, а — Киевский Университет и Политехникум, Духовная Академия, представители суда и администрации, городские думы всех городов Украны и многочисленные органы самоуправления в селах.

Однако, эти неуспехи не остановили «национально-сознательных» украинских социалистов-революционеров и социал-демократов выступать от имени всей Украины и настойчиво создавать «основы для автономии Украины». В конце мая в Петроград выехала специальная делегация украинских социалистов для ведения переговоров с Временным правительством. Делегация состояла из 10 человек: интеллигенты, солдаты, матросы, крестьяне и офицеры; возглавлял ее Винниченко. Единственым умеренным и в то же время культурным человеком был социалист-федералист Ефремов; остальые Соц.-революц. и соц.-демократы. Меморандум этой делегации не был политическим документом, а больше походил на напечатанную митинговую речь и, конечно, не мог стать базой для серьезного разговора. Все Петроградские газеты, включая социалистические, отказались его напечатать. К тому же Временное Правительство и «второе правительство» — Совет солдатских и прочих депутатов — к моменту приезда социалистического посольства Винниченко, получило из Киева множество протестов и предостережений, как от своих киевских представителей, так и от ряда общественных организаций.

Несколько дней делегация добивалась приема у Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, а когда она была принята и выслушана, то Исполнительный Комитет Совета, направил ее к Временному Правительству, которое, в свою очередь, поручило ее вниманию комиссии профессоров. В этой комиссии были и украинцы-юристы Лазаревский и Котляревский. По сравнению с профессорской комиссией, украинская делегация (кроме Ефремова, человека образованного и серьезного), была политически невежественна и осталась посрамленной.

Желание Временного Правительства поставить разговоры на серьезную базу социалисты сочли за намеренную проволочку и «унижение» для себя и, не солоно хлебавши, вернулись в Киев, где в это время открывался «Всеукраинский Крестьянский Съезд» (10 июня). Главнейшее решение этого съезда, руководимого социалистами всех толков, было уничтожение права частной собственности на землю. Под конец съезда была получена телеграмма от Временного Правительства, где было сказано, что оно «не признало возможным удовлетворить

желания Центральной Рады, ибо все вопросы, связанные с автономией Украины и других частей государства, могут быть разрешены только учредительным Собранием».

Отказ Временного Правительства был воспринят как «сознательные действия против интересов трудового народа Украины». Центральная Рада решила выступить открыто и провозгласить самочинное проведение автономии Украины. На этом особенно настаивали Галичане-«украинцы», действовавшие закулисно. Сделано это было в форме обращения к народу — «универсале» 23 июня (1917), на 2-м «Войсковом Съезде», вопреки запрещению военного министра Керенского.

В этом «универсале» было заявлено, что Украина «не отделяется от России и не разрывает с Державой Российской», но в то же время сообщает, что украинцы «отныне сами будут создавать свою жизнь», то есть самочинно ввели автономию. Через несколько дней Центральной Радой было образовано правительство Украины под названием «Генеральный Секретариат Украинской Центральной Рады». Это «правительство» было чисто социалистическим и состояло из 5 соц. демократов (среди них Винниченко и Петлюра), 2-х соц.-р-ов и одного социалиста-федералиста (Ефремова) и одного члена «Спивки», находившейся в руках социалистов-революционеров.

Не-социалистов в этом «Секретариате» не было; не было также никого от той части населения, которая, не являлась сторонниками автономии, через несколько дней после создания Генерального Секретариата, на городских выборах во всех городах Украины, своими голосами нанесла такое страшное поражение, выступавшим единым блоком, «национально-сознательным украинцам». Всякое, уважающее себя, правительство, после такого очевидного к себе недоверия, должно бы было поставить вопрос о своем праве выступать от всей Украины, тем более, если оно само себя называет «демократическим».

Но социалистический Генеральный Секретариат этого не сделал, а постарался затушевать свой провал на выборах бесчисленными «приветствиями» и «одобрениями», посылаемыми от «имени населения», украинскими соц.-революционерам и соц.-демократами из разных городов и сел, и заявлениями, что — «все села за нас».

Однако, все это не могло обмануть группы населения, несогласные с фактической диктатурой украинских марксистов, и оно энергично протестовало против введения автономии и

украинизации явочным порядком. В бесчисленных заседаниях «Исполнительного Комитета Объединенных Общественных Организаций» и Совете рабочих и солдатских депутатов, посвященных этому вопросу, единодушно выступали с осуждениями деятельности Рады, как все общероссийские партии и группы, так и группы национальных меньшинств.

В ответ на это Рада устраивала торжественные шествия по городу, с участием не только, вызванных из сел, своих сторонников, но, самое главное, « украинского войска», которое, боясь отправки на фронт, всемерно поддерживало свою покровительницу — Раду.

Откуда появилось это «украинское войско»? История возникновения войска напоминает возникновение «Рады».

Уже было сказано, как под крылышком Временного Правительства, старанием Совета Рабочих Депутатов и приказа № 1, — разлагалась Российская армия, превращаясь в самую «демократическую и свободную». Пала дисциплина, нарушились все устои воинского порядка, появились тысячи, десятки тысяч дезертиров из многомиллионной фронтовой и тыловой армии. Дезертиры прежде всего наполняли тыловые города, как Киев, и все города Украины.

К концу апреля (1917) в Киеве накопилось много тысяч дезертиров и их положение не было легким, так как военное командование Киевского округа их «беспокоило». И вот, в последних числах апреля весь Киев был залеплен плакатами: «Товарищи дезертиры! все, на митинг на Сырце 30 апреля».

Огромный пустырь против Политехнического Института заполнила многотысячная толпа дезертиров. После выступления большого количества ораторов, оправдывавших свое дезертирство украинским патриотизмом, была вынесена резолюция, предложенная штабс-капитаном Путником-Гребенюком, о немедленном сформировании украинской части в Киеве и немедленном «зачислении на все виды довольствия». Требование о немедленном зачислении на «все виды довольствия», вызвало «громовое» рукоплескание. Дезертиры, во главе с избранным ими командиром полка, Путником-Гребенюком, направились к дворцу (где в это время помещались исполнительные комитеты) и заявили требование признать их «Первым украинским имени Богдана Хмельницкого полком».

Центральная Рада вынесла резолюцию: «данную группу солдат признать полком и считаться с этим, как с фактом». Совет солдатских депутатов стал на другую точку зрения и ка-

тегорически воспротивился такому способу создания украинской армии.

После длительных переговоров и совещаний, к которым были привлечены ген. Брусилов и Керенский, дезертиры восторжествовали и был признан факт сформирования этого первого полка украинской армии, но с оговоркой, что не все дезертиры, объявившие себя полком, будут таковыми признаны, а из их среды будет отобран только кадр полка, который в дальнейшем будет пополняться только добровольцами, не обязанными военной службой, а все же остальные должны быть отправлены на фронт. Но оговорка эта не удалась: все, не попавшие в кадр полка, попросту разбежались и на фронт не поехали. Полк же продолжал формироваться, не двигаясь из Киева и пополняясь не добровольцами (таковых, среди «сознательных украинцев» не нашлось), а исключительно дезертирами. Удобно расположившись в казармах, полк рос как на дрожжах, ежедневно увеличивая требования довольствия, не нес никаких караулов по гарнизону и не помышляя ни о каком фронте. Это была какая-то, никого и ничего не признающая, «Сечь Запорожская» в центре Киева, которая бездельничала, митинговала и пьянствовала, разлагающе действуя на другие части. Вскоре сам полк арестовал своего командира-основателя «Украинской Армии», шт.-капитана Гребенюка и доставил его под конвоем в распоряжение командующего войсками Киевского военного округа. Оттуда, в сопровождении одного офицера Гребенюк был отправлен на фронт, где след его потерялся. Тронуть «Богдановцев» никто не смел, ибо они находились под особым покровительством Центральной Рады и всякое действие против них рассматривалось как «контрреволюционное» и «антиукраинское».

Пример «Богдановцев» был заразителен и вскоре в Киеве сформировался еще один такой же полк — «имени гетмана Павла Полуботка». Как и «Богдановцы», он о фронте и не помышлял, но зато принял активное участие в попытке захватить большевиками власть в Киеве, в дни большевистского восстания в Петрограде.

Возникновение этого второго полка «украинского войска» очень характерно для того времени и достойно авторитету властей. В ночь на 5 июля группа украинцев-солдат, около 5 тысяч, находясь на распределительном пункте, назвала себя полком имени гетмана Полуботка, захватила арсенал, воору-

жилась и поставила караулы около 2-х государственных учреждений. От государст. зданий и из города они были изгнаны, но расположившись в с. Грушки, организовали своеобразную дезертирскую Сечь. Попытка привести их повиновению силой первого полка — «Богдановцев», не увенчалась успехом, т. к. значительная часть «Богдановцев» перешла на их сторону. Власти, тем не менее снабжали их всем необходимым и пытались «уговорить». Центральная Рада вынесла грозную резолюцию: «призвать товарищей солдат, которые живут в Грушках, к национальной гражданской дисциплине». Подстрекаемые двумя прапорщиками-дезертирами (Майстренко и Гузиенко), «полуботковцы» не хотели никому подчиняться, а только предъявляли требования увеличения довольствия.

Все попытки отправить на фронт украинизированные части, кончались неудачей. Только один раз, в августе (1917), после уговоров удалось посадить в вагоны для отправки на фронт два эшелона «Богдановцев», но дальше Поста Волынского (9 километров от Киева) они не уехали. Они подняли стрельбу и начали так безобразничать, что, находившийся на Посту Волынском эскадрон Кирасирского полка их разоружил и вернул в Киев. После этого больше никаких попыток отправки на фронт «национально сознательных» не было.

Украинский историк Д. Дорошенко (быв. министр Самост. Украины) говорит так: «Реальной пользы от украинизации было немного: солдаты разбегались, у себя в казармах ничего не делали, митинтовали, не хотели пальцем пошевельнуть, чтобы помочь Украине».

Командующий войсками в Киеве полк. Оберучев, в своих воспоминаниях пишет следующее: «Чуть только я посылал в какой-нибудь запасный полк приказ о высылке маршевых рот на фронт, как в, жившем до того мирной жизнью и не думавшем об украинизации, полку созывался митинг, поднималось украинское желто-голубое знамя и раздавался клич: пойдем, но только под украинским знаменем! И затем — ни с места. Проходят недели, месяцы, а роты не двигаются. Ни под красным, ни под желто-голубым знаменем».

Для полноты картины, следует добавить, что главными подстрекателями к немедленной украинизации были галичане — «украинцы», австрийские подданные, действовавшие или по прямым заданиям своего правительства, или потому что ими руководила ненависть к России. Украинизация ослабляла бое-

способность Российской армии, следовательно, была полезна Австрии и Германии.

Познакомившись с «украинским войском», вернемся к описанию действий самозванной Центральной Рады. В начале июля 1917 Рада начала ускоренно проводить в жизнь ряд мероприятий, которые имели целью превратить Раду в Краевой Парламент с законодательными функциями, а Генеральный Секретариат — в Правительство Украины. С исключительной быстротой были проведены все мероприятия по введению автономии Украины явочным порядком, и уже 9 июля Винниченко огласил декларацию, в которой сообщалось о уже проведенных «реформах» и намечался план на будущее. Генеральному Секретариату было поручено начать подготовку к созыву Украинского Учредительного Собрания. Но так как Учредительное Собрание может быть созываемо только в независимом государстве, то Центральная Рада тем самим высказалась, косвенно, за полное отделение Украины от России, хотя прямо об этом и не сказала.

Но это прекрасно понимали все, даже тщеславный болтун Керенский. Он появился в Киеве с министрами Церетели и Терещенко для «обсуждения с Центральной Радой создавшегося положения». Два дня длилось это «обсуждение» и закончилось 13-го июля полной капитуляцией Всероссийского Временного Правительства перед украинскими социалистами, выступавшими от имени всей Украины. О том, кого представляют те, кто с ними говорит от имени «всей Украины» и по какому праву они это делают, Керенскому даже не пришло в голову спросить. В то время считались людьми и гражданами лишь социалисты — «революционная демократия».

«Соглашение» это, которое Милюков в своей «Истории русской революции» называет «бесформенным и юридически неграмотным», — вызвало разногласия во Временном Правительстве и привело к выходу из его состава пяти министров не социалистов (кадетов), что, в свою очередь, вызвало дальнейшее полевение Временного Правительства и полное господство в нем социалистов. Керенский от имени Временного Правительства известил Центральную Раду о согласии Правительства на условия «соглашения».

Рада немедленно созвала торжественное заседание своего пленума и тут же был оглашен «2-ой Универсал». В отличие от «1-го Универсала», теперь обращались не к «Народу Украинскому», а к «Гражданам Земли Украинской», желая это

подчеркнуть, что теперь Центральная Рада есть уже не центр «национально-сознательных украинцев», а Краевой Парламент, который выступает от имени всего населения.

Известный юрист проф. Нольде пишет об этом «соглашении» так: «на скорую руку, между двумя поездами, три русских министра и проф. Грушевский (идеолог украинского сепаратизма) договорились в деле создания Украинского государства»... «неопределенному числу российских граждан, которые живут на необозначенной территории, приказано подчиняться государственной организации, которую они не выбирали и во власть которой теперь их отдают, без каких бы то ни было серьезных оговорок. Российское Правительство не знало даже, кого оно передало в подданство новому политическому творению»...

Центральная Рада была сплошь социалистическая. Ее численный состав был 822 члена и главную роль играли украинские соц.-революционеры, с которыми соперничали соц.-демократы меньшевики и, набиравшие силу, большевики. Эта социалистическая братия мало задумывались над тем, что такое реальная власть, что такое ведение администрации и народного хозяйства, думая, что можно регулировать жизнь края путем воззваний, резолюций и деклараций. Это были люди с молоду воспитанные в понятиях, враждебных государственному порядку вообще.

Между тем анархия по всей России, в том числе и на Украине, росла и ширилась. Боязнь же контр-революции, постоянный страх, как бы она не произошла, ослепила революционную демократию и она не замечала опасности слева — от растущего и усиливающегося большевизма.

После подавления июльского большевистского восстания в Петрограде, совершенное только благодаря казакам, юнкерам и офицерам, никто из власть имущих не подумал, что это восстание есть грозное предупреждение и, что оно может повториться. Попытка генерала Корнилова спасти разлагающийся фронт и всю Россию, кончилась неудачей благодаря отпору революционной демократии. Его попытка вооруженной силой прекратить анархию, вызвала обвинения в «контрреволюции». Когда, 9 сентября, в Киеве, было получено известие о выступлении Корнилова, там, немедленно, сформировался «Комитет Спасения Революции» и был сформирован ряд отлично вооруженных «боевых дружин» из рабочих-большевиков.

Началась организация, так наз., «Вольного Казачества». В

селах и городах создавались отряды «Вильного Казацства», получали оружие и облачались в «историческую» форму: шапки со шлыками, жупаны, кривые сабли и т. п. Возможность легально получить оружие и формировать отряды привлекала в ряды «Вольного Казачества» разнообразные элементы. Атаманом был выбран ген. Скоропадский, писарем — сотник Кочубей. В своих воспоминаниях Гетман Скоропадский пишет что: «деревенская молодежь, отчасти и пожилые крестьяне, охотно вступали в казачество; менее сознательные — ради шапок с кистью и жупанов; более сознательные увлекались романтичными картинами прошлого. Некоторые состояли из зажиточных хлеборобов и были настроены полностью антисоциалистично и антиреволюционно. Наряду с ними некоторые сотни принимали характер разбойничих организаций». В «Вольном Казачестве» было немало дезертиров, объявлявших себя «сотней вольных казаков» и элементов, определенно большевистски настроенных.

Вот на эту разношерстную вооруженную массу возлагала надежду Центральная Рада, надеясь, что она остановит надвигавшуюся анархию.

Против организации «Вольного Казачества» и выдачи оружия непроверенным людям высказался Съезд Губернских и Уездных комиссаров и Комитет Гражданской безопасности, так как «вольные казаки» производили самочинные обыски, аресты и конфискацию имущества.

Вскорости «Вольное Казачество» растворилось в волнах наступивших событий и нельзя указать случай, чтобы какая-либо мизерная часть «казачества» выступила в защиту Центральной Рады.

При первом известии об Октябрьском перевороте, по инициативе Рады, был создан «Краевой комитет для защиты революции». Комитет считался «ответственным перед Радой», а теоретическая власть его распространялась на всю территорию Украины. В своем воззвании к гражданам Украины, Комитет оповестил, что «на улицах Петрограда идет борьба между Временным Правительством и Советом Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов», и, что «враги революции и народной воли. могут воспользоваться этой борьбой для того, чтобы вернуть старый царский порядок и бросить народ в неволю».

Из этого обращения явствует, что «Комитет» своего отношения к борющимся не высказывал, а опасался только во-

ображаемой «контр-революции», против которой и собирался бороться. Но уже в ближайшие дни, бороться пришлось не против «контр-революции», а между собой трем силам, представленным в Комитете, сторонникам Временного Правительства, Центральной Рады и большевиками. В этой борьбе приняли участие и, заседавшие в эти дни в Киеве, два съезда: «3-й Украинский военный» и «Всероссийский Обще-Казачий».

Наиболее отчетливую позицию занимали сторонники Временного Правительства, которые проявили себя в Киеве гораздо более стойкими, чем само Правительство в Петрограде, чей глава, перед лицом опасности, бежал, спасая свою драгоценную жизнь.

Командующим войсками Киевского военного округа в то время был энергичный генерал Квинцинский, а его верными сотрудниками были два украинца: комиссар при военном округе Кириенко и комиссар города Киева Василенко, оба члены общероссийских партий и заклятые враги Центральной Рады.

Генерал Квинцинский не признал «Краевой Комитет» на том основании, что в него входят и большевики (Пятаков и Затонский), и поставил караул около всех правительственных и общественных учреждений, а верные части начал собирать вокруг своего штаба. Городская Дума резко осудила выступление большевиков и постановила создать свой «Комитет защиты революции». Большевики срочно приводили в готовность боевые дружины, обильно снабженные оружием и усиленно вели пропаганду.

Центральная Рада «нащупывала пульс настроений» и открыто против большевиков не выступала.

Киев постепенно превращался в вооруженный лагерь, в котором каждая сторона концентрировала свои силы около своих центров: Штаба Округа, Центральной Рады и Арсенала-цитадели большевиков. По городу ходили патрули: украинские, «штабовские» и большевистские.

Большевистский Революционный Комитет находился во дворце (на Печерске) и целый день принимал делегации от отдельных украинских частей, которые заявляли, что, в случае столкновения, они поддержат большевиков. Вечером 10 ноября отряд в 1000 человек, составленный из участников казачьего съезда, юнкеров и офицеров — членов Союза Георгиевских Кавалеров, окружил дворец навел на него орудия и пулеметы; украинские части не успели прибыть на подмогу

большевикам. Революционный Комитет сдался и чуть не был растерзан казаками и офицерами и был спасен заступничеством членов Рады, прибывшими для его защиты. Хотя Революционный Комитет большевиков и был спасен, но оставался под арестом. Однако, большевики не считали себя побежденными и, уже через день, подняли в Киеве восстание. Три дня длились бои в разных частях города. Сражались сторонники Временного Правительства и большевики. Центральная Рада заняла позицию, определенно дружественную большевикам. Отдельные же части, так наз. «Украинской армии» совершенно открыто сражались на стороне большевиков. В боях за защиту цитадели большевиков — Арсенала, самое активное участие принимали 1-й Запасный Украинский полк и полк Богдана Хмельницкого, вмешательство которых спасло, уже окруженный и отрезанный Арсенал от падения. Центральная Рада вынесла резолюцию с требованием немедленного освобождения арестованного большевистского Революционного Комитета, мотивируя, как сказано в резолюции, «полным отсутствием, с их стороны, попыток восстания».

Случаев активного вооруженного участия украинских частей на стороне большевиков, в их борьбе с Временным Правительством, было множество не только в Киеве, но и в других городах Украины. И, нигде, не было ни одного случая, чтобы украинские части выступили против большевиков. Неопровержимые факты дают основание утверждать, что, или Центральная Рада не имела никакой власти над «четырехмиллионной» украинской армией, или она сама была на стороне большевиков. Утверждения самостийников, что «вся Украина была против большевиков» и что она ими «завоевана», — являются абсурдом.

Активное выступление украинских частей на стороне большевиков подорвало дух защитников Киева. Ни казаки, ни юнкера не видели смысла в дальнейшей борьбе, а потому решили ее прекратить и уйти на Дон. В результате перговоров между борющимися сторонами, в которых принимала активное участие Центральная Рада, арестованный большевистский Революционный Комитет был выпущен, в обмен на пленных юнкеров, и защитники Киева уехали на Дон. Таким образом, с половины ноября, в Киеве и на всей Украине, остались две силы: большевики и Центральная Рада. Всем было ясно, что долго существовать и соперничать между собой, эти силы не будут и начнется борьба между ними.

Сразу же после Киевской борьбы, большевики начали создавать во всех крупных городах «революционные комитеты»; такие же «ревкомы» начали появляться и в малых городах, местечках, селах. В течение ноября-декабря 1917 они покрыли густой сетью всю Украину и повели энергичную пропаганду, завоевывая симпатии малограмотной крестьянской и солдатской массы своими радикальными большевистскими лозунгами: «Грабь награбленное», «Вся власть советам», «Долой войну», «Мир хижинам, война дворцам» и т. д. Левые украинские соц.-революционеры и соц.-демократы в Центральной Раде начали свой отход на большевистские позиции, на которых уже давно пребывали «независимые боротьбисты»-марксисты.

Что же делала в это время Центральная Рада? Вообразив, что она является хозяином положения на Украине, бросилась в законодательство и в «государственные дела». Воззвания, обращения, декларации чередовались с реконструкциями правительства, обсуждениями внешней политики, вынесением законов, предписаний, приказов и распоряжений, которых никто не выполнял.

В такой атмосфере, 19 ноября, был принят «3-й Универсал». Объявлялось «Народу Украинскому и всем народам Украины», что Украина называется «Украинская Народная Республика», которая «не отделяясь от Российской Республики и оберегая ее единство, твердо стоит на своей земле, чтобы помочь всей России, чтобы вся Русская Республика стала федерацией равных и свободных народов». Далее, «Универсал» оповещает: об упразднении права собственности на все земли нетрудовых хозяйств; о всеобщей амнистии; о принятии мер к немедленному началу мирных переговоров; о демократических свободах; о выборах в Украинское Учредительное Собрание 27 декабря 1917 г. и о его созыве 9 января 1918 г.

Было выпущено также воззвание, в котором было сказано, «все слухи и разговоры с сепаратизме, об отделении от России — или контр-революционная провокация, или обычная обывательская неосведомленность. Украина имеет быть в составе Российской Федеративной Республики, как равноправно государственное тело».

«3-й Универсал» был принят городским населением не только отрицательно, но и иронически-презрительно.

Киевская и Харьковская Судебные Палаты (высшие судебные институции) отказались выносить приговоры именем

«Украинской Народной Республики», не признавая Центральную Раду и Генеральный Секретариат за высшие государственные установления. Большевистские «Революционые комитеты» выносили решения о непризнании Центральной Рады, как органа, который сформировался «помимо воли населения». В Киеве большевики вели себя как параллельное правительство, игнорировали Генеральный Секретариат, реквизировали для своих надобностей здания и типографии, открыто формировали отряды «красной гвардии».

В конце ноября прошла волна еврейских погромов в Каневе, и в Умани, а в первой половине декабря — в целом ряде городов и местечек, и в них дружно принимали участие «национально-сознательные» части «украинского войска», при полном бездействии милиции. Параллельно с этим, шли разгромы помещичьих имений, сахарных и винокуренных заводов. К концу года на Украине наступила анархия, а Центральная Рада продолжала свою деятельность писанием воззваний и обращений к населению; большевики же готовились к захвату власти.

Однако они были предупреждены несколькими энергичными офицерами-украинцами, которые не побоялись взять на себя инициативу и, с небольшими отрядами, в ночь на 13 декабря, разоружили большинство большевистских сил, захвативши их врасплох. Глава «Ревкома» Пятаков и несколько его членов были арестованы, а разоруженные большевики посажены в поезда и отправлены «в Московском направлении». Вся эта операция была проведена небольшими антибольшевстскими и антисоциалистическими силами — так наз. «сердюцкой дивизии». Эта дивизия начала формироваться, вопреки протестам социалистов, из антибольшевистски настроенных офицеров и солдат, а также киевлян, которые в этой дивизии видели единственную возможность борьбы с большевиками.

Но уже на следующий день, по распоряжению Центральной Рады, арестованные вожаки большевиков, были выпущены на свободу, а Генеральный Секретариат выпустил воззвание по поводу происшедшего нарушения «завоеваний революции» и обещал впредь уважать свободу «общественных военно-революционных организаций». Совет Рабочих и Солдатских депутатов устроил шумную овацию выпущенному на свободу Пятакову и потребовал немедленного возвращения оружия и наказания виновных в разоружении.

16 декабря открылся Краевой Съезд большевистской партии; было решено «бороться против нынешнего состава Центральной Рады и стремиться к созданию на Украине подлинно революционной власти Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов». Все это делалось открыто, на глазах Украинского правительства — Генерального Секретариата, но никаких мер противодействия замыслу большевиков не предпринималось.

Центральная Рада в это время была полностью занята двумя важными вопросами: выборами в Украинское Учредительное собрание и созданием Всероссийского Федеративного Правительства в противовес Совету Народных Комиссаров в Петрограде, путем обращения 8 декабря к «Юго-Восточному Союзу Казаков, Правительству Кавказа, Правительству Сибири, к органам автономной Молдавии, к органам автономного Крыма, Башкирии и т. д., с предложением немедленно начать переговоры с Генеральным Секретариатом о создании социалистического правительства для всей России».

На эти фантастические развлечения Центральной Рады, большевики реагировали ультиматумом (3 дек. ст. ст.) потребовав не пропускать никаких воинских частей, направлявшихся на Дон и Урал; оказывать помощь в борьбе с Калединым и «кадетами»; прекратить все попытки разоружения рабочей красной гвардии и т. д.

В ответ Центральная Рада обвинила Совет Народных Комиссаров во вмешательстве во внутренние украинские дела и предложило создать для всей России социалистическое федеративное правительство из представителей всех социалистических партий и заверило, что украинские солдаты, рабочие и крестьяне защитят свои права и свой край, если народные комиссары поднимут руку великороссийских солдат на братьев-украинцев.

Создался кризис в отношениях этих двух самозванных правительств, но большевики военных действий не начинали, имея план захвата Украины, а именно путем решения Съезда советов крестьянских, рабочих и солдатских депутов Украины. Но Центральная Рада включила на этот Съезд тысячи делегатов «Спилки» (крестьян. Соц. Револ. организация) и провалила затею большевиков. Тогда они перенесли заседания Съезда в Харьков, где происходил Съезд Советов Донецко-Криворожской области. Уехавшие из Киева делегаты объединились с этим Съездом, провозгласив его «Всеукраинским

Съездом Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов» и выбрали «Всеукраинский Центральный Исполнительный Комитет Советов», который объявил, что он является единой властью на Украине.

Таким образом в конце декабря 1917 г. на Украине появилось два правительства, обвинявшие друг друга в «контрреволюционности». Харьков говорил, что за ним «массы», а Киев твердил, что кроме «масс» за ним еще и «миллионы штыков». «Массы» же занимались личными делами: крестьяне — землей, т. е. разгромом имений и самогоном; горожане заботой о сохранении жизни и имущества от тех, кто обещал им «счастливую жизнь» в будущем.

Оба украинских правительства не бездействовали. Харьковское захватывало власть в губернских и уездных городах, путем чисто внутренних переворотов и провозглашения советской власти. К концу декабря Харьков, Чернигов, Полтава уже были в большевистских руках, а в начале января была провозглашена советская власть в Екатеринославе и во всей Екатеринославской и Херсонской губерниях. Перевороты совершались без сопротивления. Лишь в Екатеринославе было оказано сопротивление отрядами из местного населения, стоявшего на общероссийских позициях. Сопротивление было сломлено, когда Овсеенко-Антонов (украинец), который командовал большевистскими войсками, оперировавшими против Дона, послал на подмогу отряд под командой Егорова. Многочисленные части «Украинского войска» не оказывали сопротивления; посланные в Полтаву на помощь местным сторонникам Рады, «Богдановцы», скоро сами обольшевичились, занялись погромами, грабежами и вернулись в Киев.

К середине января Киев уже был почти окружен. Вся территория Центральной Рады состояла из Киева, нескольких уездов Черниговской и Полтавской губерний и полосы на северо-запад от Киева. Однако, Центральная Рада, не теряя времени попусту, занималась законодательством. Земельный закон, собственные деньги, реорганизация суда и целый ряд законов были приняты Радой. Кроме законодательной деятельности Центральная Рада отправила ноту ко всем государствам мира, как воюющим, так и нейтральным. В том дипломатическом (а по Киевски — юмористическом) документе сообщалось, что «война есть наибольшее несчастье всех держав», а потому Держава Украинская решила немедленно ее прекратить путем переговоров о мире с Центральными дер-

жавами. «Мир должен быть без аннексий и контрибуции, на основе самоопределения народов». Нота жалуется, что большевики опередили украинскую демократию и заключили перемирие, не спросив согласия Украинской Народной Республики. Заканчивается нота приглашением на «Международный Съезд» всех воюющих держав.

На это приглашение марксистских недорослей не ответило ни одно государство, кроме немцев, пригласивших в Брест-Литовск мирную делегацию украинцев, что понятно в свете их стремлений на восток. (Характерно мнение французского консула в Киеве о Раде, высказанное им французскому журналисту Пелисье: «Как? Вы хотите идти в Раду? Ведь, это же все не существует! Нет ничего, кроме банды фанатиков без всякого влияния, которая разрушает край в интересах Германии. Ни Альбер Тома, ни другие французы, которые побывали в Киеве, не унизились до того, чтобы посетить Раду».)

В Брест-Литовск была послана украинская мирная делегация из четырех Соц. Революционеров (С.Р.) и одного Соц. Демократа (С.Д.), возглавляемая 27-ми летним самоуверенным премьером Голубовичем. В Брест-Литовске в это время уже шли переговоры о мире, на которых от имени всей России выступали большевики. Вначале, глава русской делегации — Троцкий, имевший помощником украинца ген. Самойло, против участия в переговорах украинской делегации никаких возражений не делал. Но 12 января в Брест прибыла вторая делегация от Украины — Харьковского Правительства, под властью которого была уже почти вся Украина, и предъявила претензии выступать от имени Украины. Претензии эти начал поддерживать и Троцкий и на этой почве возникли препирания.

Центральной Раде был необходим не только мир, но и, связанная с ним, возможность восстановить власть над Украиной с помощью немцев. Мир с Украиной был крайне необходим и немцам, в особенности Австро-Венгрии, которая зимой 1917-18 г. находилась на грани продовольственной катастрофы. Немцы могли тогда без всякого мира попросту оккупировать всю Украину, отлично зная, что «миллионы украинских штыков» не существуют. Но они хотели мир, и мир со Самостийной Украиной. Миром они формально отрывали Украину от России и получали возможность, в дальнейшем, создать Украину как свое вассальное государство. Выдвину-

тый еще в первые дни войны «Союзом Визволения Украины» план об отрыве Украины от России и присоединении ее к Центральным Державам, был близок к осуществлению.

Уже 12 января немцы официально признали за украинской Киевской делегацией право вести переговоры самостоятельно и предложили и посоветовали им провозгласить независимость Украины, т. к. с формальной точки зрения неудобно заключать мир с государством, которое еще само себя не объявило независимым. Поэтому Голубович уехал в Киев, где после его приезда немедленно был оглашен «4-ый Универсал» с объявлением независимости.

Длинный и лирически написанный «4-ый Универсал» вещал, что «Отныне Украинская Народная Республика становится самостоятельной, ни от кого независимой, вольной, суверенной Державой Украинского Народа». Универсал провозгласил «упразднение собственности и социализацию земли», «национализацию важнейших отраслей торговли», «вступление в переговоры о мире, независимо ни от кого», «роспуск армии и заведение народной милиции», «введение государственной монополии на железо, сахар и иные продукты и товары», «национально-персональную автономию для всех народов», «наблюдение за внешней торговлей», «государственной изменой за агитацию против самостийной Украинской Народной Республики и за возвращение старого строя».

«4-ый Универсал» был принят 22 января (9 января ст. ст.) в заседании Малой Рады. Из 49 присутствовавших ее членов, за Универсал голосовало 39, 4 было против и воздержалось 6.

Итак, без всякого Учредительного собрания, 39 марксистов провозгласили появление на свет Божий нового государства — Украины, что приводит в восторг нынешних сепаратистов в эмиграции. Акт этот был оглашен в заседании Рады в ночь с 24 на 25 января под звуки орудийного и пулеметного огня, когда в Киеве уже шли уличные бои с большевиками, поднявшими восстание.

Вместо Голубовича в Брест поехал Севрюк с инструкцией как можно скорее заключить мир; делегатам было дано полномочие самим ратифицировать будущий мирный договор, на случай, если бы Рада не была в состоянии это сделать. Севрюк прибыл в Брест 1-го февраля и был радостно встречен немцами, которые опасались, что украинская делегация не приедет, так как в Киеве шли уличные бои.

Торговля с немцами продолжалась несколько дней и в ночь

с 8 на 9 февраля мир был подписан. Киев в это время был уже в руках у большевиков, а часть министров Правительства, с горсточкой своих сторонников, находилась в дороге на запад, навстречу полной неизвестности.

В договоре о мире было два тайных пункта: о предоставлении немцам 1 миллиона тонн продовольствия и о будущем выделении украинских земель Австрии в автономную австрийскую область.

После подписания договора, встал вопрос о вооруженной помощи Центр. Раде. Ген. Гофман, возглавлявший немецкую делегацию, вызвал к себе Любинского (который замещал Севрюка, уехавшего в Вену просить о помощи) и дал ему готовый текст «Обращения украинского народа к немецкому народу с просьбой о вооруженной помощи». Любинский послушно подписал; немцы и австрийцы двинулись на восток, не встречая нигде сопротивления.

Правительство и Рада узнали о заключении мира и о движении немцев на Украину, находясь в вагонах около станции Сарны и перед ними стала нелегкая задача объяснить населению приход немцев и оправдать себя перед народом. У Рады было тогда всего около 3.000 «Украинского войска», включая штабных и нестроевых и это войско тоже двинулось на восток, имея перед или за собой немецкие дивизии. Немцы методично продвигались на восток не встречая сопротивления; от «украинского войска» никто не бежал, как бежало оно само, всего несколько недель перед этим, по направлению к немцам.

Немцы быстро продвигались вперед и 1-го марта они и «украинское войско» вошли в Киев. За свое короткое пребывание в Киеве, большевики учинили в нем страшную расправу, от которой пострадали главным образом их враги, русские офицеры. Их большевики легко опознавали и расстреливали на месте. Погибло в первые же дни около 5 тысяч офицеров; «сознательные украинцы» и сторонники Рады пострадали меньше, главным образом молодежь, служившая в украинских частях.

Харьковское правительство переехало в Киев и издало ряд декретов: о недействительности украинских денег, о ликвидации Центр. Рады и объявлении ее бежавших членов «уголовными преступниками».

К половине апреля почти вся Украина была оккупирована немцами; Центр. Рада продолжила свою деятельность, прер-

ванную бегством 9-го февраля. Распоряжения Харьковского правительства (большевистского) были отменены; подтвержден закон о социализации земли, призваны «земельные комитеты», в селах наступил хаос. Не лучше чем в земельном вопросе было положение и в остальных областях жизни. У немцев росла мысль о необходимости самим брать все в свои руки, чтобы обеспечить себе транспорт, снабжение и собственную безопасность.

Немецкие и австрийские агенты доносили своим правительствам о хаосе на Украине, об отсутствии авторитетного правительства и его непопулярности у населения. По их мнению, никакой Украинской Республики нет, что это один фантом, что кучке молодых людей радикального направления удалось каким-то образом очутиться в роли правительства. Личный контакт немцев с малокультурными «диячами» (деятелями) производил на них удручающее впечатление. Все это были или студенты, или молодые люди не достигшие 30-тилетнего возраста, или полу-интеллигенты — все ярые социалисты близкие по своей идеологии к большевикам. «Все они», как доносил в Вену представитель австрийского командования граф Форгач, «находятся в опьянении своими социалистическими фантазиями, а потому считать их людьми трезвого ума и здравой памяти, не приходится. Население относится к ним даже не враждебно, а иронически-презрительно».

Уже к середине апреля, немцы стояли перед диллемой: или сменить Правительство Украины или попросту всю власть взять в свои руки, провозгласив оккупацию Украины. Они решили вступить в связь с местными силами, враждебными Центральной Раде и ее социалистической политике. Это была, прежде всего, «Украинская Народная Громада», состоявшая из анти-социалистов и врагов шовинизма, которым отличались деятели Центральной Рады. Затем «Союз Земельных Собственников» и «Украинская Демократическая Хлеборобская Партия», где главным элементом было зажиточное крестьянство.

Члены этих организаций люто ненавидели всяких социалистов и искали случая с ними расправиться и прекратить их эксперименты, которые они считали «грабежом среди бела дня». Постоянные конфликты между «земельными комитетами» и зажиточными крестьянами, вынуждали крестьян обращаться к немцам защитить их от самоуправства социалистов — представителей Центр. Рады. Эти протесты и сведения, да-

ваемые правыми организациями, выявили и представили богатый фактический материал о социалистческой деятельности органов Центральной Рады, парализовавшей всякую хозяйственную жизнь.

Это вынудило командующего немецкими войсками на Украине фельдмаршала Айхгорна, издать приказ, сильно ограничивший деятельность «Земельных Комитетов». Приказ Айхгорна вызвал бурю негодования в Центральной Раде и она издала распоряжение о его невыполнении. Однако немецкие коменданты на местах неукоснительно проводили в жизнь приказ фельдмаршала и не считались с протестами «Земельных Комитетов».

Между тем «Украинская Народная Громада» и «Союз Земельных Собственников», по соглашению с немцами, подготавливали свержение Центральной Рады, занятой подготовкой к созыву Украинского Учредительного Собрания, наметив его на 12 мая.

28 апреля все лидеры Центральной Рады выступили с резкими осуждениями действий немцев на Украине. В самый разгар дебатов в зал заседания вошел немецкий лейтенант с несколькими солдатами и приказал всем поднять руки вверх, что было исполнено без протеста. Были арестованы, находившиеся в зале, министр иностранных дел — Любинский и высший чиновник министерства внутренних дел — Гаевский. Затем участники заседания были проверены, обысканы и им было разрешено опустить руки. Немцы удалились; удалились и «вожди».

На следующий день Рада занялась законодательством: приняла проект Конституции Украинской Народной Республики и единогласно изменила «земельный закон» — вместо социализации земли признала частную на нее собственность и выбрала Грушевского Президентом Украинской Народной Республики.

Итак, «вожди», заключившие мир с немцами и пригласившие их к себе, чтобы в безопасности «управлять» государством, — посрамили себя и свои принципы, отказавшись от своих социалистических бредней о социализации земли.

Пока Рада принимала новые законы и выбирала Президента Украины, в Киеве собрался «Хлеборобский Конгресс», организованный «Украинской Народной Громадой» и «Союзом Земельных Собственников». Прибыло больше 6 тысяч полномочных представителей со всей Украины, в своем подавляю-

щем большинстве зажиточные крестьяне, ненавистники социалистических опытов.

Процент крупных землевладельцев был незначителен и они терялись в общей массе хлеборобов, большинство которых было в национальных костюмах. Были и «вольные казаки» в живописных старинных казацких жупанах с кривыми саблями на боку.

После ряда докладов и речей, с резкой критикой Центральной Рады и требованием положить конец анархии, было предложено выбрать Гетмана. Предложение было принято с восторгом и Гетманом был провозглашен генерал Павел Скоропадский, который был потомком брата Гетмана Ивана Скоропадского, сменившего в 1708 году Мазепу. Богатый помещик, генерал царской свиты, гвардейский офицер, — он не был «украинцем» шовинистом, но был украинцем по рождению, происхождению. Среди украинских помещиков, потомков казацкой старшины, было не мало воспринявших общероссийскую культуру, но не забывавших и своей Украины, ее истории, языка, культуры. Они гармонически совмещали в себе патриотизм свой, украинский, с патротизмом общероссийским. Когда волна большевизма захлестнула всю Украину, Скоропадскому пришлось скрываться, как от большевиков, так и от украинских социалистов.

В 3 часа дня Конгресс закончился, а в 4 часа все его участники собрались на Софийской площади на молебен. Перед молебном на площади, в Софийском соборе, епископ Никодим благословил и миропомазал Гетмана, а затем начался молебен. Во время молебна, в своем здании, заседала Центральная Рада и принимала новые законы, а хорошо организованные генералом Дашкевичем-Горбацким отряды «гетьманцев» приступили к занятию правительственных зданий и учреждений. Никто нигде не оказал никакого сопротивления, а конный отряд охраны Центральной Рады в полном составе перешел на сторону Гетмана. Только галичане — «сечевые стрельцы» сделали попытку защитить Центральную Раду, но их сопротивление было легко сломлено, они были немедленно разоружены и распущены. Распущена была и Центральная Рада без всяких указов и церемоний: небольшой отряд «гетьманцев» выгнал членов Рады на улицу и отпустил их на все четыре стороны, чему они были рады, так как боялись что их всех перепорят. «Вожди» исчезли в разных направлениях и 30 апреля (1918) открылась новая страница истории Укра-

ины — Гетманство Павла Скоропадского. Переворот прошел без всякого участия немцев, но, конечно, с их ведома и согласия. Весть о ликвидации Рады вызвала в Киеве всеобщую радость. Радовались не только «правые» и зажиточные, но и «левые», пробольшевистские элементы, со злорадством принявшие известие о падении тех, кто не имея поддержки в народе, обратился за помощью к немцам.

Большинство министров у Гетмана были не партийные люди, а специалисты в своей области с большими знаниями и опытом. Кабинет был высоко культурен по своему составу, но несомненно «украинофильским» по своим национальным устремлениям. Гетман был вынужден считаться с немцами и их требованиями о снабжении их продовольствием в большом количестве, поэтому ставка его была на помещиков и зажиточных крестьян. Принятые меры к скорейшему возрождению крупных хозяйств были крайне непопулярны в широких крестьянских массах и породили среди них симпатии к большевикам, особенно когда ограбленные владельцы требовали возвращения разграбленного имущества и расправлялись с виновниками грабежей, чаще всего поркой. На этой почве вспыхивали восстания и появились банды партизанских отрядов. Несколько тысяч повстанцев, разбитых немцами, ушли к советам и положили основание украинским красным дивизиям в северных уездах Черниговской губернии. На юго- востоке появились и начали расти неуловимые партизанские отряды Махно. Все же, из-за присутствия немцев, хозяйственная жизнь налаживалась, снабжение городов шло бесперебойно и не было затруднений с продовольствием.

Но если Гетманское правительство имело не мало активных сторонников среди зажиточных крестьян и помещиков, то в городах положение было иное, так как там главным мотивом был вопрос политический и национальный. «Левые» украинцы были сторонниками большевиков и социалистов. «Правых» украинцев как бы не существовало. Подавляющее большинство городского населения было общероссийских настроений, а потому враждебно Правительству, не соглашаясь с ним в вопросе самостийности Украины и проводимой украинизации администрации и культурной жизни. В это время, Добровольческая Армия уже вернулась на Дон с 1-го Кубанского похода, а на Дону восстание против большевиков было в полном разгаре. Все симпатии городского населения, кроме социалистов и большевиков, были на стороне Добровольческой

Армии. Не все понимали, что Гетман был вынужден проводить украинизацию под давлением немцев, считая все это временным и верил в скорое возрождение России.

Сжившееся с общероссийской культурой население, особенно интеллигенция и горожане, относились резко отрицательно к украинизации, всячески ее саботировали и свое отношение перенесли на Гетманский режим вообще. Немцы требовали, чтобы вся культурная жизнь шла на языке украинцев, чтобы подчеркнуть самобытность Украины и оправдать ее отдаление от России. На этом настаивали, появившиеся из Галиции, сепаратисты и их подголоски — сторонники Центральной Рады, нередко требованием «украинизации» прикрывавшие собственную некультурность и малограмотность.

К появившимся галичанам «специалистам» отношение было неприязненное. Их «украинский» язык с обилием немецких и польских слов был далек от языка Днепровской и Слободской Украины.

Старания Гетманской администрации по созданию армии, реформы суда, финансов, рабочего законодательства, церковной жизни и т. д., проводились в расчете на длительное существование суверенного государства. Но разрабатываемые планы встречали сопротивление населения, которое не верило в долговечие самостийной Украины. Поражение Германии вот-вот предвиделось, а вместе с немцами решалась и судьба, связанной с ними Украины.

Гетман искал связи с Доном и Добровольческой Армией. В своих попытках Гетман натолкнулся на недоверие и отрицательное отношение со стороны Добровольческой Армии. Попытки организовать встречу ген. Алексеева, атамана Краснова и Гетмана, — кончилась неудачей, так как ген. Алексеев не пожелал свидания со Скоропадским. Гетману пришлось ограничиться встречей с Красновым, который во время этого свидания открыто сказал, что пришло время Дону и Украине подумать о «завершении» дела — о создании Единой России (свидание состоялось 3 ноября 1918 г. и поражение немцев уже было очевидностью). Носителем же идеи единой России была Добровольческая Армия и ее вождь ген. Алексеев, который в Скоропадском не видел союзника и имел на это основание.

Вскоре, после получения булавы гетманства, Скоропадский, подстрекаемый украинскими националистами, возымел желание распространить свою власть и на Кубань, где, как и на

Украине, существовала группа самостийников, кубанцев-украинцев и социалистов — врагов Добровольческой Армии. В конце мая (1918) в Киев приехала Кубанская делегация, возглавляемая самостийником и социалистом Рябоволом врагом Добровольческой Армии. Делегация была очень любезно принята Гетманом, который в ее честь устроил (3 июня) парадный обед, на котором присутствовал от немцев граф Берхем и большинство гетманских министров. Рябовол поднял бокал за императора Вильгельма, а после обеда имел разговор и совещание с Берхемом. В результате было постановлено добиваться соединения Кубани с Украиной воедино. Были ассигнованы средства для ведения пропаганды и оказана помощь оружием. Уже в июне было послано на Кубань 9700 винтовок, 5 миллионов патронов и 50 тысяч артиллерийских снарядов. В июле были отправлены орудия на 3 батареи и несколько сот пулеметов. Но эта помощь Гетмана Кубанским врагам Белых сил не ограничилась и готовился десант украинской дивизии ген. Натиева в помощь Кубанским самостийникам.

Этим широким самостийным замыслам не суждено было осуществиться. Добровольческая Армия двинулась во второй поход на Кубань, которая встретила добровольцев открытой душой, присоединилась к Белым силам и внесла свою богатую лепту кровью и жертвами на общероссийское дело спасения Отечества от красных. Кубань была освобождена без Рябовола и Скоропадского, но замысел их не был секретом для добровольцев.

Попытка Скоропадского осенью 1918 г. войти в тесный контакт с Добровольческой Армией была отклонена. Белые вожди были отлично осведомлены о настроении населения Украины и офицерства, которое пребывало там. Как на гетманской службе, так и вне ее — все оно тяготело к Добровольцам, за малыми и редкими исключениями. Офицерство и антибольшевистски настроенные круги интеллигенции и зажиточных классов не разделяли «украинство» Гетмана и были преданы идее неделимости России.

Опорой Гетмана были тысячи «хлеберобов» — зажиточных казаков и крестьян, которые выбирали его. Но после избрания, они считали свою миссию законченной и погрузились в хозяйство, отойдя от активной политики. Какой-нибудь крепкой организации, способной к быстрым и решительным действиям, Гетман создать не сумел. Единственной

его опорой были немцы, и их судьба была и его судьбой. Он тратил силы и время на старания заполучить симпатии «сознательных украинцев» и раздражал тех, на кого бы мог опереться. Нашептывания галичан-украинских монархистов об «украинской королевской короне» тоже влияли на Скоропадского и толкали его на сотрудничество с галицийскими украинцами.

Сторонники быв. Центральной Рады не теряли время и работали на подготовке свержения Гетмана и возвращения к власти своих социалистических партий. Прежде всего они доносили немцам о недостаточности предпринимаемых мер по «украинизации», что очень действовало на немцев, желавших возможно скорее отделить Украину от общероссийской культуры. В широких массах велась агитация против Гетмана за его социальные мероприятия и репрессии, в которых, большей частью, ни Гетман ни Правительство были не виноваты. Репрессии эти проводились, частично, немецкими местными властями, частично группами «хлеборобов», мстивших социалистам за покушение на их собственность. Они судили социалистов «своим судом» — нещадной поркой. Так, напр., поймавши, пытавшегося бежать с двумя мешками бумажных денег, военного министра Центр. Рады Жуковского, — хлеборобы жестоко его выпороли. Тоже самое они учинили и с лидерами Соц. Демократов Мартосом и Левицким.

Среди городского населения и интеллигенции общероссийских направлений велась пропаганда, обвинявшая Гетмана в «расчленении России» и в «службе немцам».

«Харьковское Украинское Правительство», когда немцы оккупировали Украину, переехало в Москву и образовало там «Украинский Повстанческий Народный Секретариат» и вошло в связь с украинскими социалистами для совместной борьбы с гетманским режимом.

Бывшие деятели Центральной Рады, жаждавшие власти, забыли свою вражду к Харьковскому Правительству и «москалям» и обратились за помощью к советской миссии, прибывшей в Киев для заключения мирного договора. В результате встреч и совещаний, советские делегаты Раковский и Мануильский согласились поддержать готовящееся восстание материальной помощью и обязались признать такой строй, какой будет установлен после победы повстанцев. Винниченко и другие лидеры украинских социалистов дали обязательство легализации коммунистической партии на Украине. Винниченко

соглашался даже на советскую власть на Украине, при условии чтобы ему дали полную волю в деле проведения украинизации (требование о «диктатуре украинского языка» было важно для Винниченко, так как его, как писателя, русские «затирают»).

Разные группировки на Украине, не только политические, но и бытовые и профессиональные, конечно левые и «сознательных украинцев», — готовились к моменту когда наступит поражение Центральных Держав, и объединились в так наз. «Украинский Национальный Союз». В этом «Союзе» руководящую роль играли украинские Соц. Революционеры и Соц. Демократы и, к концу сентября, Союз превратился в нечто подобное Совету Рабочих и Солдатских Депутатов.

Гетман, чуя шаткость своего положения, пригласил к себе для переговоров представителей Союза и тем означил свою капитуляцию. На переговоры явились представители «Союза» во главе с Винниченко и с готовым списком нового Правительства. После почти трехнедельных переговоров, 24 октября, было сформировано новое Правительство и в него вошли 5 представителей «Союза», членов более умеренных политических партий. Несмотря на то, что это Правительство было сформировано в результате переговоров с «Союзом», возглавление Союза заняло к нему открыто враждебную позицию. Председатель Союза Винниченко начал подготовлять восстание, против того самого правительства, в составлении которого он сам принимал участие. Готовясь к этому, он осведомлял только группу своих единомышленников.

События назревали быстро в связи с поражением Германии. Общая европейская ситуация в октябре 1918 г. была так охарактеризована Троцким: «Немецкий милитаризм будет вынужден покинуть Украину, а на смену ему поспешит милитаризм англо-французский. Нам нужно продвинуться между немецким милитаризмом, который отходит, и англо-французским, который приближается... Нам нужно поддержать рабочих и крестьян Украины. На нашем южном фронте бьется как пульс, судьба нашей власти».

Действительно, если бы Украина, с налаженной жизнью и запасами продовольствия, без потрясений оказалась во власти общероссийских антибольшевистских сил, для большевистской власти это было бы начало конца. Добровольческая Армия получила бы огромные пополнения на Украине и свое наступление на Москву могла бы повести не с далекой Ку-

бани, а с границ Курской и Орловской губерний. Никогда большевистская власть не была в более опасном положении, чем в ноябре 1918 г.

Но в тот момент выступили украинские социалисты и поддержали большевиков, подняв восстание против Гетмана. На тайном заседании заговорщиков 14 ноября, была выбрана Директория из 5 лиц (в числе которых были Винниченко и Петлюра). Руководители восстания несколькими днями раньше встретились в Белой Церкви, откуда восстание и было объявлено. Центром для поднятия восстания была выбрана Белая Церковь потому, что там находились «сечевые стрельцы» — галичане. Разоруженные и распущенные в первые дни Гетманства, они ходатайствовали о разрешении вновь сформироваться, на что Гетман и дал свое согласие.

Петлюра еще в июле был арестован по подозрению в заговоре против Правительства, но после соглашения Гетмана с «Союзом», незадолго до восстания, был выпущен. При этом он дал честное слово, что в деятельности против Гетмана и Правительства участия принимать не будет. Давши это слово, он сразу же уехал в Белую Церковь для подготовки восстания, где он и провозгласил себя главнокомандующим всех вооруженных сил повстанцев.

Петлюра обратился к населению с «Универсалом», который очень характерен, как по содержанию, так и по форме. Он гласит в выдержках: «По приказу Директории Украинской Республики, я, как Верховный Главнокомандующий, призываю всех украинских солдат и казаков бороться за государственную самостийность Украины против изменника, бывшего царского наймита, генерала Скоропадского, самочинно присвоившего себе права Гетмана Украины. По постановлению Директории, Скоропадский объявлен вне закона за преступления против самостийности Украинской Республики, за уничтожение ее вольностей, за переполнение тюрем лучшими сынами украинского народа, за расстрел крестьян, за разрушение сел и за насилия над рабочими и крестьянами. Всем гражданам, живущим на Украине, запрещается, под угрозой военного суда, помогать кровопийце-генералу Скоропадскому в бегстве, давать ему продукты и защиту... Войска Республики имеют целью вдребезги разбить строй установленный гетманским правительством, уничтожить нагайку, на которую он опирался до последнего момента. В этот великий час, когда на всем свете падают царские троны, освобождаются на-

роды, когда на всем свете крестьяне и рабочие стали господами, — в эту минуту мы, разве позволим себе пойти за помещиками?.. служить продажным людям, которые сами продавались и хотят Украину продавать бывшим царским министрам России и господствующему классу — безработному русскому офицерству и мародерам, которые собрались в контрреволюционное логово на Дону». (Под таким «Универсалом» могли бы подписаться и Ленин с Троцким).

Все большевики на Украине им сочувствующие дружно поддержали Петлюру и Директорию. Разрозненные и разбросанные по всей Украине, гетманские силы были застигнуты врасплох; одни соединения просто разбегались, другие, понимая безнадежность сопротивления, признавали власть Директории, как это сделал Запорожский Корпус полк. Балбачана в Харькове. Этот корпус был настроен прорусски и впоследствии Петлюра за это расстрелял Балбачана.

В течение первых двух недель восстания вся Украина, за исключением Киева, была в руках Директории или, вернее, тех масс, которые откликнулись на ее призыв и захватили власть на местах. Массы же эти были настроены больше пробольшевистски, чем пропетлюровски, что вскоре и выяснилось, когда Директория должна была сама бежать от этих самых масс.

Гетман поздно понял, что поражение Германии повлечет за собой увод ее войск с Украины и также потерю твердой защиты его режима. Зная общероссийские настроения кругов населения, он делает крутой поворот своей политики и, по иронии судьбы, того же 14 ноября выпускает Грамоту о федерации Украины с Россией. Этим он надеялся привлечь те силы, которые раньше отказывали ему в поддержке из-за его «украинизации» и самостийничества. Но его Грамота была встречена холодно; все были под обаянием победы союзников, верили в ее силы и желание восстановить Россию и никакой необходимости в поддержке вчерашнего самостийника Скоропадского не видели.

Гетман и его правительство бороться с повстанцами вне Киева и не пыталось, а ограничилось лишь обороной Киева, полагаясь на «сердюцкую» дивизию и кадры начавших только формироваться частей для отправки в Добровольческую Армию. Назначенный командующим войсками ген. граф Келлер, лично храбрый с высокими моральными принципами, был вскоре сменен кн. Долгоруким, занимавшм враждебную к Добровольческой Армии позицию. Он позволил себе такую по-

литическую глупость, как арест представителя ген. Деникина в Киеве ген. Ломновского, что отрицательно подействовало на двух офицеров, защитников Киева. Вскоре «сердюки» перешли на сторону повстанцев, а наскоро сколоченные офицерские дружины еще две недели держались на подступах к Киеву, тщетно ожидая помощи войск союзников-французов. В ночь с 13 на 14 декабря выступили местные, Киевские, боевые дружины большевиков и еврейских социалистических партий, и захватили различные учреждения, разоружив небольшие гетманские части и в том числе личную охрану Гетмана. В город прорвались повстанческие отряды извне.

В полдень 14 декабря Гетман подписал отречение от Гетманства, оставил дворец и был скрытно вывезен немцами в Германию. В тот же день войска Директории вступили в Киев, предводительствуемые галичанами — «сечевыми стрельцами». Единичные и редкие крики приветствия тонули в гробовом молчании жителей города. Приказом нового коменданта — австрийского капитана, галичанина Коновальца, было предписано все вывески на русском языке переменить на украинские. Киев был украинизирован под редакцией галичан, благодаря чему киевляне не понимали многих вывесок. Одновременно начались охоты на «гетьманцев» и «контр-революционеров». Пошло повальное избиение офицеров ,тела которых лежали всюду на улицах. Петлюровцы глумились над всем русским и на каждом шагу оскорбляли русские национальные чувства. Все это было настолько невыносимо, что многие мечтали о приходе большевиков.

В это время в Галиции шла борьба галичан с поляками, мечтавшими о Польше «от моря и до моря» и утверждавших, что Киев их старый польский город. На юге в Одессе высаживались французы, дружественные идее Единой России и враждебные сепаратистам, тем же членам Директории, которые не так давно заключили мир и союз с немцами. На северных границах Украины стояли две украинские большевистские дивизии, сформированные из повстанцев против Гетмана ушедших туда летом (1918).

Члены Директории увидели, что им одним не удержаться, так как народ в большинстве был против них и стали искать союзников. Одни стояли за соглашение с союзниками, а другие за союз с Москвой. В большинстве склонялись за союз Москвой. Неудачи Центральной Рады в предыдущий период и расширение симпатий к большевикам среди украинских

масс, толкали их на сговор с Москвой. Все больше и больше они склонялись принять всю программу большевиков, но чтобы власть оставалась в их руках, а не перешла к их конкуректории была о том, как бы удержать власть, а не о том, ренту — Харьковскому Правительству. Попросту забота Дикак бы принести пользу народу, о чем они много говорили. Поэтому, как только гетманская власть была свергнута, повстанческие отряды становились на сторону советской власти. Григорьев — в Херсонщине. Зеленый — под Киевом, Махно — в районе Екатеринослава. С Директорией не считались и провозглашали свою, советскую, власть или полное безвластие (Махно). Территория Директории таяла очень быстро и, к середине января (1919) большая часть Украины была вне ее власти. Вооруженные силы Директории состояли из корпуса «сечевых стрельцов» — галичан под командой австрийского капитана Коновальца, кое-какие дружины добровольцев и «Запорожский корпус» полк. Балбачана, резко антисоциалистический и тяготевший к уже начавшемуся Белому Движению на Украине.

К концу января (1919) почти вся Украина была под властью Украинского Советского правительства (Харьковского), а украинские советские части были на подступах к Киеву. Директория слала протесты в Москву, а советчики отвечали, что войну с Директорией ведут украинское советское правительство, которому Москва действительно помогает, но эта помощь неизмеримо меньше той, которую Центральная Рада получала от Германии и Австрии.

В это время в Киеве происходили заседания Трудового конгресса, делегаты которого были только «трудовой элемент» (культурные силы, как врачи, были лишены права голоса). Выборы в этот Трудовой Конгресс не везде могли быть проведены и в некоторых населенных пунктах голосовали всего несколько десятков «трудового элемента».

Заседания этого Конгресса происходили в Городском театре, с публикой в солдатских шинелях, при оружии, в волнах махорочного дыма, с бурной реакцией на выступления ораторов, начиная от криков «слава» и кончая свистом и матерной руганью.

Конгресс вынес решение о слиянии Украинской Народной Республики с Западной Украинской Народной республикой в одно государство — «Соборную Украину». Этот «исторический акт» был оглашен на Софийской площади под канонаду

из за Днепра, подходивших большевиков, а закончился подготовкой к бегству обоих сливающихся правительств: Киевского — на Запад, а Западно-Украинского на Восток. Вскоре они и встретились в районе бывшей русско-австрийской границы. Решение Трудового Конгресса о слиянии не было ратифицировано Украинским Учредительным Собранием, которое никогда не состоялось.

2-го февраля (1919) Директория, Правительство, лидеры разных партий, часть членов Трудового Конгресса и пр., а также часть «вооруженных сил», бежали из Киева в направлении на Винницу. Население столицы провожали их насмешками, особенно, ненавидимых в Киеве «сечевых стрельцов» («австрийцев»).

Бегством Директории из Киева закончился ее 45-ти дневный «киевский период» и начался длинный период «пребывания на колесах», который закончился покаянием перед большевиками и переходом к ним на службу одной части деятелей Директории или уходом в эмиграцию другой. Характеристику этих вождей дает украинец, С. Шелухин, бывший самостийнический сенатор и министр, вращавшийся в их среде и хорошо их знавший: «Работа этой части интеллигенции, хотя и незначительной, но благодаря духовной дефективности и патологической жажде власти над народом и всем — была разрушительной. На деле они показали себя бездарной и разрушительной силой, лишенной от природы конструктивного мышления. Я два раза, по необходимости, был министром юстиции и оба раза отказался, после попытки работать продуктивно в составе неспособного партийного большинства. Проявив жажду власти, эти люди создавали негодные правительства, какие уничтожали свободу нации и не выявляли ни малейшей способности к конструктивной работе. Узость понимания, свойство думать по трафарету, недостаток критики, самохвальство, нетерпимость к инакомыслящим, упрямство, неспособность разобраться в фактах, непригодность предвидеть и делать выводы из собственных поступков, неустойчивость и недостаток чувства настоящей ответственности за работу — их отличительные свойства»... («Украина», Прага, 1936 год).

Эта характеристика полностью применима не только к прошлому, но и к деятельности лиц, выступающих от имени украинского народа в эмиграции после Второй мировой войны («Неизвращенная история Украины-Руси», 1961).

Как известно, покаялись: Грушевский, два премьера — Голубович и Винниченко, военный министр и главковерх — Порш и Тютюнник. «Вожди» же мелкие и министры «колесного периода» оказались в эмиграции. Поделились они по «ориентациям»: польской, французской, английской, немецкой. Получая соответствующие поддержки от соответствующих государств, они выступали от имени населения Украины так, как будто бы они были полноправные и правомочные ее представители.

Вот эти-то люди 2-го февраля 1919 г. оставили Киев, чтобы «бороться» за Украину. Народ за ними не пошел. Подавляющее большинство населения отошло от всякой политики вообще, политически-активное меньшинство отдало свои симпатии или большевикам или белым добровольцам. Оставим на время Директорию в вагонах с ее территорией под вагонами: в начале в Виннице, а после бегства оттуда в Проскурове и, наконец, в Ровно, и вернемся к событиям на Украине.

Вступив в Киев большевики выпустили воззвание успокоительного характера, с намеками на справедливость и закономерность. Офицерам было предложено зарегистрироваться, причем объяснялось, что это делается не с целью каких-либо мобилизаций, а исключительно ради обеспечения их от самосудов. Многие поверили и обрекли себя на расправу. По истечении сроков, назначенных для регистрации, новым декретом срок был еще продлен на три дня для всех тех, кто по каким-либо причинам не успел этого сделать. Если же после этого срока будут обнаружены офицеры незарегистрированные, то они будут расстреливаться на месте без суда. Начались облавы и обыски, налеты матросов и чекистов. Че-Ка обосновалась в Липках, в аристократических барских особняках. Ночью там происходили пьяные оргии и расстрелы приводимых на допрос арестованных. Однажды, после облавы, были согнаны в анатомический музей арестованные офицеры, там заперты, а здание подожжено. Пытавшиеся выскочить были перебиты пулеметным огнем.

Итак, конец 1917 г. и весь 1918 год ознаменовались на юге России кровавой и тяжкой борьбой Добровольческой Армии, Донских и Кубанских казаков с большевиками ,а на Украине словесной борьбой и договорам украинских марксистских недорослей с матерыми марксистами, наводнившими Россию из Швейцарии и Америки. К концу 1918 г. и началу 1919 г. большевики освоили Украину частями украинских красногвардей-

ских формирований (Богунская и Таращанская дивизии), частично китайцами (5,000) и 7-8 тысяч великороссов. Освоение Украины было не столько вооруженной силой, как пропагандой большевистских идей.

Социальные, общероссийские лозунги большевиков оказались сильнее шовинистических лозунгов украинских «вождей», тем более, что противники этих «вождей» не готовили никакого национального угнетения украинского народа. Сами же «вожди» шовинисты никак не отражали воли населения Украины и за всю свою пламенную словесную борьбу никто из господствующей демагогической части украинской интеллигенции не был ни убит, ни ранен, разве что выпорот. Легко и просто, имея таких врагов, большевики заняли Украину и продолжали дальнейшее движение на еще незанятые части малыми силами. Главные же силы были брошены на борьбу с Добровольческой Армией и Казачеством — наступил 3-ий период БЕЛОЙ БОРЬБЫ. **В. Д. Матасов.**

(Продолжение следует)

Вышел в свет и поступил в продажу

II ТОМ

ПЕСЕННИКА РОССИЙСКОГО ВОИНА

под редакцией

В. Н. МАНТУЛИНА

Сборник солдатских, полковых, военно-морских, казачьих, юнкерских и кадетских песен, а также песнопений и гимнов Российской Императорской Армии — с музыкальной обработкой для мужского хора и с параллельными английскими переводами. Книга большого формата с художественными иллюстрациями. Цена $ 15 плюс $ 1 за пересылку. Заказы и чеки направлять по адресу:

Valentin N. Mantulin
P.O. Box 1166. Pearl River,
New York 10965.

COGITO ERGO SUM

«Говорила Маня Ване. надоело жить в Рязани», так начинается остроумный стишок о советском супружестве, мечтающем выехать в Израиль.

В Рязани я не был и о том, почему Мане там надоело жить, ничего сказать не могу. А вот поскулить о том, как скучновато жить в венецуэльском Маракае людям вышедшим на пенсию, имею полное право. Дом, сад, книги, редкие встречи и застолья с друзьями, заезжающими на огонек, вспомнив о захолустном товарище, поездки в Каракас на кадетские встречи, — вот и все радости жизни. И хоть, по словам Овидия, «ничто не проходит так быстро, как годы», подкатывает момент, когда встряхнуться, забыть хоть на время рутину повседневности, повидать далеких друзей, услышать от них новые мысли и идеи, побывать в другой обстановке и окружении, — становится просто необходимо. Так и решились мы с женой съездить на север, в Соединеннге Штаты, хотя путешествие это встречало целый ряд затруднений, как семейного, так и экономического характера.

Хотя бессмертный Дон Кихот и остерегал Санчо Пансу от частого употребления в разговоре пословиц, говоря, что к ним прибегают лишь люди не имеющие собственных мыслей, мне очень хочется напомнить одну: не имей сто рублей, а имей сто друзей. В эту поездку оправдалась она полностью. Наши друзья в уютном СиКлифе, незнакомом Эльбертсоне и ставшей уже почти родной Ютике, принимали нас так тепло и радушно, показали столько нового и интересного, а, главное, позволили встретиться с множеством старых друзей, повспоминать, поговорить, поспорить, так что поездка оправдала себя полностью и вернулись мы в наш Маракай, посвежевшими, обновленными, готовыми к новому периоду повседневной юдоли.

Я очень люблю пригородную Америку. Чистенькие аккуратные домики-коттеджи, садики без оград, спокойную умиротворящую природу. Другое дело города, всегда оставляющие впечатление недостроенных, где рядом с многоэтажным зданием новейшего типа прозябает какой-нибудь архаический дом, с сетью железных противопожарных лестниц по фасаду. Ох, как далеко американским городам, со всеми их небоскребами, до городов европейских, с улицами застроенными одновысотными зданиями, каждое в своем, пусть и неприхотливом,

стиле. В Европе чувствуется, что горожане живут устоявшейся жизнью. В Американских же городах у меня создается впечатление, что люди там поселились временно и собираются вскоре куда-то переезжать.

Но это только в городах. В пригородах же сразу чувствуется, что люди тут осели прочно, любят свои жилища, стараются их устроить и украсить. Главное же, что они не воюют с природой, а заботятся о ней, зовут ее к себе. Садики, деревца, кустики у многих свои мини-огороды. Так приятно посидеть в тени дерева, посмотреть на плющ, вьющийся по стенам дома, по стволам, по земле. Узнавать старых знакомых, липы, акацию, дубы, тополя. Даже чертополоху радуешься.

У нас, в тропиках, растительность тоже очень богатая, но столь буйная, столь воинственная, что ее начинаешь бояться. Трава метра два высотой и такая густая, что не продерешься. Деревья снизу голые, с листвой на большой высоте, в результате борьбы за солнечные лучи, не проникающие в чащу. На стволах растения-ползуны, орхидеи, в большинстве случаев мелко-цветные и незаметные, с вершин свисают лианы. Красиво, бесспорно, но углубляться в такую природу не тянет. Так кажется, чт в зарослях тебя подстерегает какая-то опасность, хотя змеи встречаются не так уж часто. Нет, и в природном отношении нам, тропическим жителям, нужно ездить на север для отдыха.

Все хорошо в поездках, а лучше всего встречи с друзьями, возможность поговорить, набраться новых мыслей. В эту поездку, благодаря моему очень давнишнему другу и его супруге, принявших нас в свой дом и каждый вечер приглашавших кого-нибудь из общих знакомых, встреч было особенно много, а разговоров еще больше, на темы в широком диапазоне, хотя собирались почти исключительно кадеты, так как мой друг и амфитрион главный деятель по сохранению связи между нами, «рассеянными, но не расторгнутыми».

Три вечера имели мы удовольствие побыть в обществе и редактора нашего журнала, человека живого, интересного, немедленно отзывающегося на всякое событие или новую идею. Отличает его от большинства из нас и то, что он отказывается признать, более чем преклонный, возраст большинства, как оправдание для отказа от деятельности, борьбы за идеалы, которые исповедуем.

В разговоре о «Перекличке», Николай Васильевич сетовал на

то, что сотрудники журнала избегают писать о современных событиях, предпочитая воспевать прошлое, что придает изданию несколько мемуарный характер, лишая его нужной полемичности, тех споров, из которых, в теории, должна рождаться истина. Нельзя заподозрить сотрудников журнала в том, что у них нет своего суждения о текущих мировых событиях. У каждого думающего человека, а у пишущего в первую очередь, эти мысли есть, они ими несомненно делятся с собеседниками в узком кругу, а вот на страницы печати выносить избегают. Почему?

Ответ, мне кажется, нужно искать в опасении взбудоражить некую часть читателей журнала, ревниво и тщательно оберегающую свои незыблемые идеи, отклонение от которых им всегда кажется святотатством, достойным анафематствования. Скажи хоть слово, чуть отличное от их архаических устоев, и на тебя посыплется целый град упреков, переходящих в брань, кончающихся провозглашением тебя отступником, изменником, предателем. Кто же решится вызвать на себя столь неароматный словесный дождь людей «заматерелых в преданиях» и не допускающих «никакой идеи», по словам Ключевского.

Cogito ergo sum, — думаю, значит существую — говорит римская пословица. Нет разумного человека, который бы не мыслил. А мыслить значит отзываться на происходящие события, оценивать их, находить свой взгляд на новые веяния или идеи, без обязательства, конечно, полностью принимать или отвергать их. У каждого человека есть в душе целый ряд незыблемых устоев. Большинство из них общи для всего человечества. Сюда относятся основы морали: честность, порядочность, справедливость, почитание родителей, любовь к детям и другие, отход от которых вызывает негодование у всякого добронамеренного человека.

Затем следуют взгляды или чувства, воспринимаемые менее категорично, могущие претерпевать изменения под влиянием времени или накопленного опыта. Вопросы религии, национального самосознания, политических убеждений всякий думающий человек решает по своему и, зачастую, вносит поправки в свое установившееся credo, если находит к тому веские причины.

Девизом императорской армии, а следовательно и кадет, было: за веру, царя и отечество. Это в те далекие дни казалось незыблемым. Но ведь под «верой» подразумевается не

только убеждение в существовании Божием, но и безоговорочное принятие всех положений, диктуемых нам нашей церковью. Трудно, почти невозможно дословно принять многое, что преподавали нам законоучители, начиная с сотворения мира, минуя Иону во чреве кита и кончая восхвалением тех, кто «имет и разбиет» вавилонских младенцев о камень, как в Великом Посту на субботних всенощных поет хор. Да и как можно почитать православие единой церковью Христовой, если даже в нашей эмиграции разделилось оно на четыре юрисдикции.

Второй член девиза — «за царя», указывает на императивную необходимость разделять монархическое мировоззрение. Думается мне, что подавляющее большинство из нас является наследственными монархистами, т. к. идею эту мы приняли не в порядке логического мышления, а унаследовали от своих отцов. Но ведь в нашем девизе под словом «царь» подразумевается самодержавный монарх, не ограниченный никакими законами или конституцией. Многие ли из нас, монархистов, с этим согласны, многие ли смогут так ясно и доказательно сформулировать свое монархическое воззрение, как делает это профессор Андозерская в «Октябре 16-го» у Солженицына? Не думаю. Скорее, если поговорить по душам с нашим братом, найдутся среди нас все оттенки монархических воззрений, начиная с самодержавия и кончая самым либеральным конституционализмом.

Наконец, «за отечество». Не кажется ли тебе, читатель, что это понятие для нас наиболее трудно определимо. Старая Императорская Россия? Но ведь ее нет. Теперешняя — СССР, в отрицании которой мы, как никогда, едины? Будущая? Но в каком виде? А тут возникает вопрос и о странах, в которых живем. Можем ли мы считать их своим отечеством? Затмевают ли они наше чувство к России?

Перечисленного, кажется мне, больше чем достаточно, чтобы позволить редактору нашего журнала помещать в нем статьи, трактующие наши главные идеологические вопросы с различных точек зрения, отвергая лишь те, что приемлют коммунизм, это главное зло нашей эпохи, эту основную причину переживаемых миром катаклизмов.

Это призыв к редактору. Сотрудников же нужно просить писать на спорные темы, не боясь корректной критики или возражений, помогать читателям находить свой взгляд на переживаемое, ибо из обсуждения противоречий в большин-

стве случаев рождается истина. Если же будут возражения, резкие по характеру, но выраженные в надлежащем тоне, — а других, я уверен, редактор не допустит, — то к ним нужно быть готовыми. Даже и брань можно перенести, памятуя слова дедушки Крылова:

Завистники, на что ни взглянут,
Поднимут вечно лай;
А ты своей дорогою ступай:
Полают да отстанут.

Помогает в таких случаях и сентенция Саши Гитри: «Если бы те, что меня ругают, знали, что я о них думаю, они ругали бы меня еще крепче». Неужели и в нашем журнале действуют пять законов социализма, сформулированных в одном польском журнале:

1. — Не думай.
2. — Если думаешь, не говори.
3. — Если думаешь и говоришь, не пиши.
4. — Если думаешь, говоришь и пишешь, не подписывай.
5. — Если думаешь, говоришь, пишешь и подписываешь, не удивляйся.

Исходя из всего изложенного, и пытаясь хоть немного пополнить брешь в тематике «Переклички», где почти нет статей на острые темы современности, решился я высказать свои мысли на одну из них — о родине. Да не примет их читатель, как поучение, хотя бы уже потому, что и у меня нет убежденного ответа на эту тему. Пусть будет моя статья простым призывом к обсуждению жгучего вопроса, пусть побудит она и других высказать свои мысли для выяснения общего взгляда, не столько нужного нам, чья жизнь уже вышла на последнюю прямую, как детям нашим, которым еще жить и действовать.

В беседах с Николаем Васильевичем, как того и следовало ожидать ,возник вопрос о взаимоотношениях главенствующих в мире стран — Соединенных Штатов и Советского Союза, и об их возглавителях президенте Рейгене и коммунистическом вожде Горбачеве. О последнем еще рано говорить, т. к. он себя еще не успел выявить. О Рейгене же у всех есть свое мнение и почти всегда категоричное: его или превозносят, или бранят. На мой взгляд, это безусловно указывает на незаурядность его личности, о посредственностях так горячо не судят.

Рейген — и вооружение Америки. Мой собеседник отказы-

вается обсуждать этот вопрос, сносясь на свою в нем некомпетентность. Мне же вспоминается старая истина: если хочешь мира — готовься к войне, а перебирая свои заметки, нашел я и следующие слова Великого Петра: «От презрения к войне общая гибель следовать будет, как то в падении греческой монархии явный пример имеем: не от того ли пропали, что оружие оставили и единым миролюбием побеждены, желая жить в покое всегда уступали неприятелю, который их покой в нескончаемое рабство тиранам отдал».

Призывал ли наш первый император к войне? Не думаю, хотя отрицать его склонности к такого рода действиям, когда это нужно, никто не может. Скорее, кажется мне, он упреждал мнение Солженицына, высказанное в «Августе 14-го»: «Мудр тот, кто уступает, стоя при оружии, а не опрокинутый навзничь».

Возможность же быть «опрокинутым» в соревновании США - СССР у Рейгена очень большая. Да простят мне редактор и читатели изобилие цитат. Привожу их, т. к. твердо уверен, что выслушать мнение признанных авторитетов, в этом случае Черчилля, всякому более интересно, чем терять время на ознакомление с мыслями захолустного венецуэльского обывателя. А Черчилль сказал:

«В каком-то смысле СССР более опасен, чем Гитлер... У него свой храм коммунистических адептов. Его эмиссары работают во всех странах, в качестве пятой колонны... У СССР своя безбожная религия и своя коммунистическая доктрина полного подчинения личности государству, а за этим стоит самая большая в мире армия, находящаяся в руках правительства, которое преследует империалистические цели, с несравненно большей агрессивностью, чем любой царь или кайзер».

Хочу ли я этим сказать, что СССР вызовут войну? Отнюдь, нет. Горбачеву, Рейгену, да и всем ясно, что современная война будет означать гибель всего человечества и на это никто не пойдет, да и не нужна СССР война для достижения своей основной цели — мировой революции. Они это постигают тихой сапой, при помощи пятых колонн, о которых говорил Черчилль, или используя «меньших братьев» — кубинцев. Посмотрите на карту. В Азии и Африке уже почти нет белых пятен, вкрапленных в основной красный цвет коммунистических или попутнических государств. Даже в Америке к красным Кубе и Никарагуа уже присоединяется Сальвадор, не

говоря о Гренаде, куда пришлось таки послать морских пехотинцев, чтобы уничтожить очаг заразы, грозившей всем странам Караибского моря, включая и мою Венецуэлу. Как же воспротивиться «тихой сапе», если не «стоять при оружии»?

Если мы не противимся политике Соединенных Штатов, касательно вооружения, то многие дипломатические quid pro quo Рейгена нам кажутся непростительными. Как может возглавитель великого государства «пошутить» по телевидению, сказав, что он завтра прикажет бросить атомную бомбу на Москву? Насколько умно и дипломатично сказать, готовясь к встрече с Горбачевым, что он от нее ничего не ждет? Не кажется ли вам, как мне, что Рейген чересчур размахивает кулаками, в то время как советчики всюду и везде подчеркивают свое лживое миролюбие.

Войны, надо думать, не будет, а советский спрут и дальше будет протягивать свои щупальцы по всей нашей планете и остановить их продвижение нечем. В зажиточных странах, теперь вежливо называемых «развитыми», щупальцы наталкиваются на какое-то сопротивление, базирующееся на этой самой зажиточности, а в странах бедных — «развивающихся», щупальцам большинство радо.

Коммунисты действуют пропагандой своих, в общем-то, незамысловатых идей, больше всего действующих на молодежь. Весь мир уже знает, что увлечение социалистическими идеями — это детская болезнь, которая со временем и при накоплении жизненного опыта, проходит. Но ведь действенная, энергичная часть населения это именно молодежь. Против советского вооружения, западный, здоровый мир тоже может вооружаться. А вот пртив кммунистической пропаганды запад безоружен и мы не видим проблесков в этом трагическом положении. Если и есть какие-то попытки противостоять советской пропаганде, то они почти всегда крайне неуклюжи, принося зачастую больше вреда чем пользы. Как можно говорить русскому народу, что именно он повинен в зарождении коммунизма и его последствиях? Как можно поддерживать все народы, живущие в СССР, в их идее освобождения от советской власти и исключать из их числа русский народ, наиболее пострадавший? Ведь такая пропаганда только озлобит любого русского человека, заставит его, как и во времена Гитлера, сплотиться вокруг ненавистного, но своего правительства. Говорил же Клаузевиц, что в войнах идеи принадлежат правителям, их выполнение полководцам, а народу —

ненависть к врагу.

Увы, в пропагандном отношении западу нужно поучиться у СССР, т. к. борьбу двух начал решать будет не оружие, а идеи. И в этой борьбе даже мы, старики, еще можем что-то сделать, как это постоянно указывает Н. В. Козякин. Мы можем и должны, всегда и всюду, словом и делом настаивать на лжи коммунистических идей, на неповинности нашего народа в их победном шествии по миру, на необходимости привлекать этот народ к себе, а не объявлять его заклятым врагом, как это делали немцы в начале Первой войны: Jedem Russ — ein Schuss. Если каждый из нас сумеет убедить в этом хоть двух-трех американцев, французов или аргентинцев, он принесет миру свою «лепту вдовицы», сможет сказать, как умиравший марк-твеновский матрос: «Бог поручил мне простую работу, но я гордо скажу Ему, что выполнил ее хорошо».

Ну а если война все же будет, если каким-то чудом договорятся враждующие стороны не применять атомное оружие, т. к. оно принесет конец всему живущему, а драться по-старинке, с применением, конечно, современной техники? Что нам тогда делать? Для людей моего возраста ответ ясен: садиться в концентрационные лагеря, по примеру американских японцев в минувшую войну, или же забиться в свою щель и «помалкивать в тряпочку», говоря советским жаргоном. Ну, а люди среднего возраста или молодежь, сыны и внуки наши? Тут во весь рост встает вопрос о родине, т. е. о стране, которую мы таковой признаем и ощущаем, а решать его пришлось бы и нам, старикам, не способным действовать, но обязанным ответить на него для себя, для своей совести, а может быть и для совета своим детям и внукам.

Иди на бой за честь отчизны,
За убежденье, за любовь,
Иди и гибни безупречно,
Умрешь не даром: дело вечно,
Когда под ним струится кровь,

писал Некрасов. Тут все понятно и безусловно правильно, когда слова эти относятся к людям, родившимся, выросшим и всю свою жизнь проведшим в одной стране. Для них понятие «отчизна» ясно без коментариев. А к какой отчизне должны отнести совет Некрасова мы, хранящие Россию, как свою родину в сердцах, но выросшие, воспитанные, живущие в других странах, которых может быть не одна, а больше. Я, каюсь, нигде не чувствую себя так дома, как в Югославии. Не

принимая ее политический строй, сочувствуя населению в его горестях, принесенных тито-коммунизмом, я не могу отрешиться от нежного чувства к этой бедной стране, где протекли молодые годы, где старые дома, улицы, деревья в парках, навевают воспоминания о невозвратном прошлом, ощущения, так хорошо воспетые Нонной Белавиной:

Я вновь брожу по улицам знакомым,
Тем, что когда-то отняла война...
Как хорошо! Я здесь — своя. Я дома.
И словно юность мне возвращена.

Затмевает ли это наше чувство к исконной родине — России? Никоим образом. Среди нас уже почти не осталось людей, покинувших Россию в сознательном возрасте. Даже старейшие хранят о ней лишь детские воспоминания. Но любовь к России мы восприняли от отцов наших, может быть даже получили ее в числе прочих наследственных качеств. Вся наша молодость проходила под знаком России, мы восприняли ее, как страну ни с чем для нас несравнимую. Мы впитали в себя богатейшую русскую культуру, по сравнению с которой все, что нам дает запад, кажется бедным и незначительным. Но, как ни горько это признать, все наши чувства направлены к старой, дореволюционной России.

Не знаю, согласится ли со мной большинство читателей, но я верю, я даже убежден, что и будущая Россия станет страной, достойной любви, уважения, может быть и восхищения, хотя будет она совершенно непохожей на историческую Россию. Не смогут десятилетия преступного эксперимента над нашим народом полностью искоренить в нем те качества, которые создавали Святую Русь в прошлом.

Ну что ж, что там теперь лишь кровь и дым?
Придет конец и дьявольской затее!
Но мы в изгнаньи твердо сохраним
В сердцах, как в историческом музее,
Ту родину, что знали мы вчера...
И гром побед и ширь родимой песни...
И мир дождется, что придет пора
И Русь, моя, как Иисус, воскреснет.

Вместе с милой Нонной я твердо верю в осуществление этого пророчества. Россия прошлого и Россия будущего — это наша Россия.

Ну, а Россия сегодня? Увы, сегодня России, на мой взгляд, нету. Есть огромная страна, живущая чуждыми нам идеала-

ми, делающая все возможное, чтобы искоренить в нашем народе все те лучшие качества, которыми гордился он на протяжении минувших столетий: веру в Бога, честность, порядочность, неподкупность, душевность. Наш народ калечат в духовном смысле и пытаются сделать его проводником коммунистических идей во все страны мира. Идея национального патриотизма заменена верою в коммунистическую псевдо-религию и вместо призыва к борьбе за Русь Святую, русских людей готовят воевать за социалистический мир. Есть много показателей, что в этом советская власть преуспевает.

СССР не Россия. Это сознают не только люди подобные мне, но и совсем недавние советские граждане, там воспитанные, плоть от плоти тамошней среды и общества. Вот, что писал, например, А. Зиновьев: «Я хочу вернуться в Россию, но я никогда не вернусь туда. Многие видят в этом противоречие. Но никакого противоречия тут нет. В русском языке слово «хочу» имеет смысл абстрактного желания и конкретного намерения сделать что-то. Можно хотеть сделать что-то, не имея намерения делать это и даже имея намерение не делать этого. У меня нет намерения возвращаться. Более того, у меня есть твердое намерение не возвращаться, хотя у меня есть страстное, мучительное желание вернуться. И дело тут не в логических двусмысленностях и тонкостях нашего русского языка. Дело тут в реальной однозначности и грубости нашей русской жизненной ситуации. Дело в том, что возвращаться некуда, возвращаться незачем, возвращаться некчему.

Для нас, детей нашей жуткой и беспрецендентной Эпохи, нет места здесь, на Западе, — мы не можем играть чуждые нам роли в чуждом нам историческом спектакле. Но и возвращаться в Москву для нас есть на самом деле отдаление от нее в бесконечность и навечно.

Возвращаться некуда, возвращаться незачем и уже не осталось ничего такого в тебе самом, что способно возвратиться».

Знаю, что мнения г. Зиновьева разделяются далеко не всеми, но помня совет Ивана Андреевича Крылова: «Не презирай совета ничьего, но прежде разбери его», я хотел бы сказать читателям: не важно, кто сказал. важно — что сказано.

Если даже вчерашний советский профессор полагает, что возвращение в Москву на самом деле является удалением от нее, то что же думать нам, эмигрантам, хранящим в своей памяти этот город, как исконный центр старого, родного нам,

русского духа. Нет, СССР не Россия, мы не можем почитать его своей родиной, гордиться им, любить его, быть готовым к его защите. Гордясь своей родиной в прошлом, веруя в ее светлое будущее, нам приходится признать, что в настоящем национальной родины у нас нет.

Ну, а каково же наше отношение к тем странам, в которых мы живем, почитаем ли мы их своей новой родиной, стали ли мы их настоящими патриотами? Думается, что поскольку-постольку.

Существует категорическое мнение, что этим странам мы ничем не обязаны, т. к. честно расплачиваемся с ними нашим трудом, помощью в их развитии и благосостоянии. Я так не думаю. За труд наш мы получаем соответствующие гонорары, дающие возможность благополучного существования, в большей или меньшей степени, в зависимости от личных способностей и усилий каждого. Но мы должны быть благодарны этим странам уже за то, что они нас приняли к себе, когда нам фактически не было куда деваться, позволили трудиться и жить почти наравне со своими гражданами, не щупали наши мускулы, когда нас сюда впускали, а вместе с молодыми и сильными принимали и старых, и немощных, предоставив им возможность доживать в относительном благополучии. Я уже признался в своей любви к Югославии. Но можем ли мы сравнить возможности, которые предоставляла нам братская страна, с теми, которыми пользуемся в странах заокеанских.

Другое дело — политика. Мы можем не соглашаться с государственными устоями наших стран, мы видим и осуждаем бесконечные ошибки правителей, многим из нас претит избыток «демократии», особенно в отсталых странах, но мы должны признать, что и тут мы равноправны с коренным населением, имеем те же возможности, пусть крайне ограниченные, влиять на ход государственной жизни.

Да, мы никогда не сможем почувствовать себя настоящим американцем, бразильцем или чилийцем, но любовь к этим странам в нас постепенно накопляется. В «Августе 14-го» Солженицын приводит следующие рассуждения еврея, жившего в России в пред-революционные годы:

«Страна, где ты живешь, попала в беду. Так что́ правильно: пропадай, черт с тобой? Или я тоже хочу тебе помочь, я твой? Живя в этой стране, надо для себя решить однажды и уже придерживаться: ты действительно ей принадлежишь душой? Или нет? Если нет, можно ее разваливать, можно из нее уе-

хать, не имеет разницы... Но если да — надо включиться в терпеливый процесс истории: работать, убеждать, понемножечку сдвигать...».

Это совет русского еврея — евреям же. Но будучи справедливыми, мы должны признать, что положение евреев в Императорской России, с ее чертой оседлости, ограничением прав на образование, общим презрительным отношением, было много хуже, чем наше в заокеанских странах.

Хотим мы этого, или нет, но мы начинаем любить свои страны, жить их интересами. Аргентина оккупировала Мальвинские или Фальклендские острова. Всем было ясно, что это авантюра, что Англия этого не простит. Я написал письмо друзьям в Буэнос Айресе, когда все уже было там кончено, и напомнил сербскую поговорку, утверждающую, что щекотать медведицу лучше не надо, делая некий намек на английскую премьершу м-м Татчер. На этом переписка с друзьями и кончилась, т. к. они оказались аргентинскими патриотами и на мою шутку обиделись.

В самом начале века Англия прикарманила часть венецуэльской территории, огромную область Эзекибо, присоединив ее к своей колонии Гвиане. Теперь Венецуэла требует эту область обратно, т. к. там повидимому есть хорошие минеральные залежи, а населения почти нет. К тому же самостоятельная теперь Гуяна, страна полу-коммунистическая. Какое мне, казалось бы, дело, но я чувствую себя венецуэльцем и буду на стороне моей хаотической страны, если дело дойдет до драки. Таких примеров множество.

Зреет и зреет конфликт между западом и востоком, говоря без обиняков, между Соединенными Штатами и Советским Союзом. Верю, что до войны не дойдет, но и в борьбе идей и в, возможном все-таки, вооруженном столкновении, наше место в рядах запада, не только для того, чтобы защищать свое благополучие, но и для помощи родине России, столь великой в прошлом, столь светлой в будущем и столь грозно враждебной сейчас.

Владимир Бодиско.

СУЩЕСТВУЮ, ЗНАЧИТ ДУМАЮ.

(По поводу статьи В. В. Бодиско)

Редактору журнала собственно не полагалось бы писать статьи с политическим уклоном в особенности если журнал этот не является его собственностью. Его всегда, с некоторой долей истины, могут обвинить в использовании редакторских возможностей для навязывания своих идей читателям. Принимая это очень строго ко вниманию, я, хотя и было иногда кипение в крови, воздерживался от писания журналистических статей, сохраняя свой пыл к тому счастливому времени, когда сменит меня на этом неблагодарном посту другой энтузиаст и я смогу, наконец, не получать, а сам писать письма редактору. Однако человек предполагает, а Бог располагает. Мой старый и добрый друг, беседуя за стаканом американского «дринк'а» в гостеприимном саду нашего председателя высказал ряд мыслей на современные темы о возможной войне, вооружении, патриотизме и об отечестве, коснувшись слегка и церковных дел. И когда, прощаясь, Владимир Васильевич Бодиско ядовито прошептал: «А статью на эту тему я тебе все-таки пришлю», я понял, что она нарушит мой редакторский покой, основанный на принципе невмешательства и сведет меня с положения дирижера оркестра на положение второй скрипки в этом оркестре, всегда ответственной за погрешную тональность. Но выбора у меня нет. Беседу с Владимиром Васильевичем продолжать надо.

Я начну с конца, чтобы мое начало поставило мою точку зрения в правильные координаты. Я не думаю что вопросы религиозные и нестроения церковные следует нам разбирать на страницах мирской печати. Во-первых, потому, что компе-тентность наша в этих вопросах весьма ограничена и мы склонны принимать иносказание за реальность. Библейские темы мне думается не всегда есть слово истины, а скорее описание длинного пути к неверию совершенного теми, кто не признал Христа. Что касается юрисдикционных нестроений они скорее входят в сферу гео-политических обстоятельств нашей современности. Ведь нельзя же отрицать надобность независимой Американской Православной Церкви, окормляющей тех, кто растворился в американском море, но сохранил православие, так же как и огромный духовный подвиг, который возложила на себя Русская Зарубежная Церковь, строго охраняющая древнее предание, когда вокруг рушатся устои других хри-

стианских церквей, ставших легкой добычей марфиной суеты и потерявших «благую часть» Марии (Лука 10, 42). Другие заграничные юрисдикции вероятно являются продуктом географического положения или личной несогласности. Положение русской Патриаршей церкви в Москве заслуживает пристального изучения. Церковь эта бесспорно существует вопреки желанию атеистического государства. Один этот факт убеждает нас что борьба с религией в Советском Союзе далека еще от окончательного решения. Церковь составляют клир и миряне. Если признать, что клир находится под неусыпным контролем властей придержащих, нужно также признать что миряне посещающие церковь из под этого контроля силой своей воли ушли. Я не говорю о контроле физическом, за ними конечно следят, но эти люди духовно уже свободны. Они переступили грань страха и готовы на личные жертвы. Следовательно церковь существует вопреки режиму, а не благодаря ему. Мы должны быть с теми, кто поборол в себе страх и своей моральной силой осуществляет сохранение православной веры на нашей родине. Церковь сегодня, как там, так и зарубежом играет первенствующую роль в борьбе добра со злом. Именно поэтому нам надо ее всецело поддерживать и не раздувая неполадки в большой пожар, разрешать их без участия прессы и публичных выступлений, зачастую ведущих к расколу, на радость третьему, радующемуся успешному исполнению задуманного им плана. Мы, как последний бастион стоим на страже русского наследства и должны всегда, не поддаваясь эмоциям, отличить главное от второстепенного. Это конечно, не относится к темам связанным с пленением клира безбожной властью; хотя и в этом вопросе критика должна быть очень осторожной, т. к. некоторая уступчивость клира может быть объяснена соображениями тактическими, используемыми исключительно для сохранения главного.

Вот вопрос о возможной войне и о существующей двухсторонней гонке вооружений заслуживает открытого обсуждения. Вопрос войны, в наше время, вопрос жизни всей планеты и потому он требует глубокого и всесторннего анализа. Является ли гонка вооружений следствием угрозы войны или угроза войны возникает как продукт безудержного стремления к демонстрации силы. Конечно никогда не следует быть слабым, однако черезмерное накопление силы, если она является самоцелью, приводит вершителей судеб к безудержному вла-

столюбию, примером чему могут служить Александр Македонский, Чингиз Хан, Наполеон и Гитлер, когда здравый смысл уступает место одержимости. Гонка вооружений для прессы всегда была вопросом сенсационным, приводившим журналистов к бескомпромиссному соревнованию в погоне за материалом для ошеломляющих читателей статей. Сколько раз нам приходилось читать перед утверждением оборонного бюджета, что Советский Союз на несколько лет обогнал США в качестве и количестве боеголовок. И столько же раз мы читали, что Союз отстал от американской военной технологии на десятки лет, когда нужно было перед началом мирных конференций убедить противную сторону в своей силе. Настоящее количество боегловок мы никогда не узнаем, т. к. проблемы вооружения разрешаются в тиши правительственных кабинетов с учетом экономики, социальных и политических условий и научного сотрудничества. Вот почему я уклоняюсь от обсуждения вопроса о вооружениях, ссылаясь на свою некомпетентность. Нельзя конечно отрицать необходимость вооружаться тем странам, которые готовятся к столкновению или хотят себя защитить от него. Однако проблема вооружения, мне думается, скорее следствие основного вопроса, а не его первопричина. Основная причина напряженности в современном мире лежит не в гонке вооружений, а в обстоятельствах вызывавших эту гонку, создав психологию войны, грозная тень которой нависла над миром и разделила нас на ястребов и голубей. Это деление, мне кажется, очень примитивным. Ведь ни ястребы (во всяком случае большинство из них) не утверждают, что надо воевать, ни голуби не говорят о безусловной сдаче. Расхождение между ними лишь в выборе путей для разрешения причины, вызывающей мировое напряжение. Первые придерживаются мнения, что устранять разногласия следует угрозой силы, в то время как вторые ищут более цивилизованных путей для решения спорных вопросов. Вероятно правильный путь лежит где-то посредине. Мир в котором существуют только две супер-державы не может считаться политически правильно сбалансированным. Попытка неприсоединившихся государств создать третью силу, создавая равновесие в политической игре в наш атомный век оказалась несостоятельной. Третьей силы в обозримое время не видно. Мир разделен на две части не по национальному признаку и не только разницей экономических систем, но и по политико-идеологической направленности, настолько различной в своей

идейной сущности, что сговор в этой области, при условии сохранения двух систем, будет очень трудной задачей. Вот в этом идеологическом расхождении и кроется начало всех начал. С этого нам и надо начинать беседу о нашей роли в этой развивающейся титанической борьбе. А участвовать в ней мы должны как политические эмигранты, если конечно не прерываем свою духовную связь со страной, культуру и историю которой мы унесли в изгнание. Да и не только по этой причине, но может быть даже больше потому, что смысл этой борьбы далеко перешагнул национальные интересы и обратился в глобальную задачу. Подмена значимости идейных расхождений национальными различиями или разницей экономических систем, крайне ошибочна, т. к. отвлекает внимание с основного вопроса на побочные, что уже не раз приводило к трагическим результатам. Вполне согласен с Владимиром Васильевичем Бодиско, что «... борьбу двух начал будет решать не оружие, а идеи. И в этой борьбе даже мы, старики, еще можем что-то сделать...». Надеюсь, что читатели нашего журнала выскажутся по этому вопросу, не поддаваясь пропагандной шумихе, с какой бы стороны она не исходила.

Вот риторический вопрос Владимира Васильевича: «Ну, а если война все же будет... Что нам тогда делать», связанный им совершенно справедливо с «вопросом о родине», т. е. о стране, которую мы таковой признаем и ощущаем», поставлен предельно остро, совершенно во-время и требует искреннего ответа каждого из нас, основанного на велениях его совести и настоящих верований. Общее правило здесь, вероятно, неприменимо, т. к. ответ на этот вопрос базируется на личном сознании человека, которое руководит им на данном отрезке его жизни. К сожалению трудно не признать, что Маркс был в одном из своих постулатов, очень близок к истине, когда изрек: «Бытие определяет сознание». Собственно следовало бы сказать не «определяет», а «влияет на сознание». Конечно верно, что «дом» находящийся в стране пребывания, дети, внуки выросшие там и зачастую вошедшие полностью в жизнь страны, обязывает нас защищать их от посягательств внешнего врага, но разве это создает, в данном случае, конфликтную ситуацию. Разве борьба на идеологическом фронте не есть глобальная борьба, в которую включены и страны пребывания. Разве эта борьба не связана с нашим желанием предотвратить вооруженное столкновение, а не способствовать ему, что уже является фактором весьма положительным во

всех отношениях. И наконец, разве желание освобождать нашу настоящую родину от чужеродных идей и принесения нашего народа в жертву мировой революции не есть естественный и законный патриотизм. Вернемся мы в Россию или нет, вопрос вполне не существенный. Вероятно нет, по возрасту. Тут мы обеспечили свои преклонные годы прежним трудом, способствовавшим развитию и прогрессу страны пребывания, которой мы принесли наши знания и отдали активные годы творчества. Там мы сядем на шею своего народа и так измученного стоянием в очередях за хлебом насущным. Но это обстоятельство ни с какой стороны не может влиять на решение нашей совести продолжать до конца борьбу с последствиями октября 1917 года.

Не знаю, стоит ли беседовать о локальном патриотизме к странам пребывания. Лояльность к ним и исполнения всех законов обусловлены к обязательному исполнению нашим договором о подданстве и следовательно не подлежит дискуссии. В случае серьезного конфликта издаваемых страной законов с совестью гражданина, он имеет возможность, предварительно отказавшись от подданства, уклониться от их исполнения, если они не совместимы с его убеждениями, но это вопрос исключительных случаев и очень индивидуальный.

Вот воевать, да еще в добровольном порыве, за, якобы, отнятую у Венецуэлы область Эзекибо, по моему, право не стоит. Владимир Васильевич принесет гораздо больше пользы и Венецуэле и всей нашей грешной планете, если сохранит свою энергию хотя бы только для сотрудничества в «Перекличке», не говоря уже о его научных трудах. А в Эзекибо в это время одни латино-американо будут бить других латино-американо своих же единокровных братьев, как это делали наши удельные князья,в борьбе за власть и угодья, уничтожавшие русский народ.

Судьба предопределила нам переселяться из одной страны в другую. В одной мы оставили нашу юность и молодость, в другой порыв зрелых лет и свитое своими руками гнездо будь то в песках Марокко или джунглях Парагвая и каждый из этих стран мы отдали ностальгию пережитого. Этот сентиментальный патриотизм, собственно говоря, всего лишь нежная любовь к милому невозвратимому прошлому. Вечным же остается только один клад, который мы бережно пронесли через всю свою жизнь и которым мы щедро делились с окружавшим нас миром — это радость быть приобщенным и нести в себе

нас миром — это радость быть приобщенным к русской культуре и нести ее в себе. Это радость быть русским. И та Россия, позволим ей умереть вместе с нами. Мы унесли ее в изгнание и мы должны вернуть ее нашему народу обновленной, глубоко переосмысленной, с корнями уходящими вглубь веков, но с кроной зеленеющей в нашем современном мире. Вот на этом нам всем и надо работать без ненужных сомнений.

Н. В. Козякин.

ВОПРОСЫ ИНОСТРАННОЙ ПОЛИТИКИ В ВАШИНГТОНЕ.

10-го октября в Вашингтоне состоялась конференция по вопросам иностранной политики устраиваемая ежегодно Государственным Департаментом. На нее были приглашены представители общественных организаций для ознакомления с положением во всех важных местах мира и для обмена мнениями по затронутым вопросам.

Докладчиками были помощники министра или директора департаментов.

Программа продолжалась с 9 утра до 6 вечера и закончилась выступлением гос. секретаря Шульца и приемом для участников конференции в элегантных залах апартаментов министра.

Каждый участник конференции получил при входе увесистую папку со всякого рода информацией, начиная со списков всех участников собрания, которых оказалось около 500 человек, и кончая всевозможными документами относящимися к иностранной политике США.

Просмотрев внимательно списки присутствующих я убедился, что самая большая группа участников состояла из представителей, так называемых этнических организаций.

Кроме нас — русских были представители армян, афганцев, арабов, евреев, белорусов, украинцев, словаков, чехов, болгар, румын, венгров, палестинцев, португальцев, мексиканцев, поляков, китайцев, японцев, литовцев, эстонцев, латино-американцев и греков.

Присутствовали также представители американских и иноязычных газет и журналов, религиозных организаций, женских обществ, пенсионеров, политических организаций, рабочих юнионов, организаций прав человека, бывших военных, вра-

чей, юристов, школ, университетов, торговых предприятий, радиостанций, издательств и банков.

Из этого перечня видно, что американская общественность была представлена очень широко.

От главного правления Конгресса русских американцев (КРА) присутствовали В. П. Политис председательница Комитета защиты прав человека при КРА и А. Б. Боголюбов, член главного правления.

От Вашингтонского отдела КРА присутствовали К. Л. Боголюбова, М. Е. Марьяшец-Креус и З. С. Мендюк. На конференции были прочитаны доклады на следующие темы:

«Политика США в Африке», «Американо-советские отношения и атомное оружие», «Средний Восток», «Центральная Америка и район Караибского моря», «Дальний Восток и бассейн Тихого океана» и наконец в 5:30 вечера должен был выступить гос. секретарь Шульц. Доклады обычно продолжались полчаса с тем чтобы оставшиеся 15 минут посвятить обмену мнениями и вопросам к докладчикам.

Как видно из тем конференции в программу были включены все животрепещущие вопросы современной мировой политики.

В докладах не было новых сведений для такой аудитории, однако интерпретация этих сведений и фактов ответственными служащими Государственного Департамента была очень интересна и давала сжатую картину американского подхода ко многим вопросам мирового значения.

Еще более интереснгми были мнения высказываемые слушателями, и ответы на трудные вопросы, которые они задавали докладчкам.

В журнальной статье невозможно, даже вкратце, передать содержание докладов и обмен мнений по затронутым вопросам, поэтому я ограичусь только всех нас итересующей темой отношений Советского Союза и Америки.

Докладчиком был Марк Палмер, помощник министра по вопросам европейской и канадской политики, еще молодой человек проработавший больше 20-ти лет в Госдепартаменте, неплохо говорящий по-русски ипроведший по несколько лет при Американских посольствах в Индии, Сов. Союзе и Югославии. По своей должности Марк Палмер ответственен за формировку американской политики в отношении Советского Союза и восточной Европы.

Вот короткое содержание его доклада:

Советский Союз и Америка еще долгие годы останутся на

позициях антагонизма.

Однако для лучшего взаимопонимания и для предотвращения возможности военного конфликта, нам нужно вести переговоры с Советским Союзом по различным вопросам.

Кроме ключевого вопроса об атомном оружии, очень полезны переговоры, выясняющие отношения между Советским Союзом и Америкой в критических районах земного шара. Такими являются Афганистан, Ангола, Эфиопия, Ближний Восток, Никарагуа и т. д.

Громадное моральное значение для Америки имеет тема прав человека.

Вспомним, что договор Солт II не был ратифицирован Америкой отчасти из-за положения академика Сахарова, и из-за советского вторжения в Афганистан.

Также важны вопросы культурного и научного обмена, торговли и т. д.

Насколько мне известно президент Рейген готов сотрудничать с Сов. Союзом в 19 различных областях. Несмотря на это наши отношения с Сов. Союзом также сложны, как сложен современный мир.

Поэтому нельзя ожидать разрешения этих проблем в результате одной или двух встреч на высшем уровне. Нужны систематические и терпеливые переговоры по всем этим вопросам.

Как правило Советский Союз считается с силой — будь то военной, экономической или моральной.

В период Вьетнамской войны и Вотергейта советы воспринимали положение в Америке как пример разложения капиталистического режима. В этом духе писали и их газеты.

Теперь положение в нашей стране именилось и советы увидели, что экономическая и моральная сила Америки восстановлены.

Президент Рейген убежден, что в конечном итоге, возможно добиться полного атомного разоружения.

Должен признаться, что когда эта альтернатива была впервые предложена президентом она не имела поддержки ни в Госдепартаменте, ни в Пентагоне.

Ее считали невозможной мечтой! Однако президент настаивал и добился понимания и поддержки. План его такой: сначала обе стороны значительно сократят атомный арсенал, затем будут введены с обеих сторон системы противоядерной защиты («звездная оборона»). и после этого будет изъято из

употребления все оставшееся атомное оружие.

Для достижения такой благородной и трудной цели нужны целенаправленные, систематические переговоры, и здесь роль Горбачева может оказаться решающей.

Повидимому новый генсек хочет чтобы его на Западе воспринимали как энергичного, делового и прагматичного лидера, и как образованного и воспитанного человека.

Предстоящие переговоры с президентом Рейгеном покажут есть ли у него эти качества и если таковые есть, то как он ими воспользуется. После доклада было, как всегда, много вопросов, поднималось много рук.

Нам повезло и В. П. Политис сделала следующее заявление: «Я являюсь председательницей комитета прав человека при Конгрессе Русских Американцев. Мы считаем что все граждане Советского Союза должны иметь право на свободный выезд и что это право не смеет быть предоставляемо только одной группе Сов. граждан. В частности мы имеем ввиду Игоря Огурцова, русского христианина, осужденного в 1967 году и сейчас находящегося в ссылке.

КРА долгие годы добивался выезда его и его родителей, но по непонятным причинам, его фамилия была вычеркнута из списков тех о ком хлопочет Госдепартамент.

Это оскорбительно для меня лично и для нашей организации и поэтому мы публично об этом заявляем».

В своем ответе Палмер сказал, что он вполне согласен, что свободный выезд должен быть доступен любому советскому подданному.

Однако, по словам Палмера, советские власти охотнее выпускают тех у кого есть родина вне Советского Союза, каковой считается Израиль для евреев и Германия для поволжских немцев.

Посколько у русских нет родины вне Сов. Союза то и выпускают их не так охотно.

На эти слова Палмера, В. П. Политис ответила, что по ее мнению Сов. Союз является скорее тюрьмой народов, чем их родиной! Ее слова были покрыты аплодисментами присутствующих.

Относительно второй части заявления В. П. Политис, Палмер обещал, что имя Огурцова и его родителей будет внесено в списки Госдепартамента.

В обеденный перерыв небольшая делегация от Конгресса Русских Американцев посетила советский отдел Госдепарта-

мента и снова хлопотала по делу Огурцова.

Выступление министра иностранных дел Шульца было назначено на 5:30 вечера, но нас предупредили, что он слегка запоздает.

Вероятно большинство присутствующих этому не удивилось, т. к. в это время развивались события в связи с захватом арабскими террористами итальянского туристического лайнера «Акилле Лауро», на борту которого находилось много американских туристов.

Примерно через полчаса Шульц появился в зале.

Он извинился за опоздание и начал свое выступление с заявления, что интернациональный терроризм является одной из важнейших мировых проблем.

Далее он подчеркнул, что США на переговоры с террористами не пойдут и будут добиваться привлечения виновных к судебной ответственности. Тема эта была не новой, однако никто из присутствующих не подозревал, что как раз в этс время решался вопрос о насильственной посадке египетскогс самолета с палестинскими террористами на американской военной базе в Сицилии. Очень возможно, что получасовая задержка Шульца была вызвана этими событиями. Только вернувшись домой я узнал, из вечерней сводки новостей, об операции американских истребителей и об аресте палестинцев.

Ввиду задержки в программе Шульц предложил сократить свое выступление и перейти к вопросам с мест. И на этот раз нашей делегации повезло. Мы снова дружно поднимали руки и снова выбор пал на В. П. Политис.

Вопрос Веры Павловны заставил Шульца призадуматься. Он сказал: «Ваш вопрос очень интересен и говоря это я думаю как на него ответить». Это откровенное признание министра вызвало общие аплодисменты.

Вера Павловна начала с протеста против смешения понятий «русский» и «советский». Упирая на то, что советский режим не представляет русский народ, а также другие народы Сов. Союза. Затем она спросила почему американская политика базируется на предпосылке, что коммунистичиский режим в Сов. Союзе долговечен? Почему наше правительство так слабо поддерживает стремление народов Сов. Союза и в первую очередь русского народа к свободе? Почему мы — американцы не ведем идеологической борьбы с режимом насилия и лжи в Советском Союзе?

Отвечая на этот трудный вопрос, Шульц сказал, что в дан-

ное время нет признаков скорого развала советского режима.

У нас американцев принципиальные разногласия с советами о том, как лучше устроить человеческое общество. От конца Второй мировой войны становилось все более ясным, что советская система не жизнеспособна. Развивающиеся страны испытали это на себе и многие из них, включая Китай, начинают вводить прагматические меры заимствованные у свободных стран Запада. Этот процесс будет углубляться и расширяться.

Еще более опасным для советского режима является рост технологии информации, без которой был бы невозможен удивительный технический прогресс последних лет.

В нашем открытом обществе информация является двигающей силой прогресса. Мы ее приветствуем, умеем ею пользоваться и даже ею иногда злоупотребляем.

В засекреченном советском обществе информация является достоянием режима и используется в целях пропаганды, которая никого больше ни обмануть, ни воодушевить не может.

Американская молодежь с детства пользуется компьютерами и выростая легко включается в сложные технологические процессы, которые без компьютеров были бы немыслимы.

В Сов. Союзе этого нет и поэтому страна продолжает отставать от Запада во всех областях. Таким образом, время работает на нас.

Мы же должны продолжать поддерживать наши идеалы свободного, открытого общества.

Как видно из вышеизложенного, Шульц, по понятным причинам был осторожен в своем ответе. Однако аудитория прекрасно поняла основную мысль Шульца и наградила его заключительные фразы аплодисментами.

Неутомимая Вера Павловна передала Шульцу книгу Толстого-Милославского о насильственной выдаче русских советам в годы после Мировой войны.

После окончания программы всех участников конференции пригласили на прием к министру. В отличие от самого здания министерства, которое снаружи и внутри не радует глаз посетителя, официальные аппартаменты на том этаже, в которых устраиваются дипломатические приемы, обставлены с исключительным вкусом, размахом и богатством. С балконов открывается прекрасный вид на столицу и ее окрестности.

Буфет тоже оказался на высоком уровне и проголодавшиеся участники отдали дань холодным и горячим закускам, напиткам, десертам и фруктам, которыми были заставлены несколь-

ко громадных столов.

Во время приема мы выискивали нужных нам людей, заводили новые знакомства и передали заинтересованным лицам специально переизданную Конгрессом Русских Американцев статью А. И. Солженицына «Неправильное представление о России, это угроза Америке».

Перед концом программы всех участников просили заполнить анкеты комментариями и пожеланиями для будущих конференций.

Наши рекомендации были: уделить больше времени теме совето-американских отношений и теме идеологической борьбы протв коммунизма, как альтернативы военной конфронтации между Соединенными Штаами и Советским Союзом. Заканчивая эту статью хочу обратиться к кадетам, проживающим в Америке: Примите активное участие в работе КРА. Эта организация нам идеологически близка.

К нашему мнению начинают прислушиваться. Нам нужны голоса не только в Вашингтоне, но и по всей Америке.

Говорить правду о коммунизме и о России это наш прямой гражданский долг перед СШ и перед русским и американским народом.

Алексей Боголюбов.

ИСТОРИЯ И ПОЛИТИКА.

Мало кто верит в наше время в беспристрастность истории. Времена свободных от посторонних влияний историков давно уже сами ушли в историю вместе с честностью и научной моралью, стоявшими всегда на страже истины. Сегодня историю не исследуют, а подгоняют под целесообразность, определяемую политической, личной или экономической надобностью. В мире общей ненависти, видимо, нет места беспристрастию.

Историю нашего народа внешний мир стал искажать много веков тому назад, а с 1917 г. в это деяние, по указке коммунистической партии, включились и исследователи в Советском Союзе. Смысл их искажений имел иную цель, чем искажителей западного мира, однако обе стороны дружно слились в общий поток, распиная истину, в желании подвести нужную историческую базу под их политическую направленность.

Пример такого искажения — «Закон о Порабощенных Нациях» (P.L. 86-90), который мы ниже печатаем для ознакомления с ним наших читателей, полностью воздвигнутый на

базе предпосылок выдвинутых раньше пресловутым райхсминистром Розенбергом.

Опыт прошлых лет укрепляет нас во мнении, что путь к победе над коммунизмом лежит в плане идеологической войны с ним, приоритет которой бесспорно гораздо важнее, чем стремление к разрешению конфликта путем вооруженного столкновения. Признавая русский народ первой жертвой полоненной интернациональным коммунизмом мы не только утверждаем историческую истину, но и определяем правильную стратегию идеологической борьбы. Не угроза уничтожения русского народа, а возвращение его в среду свободных народов представляется нам единственным возможным решением к восстановлению мирного сотрудничества всех народов населяющих нашу планету. Закон 86-90 не способствует этому решению, а помогает противнику укрепить свои позиции. Он перемещает ответственность за трагический эксперимент с мирового коммунизма на оседланный им и доведенный до полного бесправия, и этнически, и религиозно наиболее преследуемый, забытый в списке этого закона, русский народ.

Н. В. К.

ЗАКОН О ПОРАБОЩЕННЫХ НАЦИЯХ.

P. L. 86-90

«Так как величие Соединенных Штатов может быть в большой степени отнесено к тому, что они сумели демократическим путем осуществить гармоническое национальное единство своего народа, несмотря на крайее разнообразие его расового, религиозного и этнического происхождения, и

Так как это гармоническое объединение разнообразных элементов нашего свободного общества привело народ Соединенных Штатов к обладанию теплой симпатией и пониманию народных чаяний повсюду и к признанию естественной зависимости между народами и нациями мира, и

Так как порабощение значительной части населения мира коммунистическим империализмом превращает идею мирного сосуществования наций в насмешку и наносит ущерб естественно-связывающему взаимопониманию народа Соединенных Штатов с другими народами, и

Так как, начиная с 1918-го года, империалистическая и агерссивная политика **русского коммунизма** привела к созданию обширной империи, которая представляет собою жесточай-

шую угрозу безопасности Соединенных Штатов и других народов, и

Так как империалистическая политика **коммунистической России** привела, путем прямой и косвенной агрессии, к порабощению и лишению национальной независимости Польши, Венгрии, **Украйны,** Чехословакии, Латвии, Литвы, Эстонии, **Белоруссии,** Румынии, Восточной Германии, Болгарии, Континентального Китая, Армении, Азербейджана, Грузии, Северной Кореи, Албании, **Идель-Урала,** Тибета, **Казакии,** Туркестана, Северного Вьетнама и других, и

Так как эти **захваченные нации,** видя в Соединенных Штатах цитадель человеческой свободы, **ищут их водительства и содействия в деле их освобождения и возвращеня им независимости и права пользоваться их христианской, иудейской, мусульманской** и другими религиозными свообдами, а также иными личными свободами, и

Так как для безопасности Соединенных Штатов жизненно необходимо, чтобы **стремления к свободе и независимости,** проявляемые народами этих покоренных наций, были неукоснительно поддерживаемы, и

Так как стремление к свободе и независимости подавляющего большинства народов этих захваченных наций являет собою могущественную преграду к войне и одну из лучших надежд на осуществление справедливого и прочного мира, и

Так как нам подобает официальным путем и подобающим образом ясно показать таким народам тот исторический факт, что народ Соединенных Штатов разделяет их чаяния вновь обрести свободу и независимость, то отныне да будет:

Постановлено Сенатом и Палатой Представителей Соединенных Штатов Америки, в Конгрессе собранных, что Президент Соединенных Штатов уполномачивается и его всенародно просят обнародовать прокламацию, объявляющую третью неделю июля 1959 года «Неделей Порабощенных Наций» и призывающую народ Соедненных Штатов **отметить таковую подобающими церемониями и выступлениями.** Президента далее уполномачивают и просят **обнародовать подобную же прокламацию ежегодно,** доколе не будет достигнута свобода и независимость для всех порабощенных наций мира.

Примечание

Приведенная выше резолюция была единогласно принята в заседаниях Сената (6-го июля 1959 года), и Палаты Предста-

вителей (8-го июля 1959 года) и направлена Президенту, который и издал соответствующую прокламацию.

При вынесении этого закона президентом США был Айзенхауэр, министром иностранных дел — Доллес; председателем Сената — Никсон.

ГЕНЕРАЛ ДРАЖА МИХАЙЛОВИЧ.

Только недавно американская Стратегическая Служба позволила ознакомиться с частью документов времен Второй мировой Войны, сняв с них засекреченность. Информация, полученная после ознакомления с ними, рассеивает туман интриг и лжи, окутывавший движение сопротивления, которое возглавлял генерал Дража Михайлович. С первых дней окупации, уведя в горы горсточку не сложивших оружие патриотов, он вел партизанскую войну с извечным врагом славянства и расчленителем Югославии, оккупировавшим его землю, твердо выступая за цели установленные королем-рыцарем Александром I, на смертном одре завещавшим «чувайте (берегите) Югославию».

Дража Михайлович, тогда еще полковник, начал партизанское движение имея только личное оружие и винтовки устаревшего образца, зачастую питаясь только козьим сыром. В этот период времени партизаны коммунисты, руководимые Тито отсиживались в горах, не беспокоя немцев, а направляя все свои усилия на борьбу с партизанами национального героя Михайловича. Так продолжалось до 22 июня 1945 года, когда Германия напала на СССР. С этого момента Тито повел борьбу и с немцами. Вскоре после начала войны на востоке темные тучи начали сгущаться над движением Дражи Михайловича. Британская разведка в Югославии стала доносить, что он сотрудничает с немцами, приписывая в своих донесениях его успешные акции против оккупантов партизанам Тито. Разноречивые информации, получаемые из Югославии, заставили американского генерала Донована послать своего агента к партизанам невзирая на то, что это было вопреки установленному соглашению между союзниками передавшему разведку в Югославии под ведение британцев. Посланный американский агент, Джордж Муслин, провел 8 месяцев среди партизан Михайловича. В своих донесениях он сообщал, что, несмотря на мизерную помощь, которую партизаны в то время получали от союзников, они проводили успешную парти-

занскую деятельность, саботируя транспорт и спасая летчиков парашютировавших со сбитых над Югославией самолетов. Не знали ген. Михайлович и мистер Муслин, что Джеймс Клугман, помощник шефа отделения британской разведки в Каире, к кому поступали все данные разведки, использовал доступные ему средства, чтобы приуменьшить значение и успехи националистов, систематически изменяя и редактируя сообщения агентов разведки благожелательно оценивавших деятельность ген. Михайловича или сообщавших отрицательные данные о действиях партизан Тито. Сообщения Клугмана главному командованию представляли националистов как неспособных к развитию серьезных операций или просто как коллаборантов с немцами. Рассекреченные документы также показывают, что Клугман саботировал снабжение ген. Михайловича, посылая ему канцелярские принадлежности вместо оружия и аммуниции, которые в обилии направлялись партизанам Тито. К концу войны деятельность Клугмана и его агента Филби привела к полному прекращению помощи партизанам Михайловича, не считаясь с тем, что они спасли и эвакуировали 512 чинов американских военно-воздушных сил.

Совершенно поразительно как ген. Михайлович мог до конца оставаться лояльным к союзникам и никогда не проявил горечи по отношению к ним.

Ген. Д. Михайлович не покинул своих партизан после окончания войны, а разделил с ними судьбу. Его захватили коммунисты и он погиб при невыясненных обстоятельствах, обвиненный в коллаборации, сфабрикованной британскими агентами в Каире.

В настоящее время группа американских летчиков, спасенных националистами, совместно с сербскими эмигрантскими организациями добивается разрешения соорудить в Вашингтоне памятник ген. Михайловичу. Некоторые правительственные круги считают что время для этого еще не настало, т. к. деятельность ген. Михайловича все еще спорная. Дело Клугмана и Филби все еще живет.

По материалам опубликованным в «Вашингтон Пост-Комментари» 11 июня 1985. составил *Н.В.К.*

И. Попов

Маленький Алказар – Гучья Гора.

Ночная бабочка на свет ко мне влетела,
Кружилась бедная, летала над свечой,
Коснулся крылышек огонь, она сгорела
И почерневшая лежит передо мной.
И вот вся жизнь ее: из тьмы на свет влеченье,
Но может быть в круженьи у огня
И в жгучести его прикосновенья,
Для бедной бабочки вся прелесть бытия.

Оживляемое мною событие, которого я был сам участником, происходившее в Югославии между серединой декабря 1944 г. и концом февраля 1945 г., русские газеты отметили как «Маленький Алказар».

Перед тем как перейти к непосредственному описанию случившегося, я считаю нужным сказать несколько слов о том, каким образом мы попали в католический монастырь под названием «Гучья Гора», находившийся к северу от города Травник.

В конце декабря месяца мы начали свое наступление от Зеницы на город Травник, чтобы очистить дорогу на Баня-Луку-Загреб, т. к. эта дорога была бы короче для нашего отступления от г. Сараева.

Наши IV и V полки, вместе со вспомогательным оружием зенитных и дальнобойных орудий, находившихся в селе Бусовача, начали очистку дороги от партизан. IV полк шел фронтом из Зеницы, V полк под командой полковника Рогожина из села Бусовача.

Мы заняли Села: Грм, Горни Чайдраш, Доньи Чайдраш, где был смертельно ранен мой командир и друг Игорь Чеславский. Я заменил убитого командира. Зима была в полном разгаре. Отсутствие теплого обмундирования, нужного вооружения, транспорта, а также и идей «за что же мы боремся»?, делало цели непостижимыми и движения вялыми. Мы наступали только по тому, что этого от нас требовали. О том, что мы проиграем войну никто не думал и никто себе не представлял настоящее политическое положение. Мы задержались на занятой позиции несколько недель ввиду недостатка снаряжения и отчаянного сопротивления партизан, но в конце января 1945 г. началась новая операция и мы заняли села Витез (он имел железнодорожную связь с Бусовачей), Повечерска, Погулица, Ветреница, Кула, Бандол, Мосор и монастырь с селом «Гучья Гора».

Партизаны, не выдержав нашего напора, бежали, оставив без боя город Травник. Как нас встречало население само собою понятно. Как могут встретить люди, бывшие несколько месяцев в коммунистическом раю, своих освободителей, а к тому же русских. Говорили только одно: «будет вам тяжело, партизан как листьев в лесу».

Пройдя линию Травника, мы заняли позицию с правой стороны города. Я был отозван со взводом в село Мосор, в котором уже находился штаб II батальона IV полка.

Мы поместились на обещанный отдых около штаба батальона, выставив посты и неся караульную службу. Счастье наше продолжалось не долго. Утром, спустя несколько дней, меня вызвал к себе ком-бат и приказал за отсутствием карт, перечертить с его карты поражаемые места в случае наступления партизан, которые я должен был покрывать огнем из минометов. Пристрелка через головы своих была удачно произведена и мы спокойно отдыхали, уничтожая расплодившихся зайцев и диких голубей тем самым пополняя недостающее питание.

Партизаны, прийдя в себя после нанесенного им поражения, попытались наступать по всему фронту, в частности и на нас. Минометы калибром в 81.4 мм. открыли заградительный огонь по наступавшим, через головы нашей пехоты.

Под утро, 7 ротой кап. Левандовского, были взяты пленные и приведены в штаб батальона, они сообщили о готовящемся большом партизанском наступлении.

Это не были прежние оборванные, босые и голодные бандиты, какими я представлял их себе раньше, это был V Освободительный партизанский корпус маршала Тито обученный советскими инструкторами сброшенными к ним на парашютах, вооруженный и оснащенный во много раз лучше нас. Наступление началось, а тем самым начались и наши тревожно-бессонные ночи. Регулярно каждую ночь около 3-4 часов утра когда сон овладевает человеком раздавалась «Тревога»! «К орудию»!.. «По цели номер»! «Тремя минами»!.. ответ «Готово»!... «Огонь»!... Отобьем несколько назойливых наступлений, и к рассвету опять тишина. Правее нас на расстоянии 2 км. находился монастырь и село «Гучья гора», о которых я и хочу рассказать.

Сам монастырь находился выше села и был разделен дорогой ответвляющейся от Травника мимо села Мосор, где был штаб батальона. Дорога мимо села Гучья Гора шла дальше

в село Бранковичи, где и заканчивалась.

При отступлении партизан мосты были частью разрушены, частью просто сожжены. Начиная от Травника шла цепь скалистых гор, повышаясь к монастырю. Монастырь находился между селом и горой. Выстроен он был в середине прошлого столетия из толстого сеченого гранитного камня, стены уходили толщиной приблизительно до 1 метра. Это была средневековая крепость, христианская твердыня, с тремя воротами кованного железа обращенными на север, восток и юг. В западной части четырехэтажного здания монастыря, расположенного ввиде прямоугольника, находилась церковь, поднимавшаяся над всем зданием, к небу, двумя колокольнями. С лицевой стороны, между колокольнями, в середине виньетки был указан год стройки 1868, остальные три стороны этого цельного здания помещали внизу жилые помещения, кухню, кладовые с необъятным количеством 20-летней ракии и запасами всевозможной еды: кукурузной муки, риса, сушеного мяса, копченой свинины и пр. Аркообразная, напоминающая средневековую стройку, — конюшня для 5 пар лошадей была выложена кирпичем. Просторный двор был уложен каменными плитами. По середине двора тек обледеневший горно-родниковый ручей преобразованный в водопровод. На расстоянии 3 метров от внутренних стен нижнего этажа, были, по квадрату, расположены толстые колонны, на которых покоились внутренние стены верхних этажей. Там находились отдельные комнаты почти одинаковых размеров. Это были классы монастырской школы. Коридор соединял комнаты I этажа и хоры церкви.

Церковь в готическом стиле очень красиво расписана умелым художником. Заметно было отсутствие статуй, характерных для католической церкви. Церковь скорей напоминала православный храм что и вызывало в нас восторг и молитвенное настроение. Я часто присутствовал при богослужении и как никогда горячо молился Богу в эти суровые дни.

На восточной стороне, вне корпуса монастыря, были амбары кукурузы, зерна, сена и крытое помещение для телег, защищенные толстой наружной стеной. За стеной в восточном направлении через дорогу было две хатки, но в них никого не было. С южной стороны монастыря, шагах в пяти от его стены, находилась дамба, под которой шла дорога в село Бранковичи, расположенное ниже дороги и состоявшее из сотни домиков и прилегающих к ним разграниченных заборами,

дворов.

Село было довольно богатое по сравнению с остальными селами, через которые мы проходили. Население этого села было католического вероисповедания, благоприятно расположенное к нашим частям и не сочувствовавшее партизанам.

В ночь с 16-II-45 на 17-II-45 гарнизон монастыря состоял из неполной VI роты командиром которой был кап. Роговской, отделения которой с трудом отбивавшихся от наседающих партизан, занимали высоты вокруг монастыря. Ком-полка приказал усилить гарнизон артиллерийским взводом. В этот же день я с минометами был послан в «Гучью Гору» для подкрепления VI роты с приказанием быть там до прихода арт-взвода, что я и выполнил.

Прийдя туда я скоро разобрался в боевой обстановке и приготовил позицию под кладбищем приняв во внимание оборону с 3 сторон с севера, запада и юга; в этом я впоследствии оказался прав, т. к. партизаны наступая с севера и запада обошли нас с юга и минометы пришлось вращать почти на 270 градусов.

Помню, к.к. сейчас, было воскресенье, служба в монастыре прошла торжественно, ксендз с тремя монахами отслужил месу. Играл на органе один из монахов, великолепно исполняя труды великих композиторов в особенности «Аве Мария», Гуно. Народ групками стал расходиться по домам. Я вернулся к своим минометам. Интересно отметить замечание одного из моих солдат. «Посмотрите какой правильной змейкой идут бабы домой, не переодетые ли это партизаны»? «Не была ли здесь их разведка»? В дальнейшем слова его оказались пророческими; партизанские минометы обстреляли нашу позицию. День выдался светлый, погода была хорошая, зимняя, мороза не было, но снег хрустел под ногами.

К вечеру я получил телефонограмму сняться с позиции и вернуться обратно в Мосор. Ком-бат видно заботился больше о себе.

По дороге я встретил наш арт-взвод, мост не выдержал и пушка застряла в сваях. Проходя мимо на вьюках и поздоровавшись с товарищами я обменялся впечатлениями о монастыре и невольно почувствовал, что их скоро опять увижу. Мосор со своим уютом меня уже ждал. Выпив молока и утолив голод я проверил все ли в порядке и удалился к себе в комнату в надежде в эту ночь выспаться. Судя по самочувствию ночь обещала быть спокойной.

Наступила ночь — тихо. Село объято крепким сном, изредка где-то скрипнет калитка, или нарушат тишину стук сапог о булыжники дороги солдата сменяющего товарища, я невольно смотрю на часы, четвертый час ночи, ну сейчас начнется, мелькнула у меня мысль. Действительно, вбегает связной из штаба и объявляет тревогу. Снова началось наступление партизан. Гучья Гора в агонии, слышна методично стрельба пулеметов, частые выстрелы орудий и разрывы снарядов.

Впечатление жестокого боя. Телефонист сообщает ком-бату о тяжелом положении в Монастыре. Сильно наседает противник.

Утро. Наши остались на своих позициях, только одной вершины были отброшены, но к утру вернулись обратно, есть 2 убитых рядовые из взвода об. л. Низовцева, а сам он отбивался уже в ручную. Я получил приказ идти с минометами в монастырь для усиления огня.

Занял прежнюю позицию. Днем приезжал священник и хоронил убитых. На одном красовалась ленточка железного креста. Артиллеристы рассказывают, что партизаны подкрадывались на 40 метров и приходилось с прямой наводки бить о каменную ограду обдавая осколками наседающих. 5 часов вечера, партизаны наступают на вершины, видно как наши не выдержав натиска бегут оставляя высоты, а за ними гонятся партизаны и бросают ручные гранаты. Пушка несколько раз гаркнула, наступила зловещая тишина. Я под кладбищем, правее меня часовня, за нею 75 мм. орудие, впереди школа, орудие открывает огонь, в школе накопились партизаны. Бронебойный снаряд пробивает стену и внутри разрывается. Как тараканы встревоженные светом, как звери почуявшие опасность смерти, разбегаются кто куда партизаны. Романов, бывший советский снайпер, стреляет по бегущим.

Я поднимаюсь на кладбище чтоб рассмотреть обстановку; в часовенку попадает тяжелая мина, разрыв глушит меня. Направляюсь к минометам боясь за прислугу. Начинается ружейная и методичная пулеметная стрельба; со стороны партизан слышна команда «Напред» и светящиеся пули покрывают небо; над нашими головами взвилась красная ракета. Пули как горох бьют по веткам деревьев. Где-то далеко слышу орудийный выстрел и граната со свистом пролетела над нами — начался ад. Вторая граната ударила в соседнюю крышу и домик загорелся в 10 шагах от нас. Третий снаряд в 4-5 шагах от зарылся в снег и не разорвался; они видно щупают мои ми-

нометы. Я молчу. Прислугу отослал в подвал соседнего дома, а сам прислушиваюсь к выстрелам и оцениваю обстановку. Судя по бою партизаны должны быть на расстоянии не далее как 200 м. Вызываю прислугу и открываю баражный огонь. Выстрелы замолкают на некоторое время.

Снова выстрелы, снова разрывы мин около часовни, тянут мимо меня за плечи раненого, волоча ногами по дороге. Бьет правое орудие... бьют оба левых. Правое тихо откатывается на руках к монастырю; просят меня опять открыть огонь; я выпускаю 10 мин. Опять на время все стихает, видно попадания туда куда надо. Корректировать неоткуда, на кладбище нельзя выйти, они бьют тоже из минометов, настоящая дуэль; я выпускаю еще десяток, крики смолкают. С ужасом обнаруживаю, что у меня осталось 9 мин, а когда пришли было 400.

Командир роты сообщает, что нет боеприпасов, в ответ слышится: «У вас есть штыки, примкните и идите в атаку». Это абсурд и верная смерть. Судя по огню наступает очень много, а нас горсточка. Откатывают 2-ое, а за ним и 3-ье орудие за недостатком снарядов. 1-ое орудие уже через нас открывает огонь по кладбищу, я приказываю быстро снять минометы и унести в монастырь. При проходе перед пушкой меня оглушает выстрелом и воздухом бьет об стенку, партизаны уже на кладбище, я подымаюсь и ухожу в здание монастыря, бой в полном разгаре.

Наша пехота выбита из кладбища, и все постепенно отходит за стены монастыря. Железные двери замыкаются и перед ними устанавливается орудие (75 мм.).

Кое где слышны еще выстрелы, в селе происходит расправа, слышны крики мужчин и женщин.

Приблизительно к этому времени подошел отстреливаясь Саперный взвод л. Головко с обозом, он починял разрушенный мост и был врасплох застигнут партизанами пересекшими дорогу и телефон с с. Мосор, саперы побросали лопаты и схватились за карабины и были принуждены идти не в Мосор, а к нам в Гучью Гору. Таким образом здесь образовался своего рода гарнизон сборных войсковых частей. Сравнительно тихо, кое где раздается выстрел и снова все замолкает.

«Боже! что будет с нами», спрашивает меня мать двух девушек. «Мы окружены со всех сторон и наверное будем биться до последнего, это будет как Алказар», говорю я ей. Помощи нет, и неоткуда ее ждать, надо расчитывать на собственные силы.

В середине 1-го этажа устроена перевязочная, а в каждой комнате по несколько солдат зорко наблюдающих за противником. Снова трескотня ружей. Ночь.

Сижу у командира роты в комнате и мы стараемся предугадать грядущие события. В соседней комнате расположились мои минометчики, есть кровать, можно было бы отдохнуть, но не отдых сейчас на душе. Ночь прошла в полусне и проверке постов на этажах.

Утро, к 10 часам бабы приводят раненого еф. Сергея Гвоздевича, пуля попала ему в мочевой пузырь, рассказ его ужасен, его допрашивал комисар: «Ты все равно сдохнешь, иди передай «ультиматум». Письмо в синем обыкновенном конверте было следующего содержания (перевожу с сербского языка):

«Вы изменники своего народа, чтобы с места положили оружье и с поднятыми руками вышли из монастыря. В награду вам жизнь. Ультиматум действителен до 2 (14) часов дня, после озаченного срока, пощады не будет никому».

Подпись (не помню!)

Характерная печать: V Освободительный партизанский корпус. Пятиконечная звезда, в середине серп и молот.

Командир гарнизона просит присутсвующих не опублковывать ультиматума рядовым дабы не вызвать ропот и малодушие.

Настроение у бойцов нехорошее, они ропщут и желают сдачи. Есть и такие, которые сознают безвыходность положения и предпочитают лучше смерть, чем жалкое существование пленного.

До 2 часов следующего дня действительно тихо, со стороны партизан не слышно ни одного выстрела, зато наши бьют из окон при первой попытке только высунуться из укрытия.

Появилась еда, оказывается крестьяне села собрали что могли, хлеб, кукурузные лепешки, сыр, сало и двое из них принесли нам якобы тайком от партизан, один из них кмет села, пришел просить ксендза, чтобы тот уговорил русских сдаться в противном комиссар разрушит монастырь.

2 часа пополудни начался снова ад. Снова выстрелы и разрывы гранат и мин вне и внутри монастыря.

Ранеными уже заполнены 2 комнаты, четверо убитых, один был убит при мне, пулеметчик неосторожно высунулся головой выше, чем этого позволяла обстановка, я даже не успел предупредить, вижу как он откинулся назад, пуля попала пря-

мо в лоб. Помощник хватает пулемет с приглушенной злобой устанавливает с левой стороны окна и дает очередь в 20 патронов, затем со злой улыбкой поворачивается ко мне, глаза воспалены и горят решимостью и радостью исполненной мести. «Посмотрите, обращается он ко мне, вон там около дерева, видите, лежат двое, это вот им я заплатил за него».

Иду к себе чтобы немного отвлечься и переменить обстановку.

Мои минометчики сидят хмуро-спокойно и заняты кто-чем. Кроме моих в комнате находятся еще и саперы-земляки.

Выхожу из комнаты и направляюсь в комнату ком-гарнизона, не успел я еще закрыть за собою дверь как слышу страшный разрыв мины. Воздух распахнул дверь, несколько секунд проходит в ожидании 2-го взрыва, но его нет. Я спешу в свою комнату и передо мною раскрывается ужасная картина. Дверь изрешечена осколками разорвавшейся мины, в комнате пять человек стонут от боли, а один сидевий у окна с правой стороны, как будто продолжает завязывать ботинки. Но он недвижим, оставаясь в той же позе, в какой застигла его смерть. Выносим раненых на первый этаж.

Вечер. Обхожу снова этажи в проверке постов и обстановки даю некоторые указания на случай атаки партизан. Все тихо, месяц светит рожками кверху и предвещает хорошую погоду. По коридору приходится ходить очень тихо, т. к. услышав шаги и скрип пола партизаны открывают огонь из автоматов по окнам и шальная разрывная пуля может наказать за неосторожность.

У ком-гарнизона обыкновено собирается старший и младший ком-состав в ожидании приказания; обмениваемся событиями дня, шутим и строим надежды на скорую выручку. С нами в монастыре 11 усташей, они не выдержаны и надоедают командиру желанием прорываться: «Нас все равно ожидает смерть, так лучше уже в бою, нежели сдаваться». Они правы со своей точки зрения. «Мы тоже не собираемся сдаваться», говорит командир, «еще пока не время». Ночь проходит тихо.

Утром 20-II-45 я назначен на наблюдательный пункт, т. е. на колокольню, с нее видно очень далеко. Судя по аккуратности движения змейкой можно определить кто наши или партизаны. Они движутся к нам и от нас в полном порядке о чем можно заключить о их дисциплине. Редко кое-где на расстоянии 2-3 клм. можно в бинокль увидеть перестрелку, вид-

но, наши хотят к нам прорваться; о если бы мы наверняка знали, что это наши и что они идут к нам мы бы кинулись навстречу с громким «ура», и ничто бы нас не устрашило.

Орудийный выстрел и отчетливо слышен характерный свист приближающегося чудовища, сгибаюсь у окна. С правой стороны в стену бьет снаряд и рушит ее, образуя круглую брешь, во внутрь церкви, разрыва почти нет, он заглушается этом гула падающих камней в алтарь церкви. Сметрю на часы. 8 часов утра, вызываю ком. арт. взвода,. Второй снаряд бьет рядом и опять та же картина, судя по пробоине, бьет гаубица в 105 мм. направлением из Мосора. Очевидно наш штаб и 7 роту отогнали и мы находимся уже в глубоком тылу у партизан.

Они подвезли тяжелые орудия и повидимому решили нас не атаковать, а просто стереть с лица земли. Расчет их понятен, русских живьем не возьмешь, потеряешь только людей в большом количестве, да к тому же они верят в близкий конец войны. Вена уже взята, бои идут на р. Одере, а значит вот-вот и Берлин.

Точно каждую минуту, бьет снаряд и заваливает стену.

Огонь перенесен на лицевой фасад. Снаряд попал в комнату с ранеными, их перетягивают на северную сторону, несколько человек получили вторичные ранения уже от снарядов. Перевязывают наспех не очищая раны. Солдаты мечутся из стороны в сторону вызывая этим еще больший хаос и панику.

Раздаются крики и команды: «по местам, с мест не сходить», но кто их слушает, каждый ищет более защищенного места, а его нет сейчас нигде.

Спускаюсь вниз к миномету. Командир арт. взвода просит меня выпустить по кладбищу две-три мины, т. к. там уже обнаглели и высовываются по грудь, наблюдая за попаданием снарядов в здание. Открываю огонь под его руководством. Остается 3 мины, результаты, кажется не достигнуты из-за неудобства и короткого расстояния. 2 часа пополудни. Бой на расстоянии в полном разгаре. Они не рискуют делать приступ, но засыпают нас градом пуль, мин и снарядов.

Гудит самолет, все взоры невольно обращаются к нему, каждый горит желанием уцепиться за него и вырваться из этого ада, но, увы, он пролетел мимо, чувствуется запах бензина, крыша охватывается гудящим пламенем, капает растопленный фосфор, дым его страшно душит.

Дело явно приближается к концу.

Западная часть с колокольнями в огне; он гудит и захватывает алтрь, и всю северную часть. Мы пробуем локализировать пожар, но это не возможно. Поток огня не удержим. Над моей головй лопается мина. Крыши и верхних этажей уже нет, и она попав в пол 1-го этажа рвется и обдает нас сверху огнем щепками и пылью, к счастью раненых нет.

5 часов вечера, начинает темнеть. Ком-гарнизона, раненый в язык передал команду командиру арт. взвода, а сам обносит нас ракией, я отказываюсь и вспоминаю советы деда, перед боем не пить, и воспринимать обстановку так как она есть в действительности. Командир отдает распоряжение и распределяет людей к прорыву.

7 часов 42 м. (19 ч. 42 м.). Я выпускаю последние 3 мины, уничтожаю панорамы, и принимаю III отделение с двумя легкими пулеметами и даю короткие объяснения, расстанавливаю и готовлю людей к прыжку из развалин по команде. Лейт. Головко с двумя пулеметами выбегает наружу к югу укрываясь забором и открывает огонь, бросив дымовые и ручные гранаты, за ним выбегают 11 усташей с примкнутыми штыками, бросаясь в темноту. Хаос. Стрельба с обеих сторон не смолкает. Слышны крики. Выбегает I отделение артиллерии с фельд. Л. Романовым, его поглощает темнота и неизвестность. Жутко стоять и ожидать своей очереди. II отд. ун. Пекарского выбегает образуя в дверях пробку, люди жмутся и боятся темноты. Ун. Козлов держа ко рту гранату принуждает палкой миновать опасную зону. Максим с характерным ему ритмом бьет прямо в дверь. Очередь за мной. Я закрываю железную дверь, и ожидаю тихой минуты. Этот момент ужасен!, во мне борятся два чувства. Останешься — верная смерть, выбежишь есть шансы быть живым. Я выбрал второе. Тихо. Сняв шлем я прочел молитву, это была самая горячая молитва Богу о жизни. Шлем снова на голове. «Приготовиться»! скомандовал я, «Проверить оружие». В селе явно шла рукопашная, со всеми ее ужасами. Открываю железную дверь рывком. «За мной»! крикнул рядом стоящим и собрав в комок все силы я бросился вперед. Ночь приняла меня в свои объятия. Не пробежав и нескольких шагов я упал, оступившись о развалины монастыря. Помню как католический священник нас благословлял и удивлялся спокойствию идущих на смерть. «Это могут сделать только русские», сказал он.

Село. Мой автомат пропел унылую песнь. Справа и слева меня были хаты, дорога, по которой я бежал обледенела и

я несколько раз падал и больших усилий мне стоило подыматься. Помню как застегнутая сзади шинель заставила меня повиснуть вниз головой на колу разбросанного забора, через который я хотел перепрыгнуть. Одно резкое движение оставило меня без шинели, снимать ее с кола было некогда, да к тому же и опасно. Шлем как яичная скорлупка покатился, описывая загзагообразные движения. Снова застрочил мой автомат. Щелкнула новая касета. Вдали снова около ближайшей хаты показался движущийся силуэт. Там наших быть не может, мелькнула у меня мысль.

В это время я почувствовал тупой удар в левую сторону груди, палец нажал собачку автомата, поток пуль понесся в направление силуэта. Огонь, а затем взрыв ослепили и оглушили меня. Отчаянный крик прорезал мои уши: «Яу, уби ме»! Дорога как-то странно вытянулась; вся жизнь как фильмовая лента мелькнула перед моими глазами. Месяц блеснул и круто повернулся передо мной. Я потерял сознание.

Долго ли продолжалось такое состояние, я сказать не могу, но пришел я в себя после удара по затылку, какая-то тень перепрыгнула через меня, вероятно кто-то из последующих задел меня сапогом.

Кто будет подбирать раненого, кому он нужен в этом хаосе, где каждый занят лишь только самим собою.

Помню, придя в себя мне что-то мешало смотреть, рука машинально прошла по лицу, и вот только тогда, когда я увидел сбственную кровь, я осознал ту ужасную действительность, в которой я находился.

Все кончено, теперь надо кончить с собою, рука медленно потяулась к пистолету, острая боль ощутилась под коленом, чувство беспмощности и страха перед грядущими пытками, овладело мною.

Не страшен в эту минуту, мне показался расстрел, но мысль о том, что живым попаду к презренным партизанам, ужасала меня. Советы мне не были страшны, кто бы они не были, но они тоже русские, как и мы, а от своих и смерть принять можно.

Я открыл кобуру и стал медленно подносить пистолет к груди, в сердце будет вернее мелькнула мысль.

А может быть я еще могу бежать, настойчиво твердил мне рассудок; почему не использовать все возможности остаться живым. А жить так хочется, и вот эта жажда жизни увлекла меня.

Застегнув кобуру, я стал искать ощупью свой автомат, я был уверен, что он должен быть где-то около меня.

Прошла туча, месяц осветил людскую жестокую глупость и я увидел распластанный труп, того, кто так недавно хотел лишить меня самого дорогого. Злоба, вернее презрение и стыд перед совершенным прорезали мой разум.

Выстрелы орудий, треск ружейной стрельбы, вспышки огня, взрывы гранат, шипение зарывающихся в снег снарядов возбуждали все больше и больше желание жить и скорее уйти из этого ада.

Помню рана в ноге давала сильно себя чувствовать, но что может остановить затравленного зверя.

Радость сменила страх и мальчишеская удаль и беспечность заняли свое место и стали руководить мною.

Горсть снега помогла мне омыть лицо и улучшить зрение.

Альпийская шапка согрела голову, и я стал догонять своих. Радость преодоления первого барьера придала мне сил духовных и физических.

Своего отделения в этой смешавшейся толпе я, конечно, не нашел, да я его фактически и не знал, оно мне было дано лишь для руководства при прорыве. Впоследствии я никого из них не встречал, а они о себе не напомнили.

Мы отошли может быть на километр, снег как на зло глубокий, страшно мешал нашему движению, приходилось с трудом вынимать одну за другой проваливающиеся ноги, это с одной стороны очень утомляло, но в то же время согревало.

Прямо передо мною стрелял с его характерными для ночи красно-лилово-синими зловещими вспышками и отчетливой периодичностью, пулемет врага, обойти его нельзя; протоптанная тропинка в снегу единственый путь.

Кто-то крикнул: Ур-а-а-а!, его поддержало эхо гор и вот стадо людей ищущих выхода понеслось прямо на эти смертоносные вспышки, закон массы подчинил и меня. Игрушка смерти в злых руках как-то сразу умолкла несмотря на то, что мы еще не добежали до нее. Одним из первых добежавших как не странно мне самому, был я. Многие пробегали мимо, не останавливаясь, в стремлении уйти подальше от этого места.

Двое в английских шинелях лежали возле пулемета, покрыв руками головы, моля о пощаде. «Брачо, не убий, ми смо свои».

Какой цинизм звучал в их словах, мелькнуло в моей голове. Они расстреливали нас в упор, а теперь молят о пощаде.

Не обезвредить и пощадить их и продолжать бежать дальше, значило бы быть расстрелянным в спину.

Разум одолел чувство и автоматная очередь сделала их недвижимыми, щелкнула новая касета и я побежал вперед.

На пригорке освещенная лучами луны и окутанная деревьями стоит одинокая хата.

Кто в ней? Свои или чужие? От нашей группы выделяется несколько человек усташей, они скрываясь кустами и изгибами местности, приближаются, держа в руках гранаты. Стучат... сердце невольно учащенно бьется в ожидании. Распахнулась медленно дверь и в ней показался полураздетый крестьянин. Разговор... он указывает пальцем объясняя направление нашего движения. Силуэты отделились от него и мы спокойно пошли дальше. Начинаются крутые подъемы, а за ними спуски, сердце, мне кажется, едва выдерживает напряжение.

Сзади опять слышна пулеметная очередь, крики, площадная ругань, взрывы гранат.

По колонне проносится весть, что отрезали наших раненых, это уже второй раз; первый раз им удалось пробиться; они привязаны к уцелевшим мулам и лошадям. Спасти их сейчас не представляется возможности, нас тогда всех снова окружат и уж тогда никто не выйдет живым.

Движемся вперед. Речка преграждает дорогу, наши уже на той стороне, но как-то странно, один за другим падают на спину и трясут ногами.

Оказывается вода при переходе речки залилась в сапоги и чтобы освободться от нее, люди проделывали эти странные двжения.

Делаем, время от времен, короткие остановки, чтобы дать возможность подойти отставшим. Бросается в глаза число раненых в руки и голову, поправляющих все время сбившиеся повязки.

Люди после удавшегося прорыва приходят в себя, некоторые шутят, делятся впечатлениями, кое кто угрюм от пережитого нервного напряжения, но все нетерпеливо стремится вперед.

Мне холодно, дрожь донимет, одежда вся мокра до нитки, стоящий рядом делится со мною шинелью, на нем было их две.

Движемся дальше. Телефонный провод повис на кольях, солдат ударом штыка разрубает его, чтобы прервать связь между партизанами.

Преследования пока нет, время быстро бежит. Уже около

1 часа ночи, а все никак не можем уйти, чтобы уже не видеть этот горящий монастырь.

Страшно обернуться и увидеть опять зрелище, где так недавно нам угрожала смерть. Спускаемся в ущелье. Идем по горной грунтовой дороге, справа и слева на расстоянии попадаются избы. Впереди раздается резкий крик: «Бей его! Вперед»! Красная светящаяся пуля взлетела вверх, спешу вперед узнать в чем дело.

Кто-то убегает. За ним гонятся и стараются ударить штыком. Слева, выше насыпи, дома и оттуда открывают ураганный пулеметный огонь...

Я стремительно падаю под насыпь и стараюсь укрыться от шальных пуль, они бьют о камни и разбрасывают фонтан искр.

Взвилась белая ракета, все сразу смолкло. Тишина! Чувствую сильную боль в ноге под коленом, мне помогают подняться. Оказывается, немецкий часовой, увидав движущихся людей, окрикнул по сербски: «Стой, ко иде»!, наши приняли его за партизана и решили его сразу приколоть, он успел дать выстрел и бросился бежать.

Партизаны, увидав белую ракету, поняли это как знак тревоги и открыли минометный огонь. Оказалось, что мы попали между противниками и подверглись обстрелу с обеих сторон.

Многое сгладилось временем и притупилось в памяти, но некоторые картины пережитого, ни время ни новая жизнь с ее удобствами в гостеприимно нас принявшей стране, никогда не сгладятся и не вычеркнутся из воспоминаний. Память о погибших друзьях, которых никогда не вернуть, заставляет меня свято хранить, и быть живым свидетелем каждого факта.

Политические события мирового масштаба меняют взгляды людей, освещая прошлое с иной стороны, и они не замечая этого сами, становятся порою защитниками того, что вчера проклинали.

Для меня память об ушедших друзьях останется навеки святым хранилищем минувшего и никакие перемены жизни и событий не уменьшат их жертвенный подвиг и не нарушат их вечный покой.

"De mortuis nihil nisi bene", говорит римская пословица.

Люди принесли жертву на алтарь идеи, а эта жертва их собственная жизнь. Что может быть человеку дороже его жизни, вот только за это одно, за слово жизнь, какая бы она

не была, за эту святую жертву, принесенную во имя любви к Родине, отпустит Всевышний им все прегрешения.

Октябрь, 18-1960 г.

Сан-Франциско. Калифорния. **И. Попов.**

РУССКИЙ ВОЕННЫЙ ОРДЕН.

Первые русские ордена были введены Петром Великим: сначала орден Св. Андрея Первозванного, а затем орден Св. Александра Невского. Оба эти ордена имели только одну степень и давались лишь высшим сановникам и коронованым особам других государств. Позднее Петр Великий основал еще один орден: Св. Екатерины, который жаловался только женщинам императорской фамилии.

В 1762 году Петр III ввел у нас Голштинский орден Св. Анны.

В 1768 году за время царствования императрицы Екатерины II началась война с Турцией, вызвавшая необходимость награждения отличавшихся на войне офицеров и солдат. Для этой цели Екатерина II основала **два новых ордена:** Св. Георгия, дававшийся только за военные заслуги, и Св. Владимира, дававшийся за гражданские заслуги и за 25 лет беспорочной службы. Орден Св. Георгия имел четыре степени офицерских и четыре для нижних чинов. Кроме того офицерам давалось и «Георгиевское оружие» (Георгиевский темляк), а нижним чинам Георгиевские медали.

Ордена и медали Св. Георгия давали получившим их некоторые преимущества, а также и увеличенную пенсию.

Офицерский крест 4-й степени носился на колодке с георгиевской лентой и носился все время, даже и «на халате». Кресты 3-й и 2-й степеней носились на шее, а 1-й степени представлял из себя звезду, носившуюся на груди с левой стороны и георгиевскую ленту (черная и оранжевая) через плечо. Офицерские кресты были золотые покрыты белой эмалью с изображением Св. Георгия в середине. Кресты же для нижних чинов 4-й и 3-й степеней были серебряные, а 2-й и 1-й — золотые.

Главной целью этой статьи является проследить, кому и за какие заслуги были пожалованы Георгиевские ордена 1-й степени.

Императрица Екатерина II, как основательница ордена, возложила на себя орден 1-й степени. Все же остальные ордена 1-й степени были номерные и за все время существования ордена были пожалованы только 23 раза.

Императрица Екатерина II по происхождению была 100-процентной немкой, но она старательно изучила русский язык, старалась познакомиться с русскими обычаями и в своем окружении держала русских. Немцы же при ней были в тени. К сожалению, этого нельзя сказать о ее наследниках.

При императрице Екатерине II русскими войсками командовали русские генералы, а при последующих императорах, за малыми исключениями, командовали немцы.

Орден Св. Георгия 1-й степени под №-м I был пожалован императрицей Екатериной II в 1770 году графу Румянцеву Задунайскому за блестящие победы над турками. № 2 в том же году получил граф Орлов Чесменский за уничтожение вдвое более сильного турецкого флота при Чесме. № 3 в том же году получил граф Панин, а № 4 в 1771 году — князь Долгорукий Крымский за занятие Крыма. После этого в течение 17 лет 1-я степень ордена никому не жаловалась.

В 1788 году ее получил Светлейший князь Потемкин Таврический за взятие Очакова. Он был главнокомандующим, но Очаков, фактически, взял Суворов. Потемкин не любил Суворова и завидовал ему, а имея большое влияние на императрицу, задерживал его награды. Суворов несколько раз хотел штурмовать Очаков, но Потемкин не позволял. Однажды, на запрос Потемкина, почему Суворов ничего не сообщает о положении под Очаковым, Суворов, будучи возмущенным запретом штурмовать крепость, ответил: «Я на камешке сижу, на Очаков я гляжу». За взятие Очакова Суворов надеялся получить звание фельдмаршала, но вместо этого получил «Брильянтовое перо на шляпу!» Орден Св. Георгия 1-й степени Суворов получил в 1789 году за победу при Рымнике, но звание фельдмаршала не получил, хотя австрийский генерал, находившийся в подчинении у Суворова, получил это звание от императора Иосифа II. Даже за взятие турецкой крепости Измаила на нижнем Дунае, считавшейся неприступной, Суворов его не получил, и только в 1793 году, после смерти Потемкина, получил звание фельдмаршала за взятие Варшавы.

В 1790 году орденом Св. Георгия 1-й степени был награжден адмирал Чичагов за победы над турками в Эгейском море, а в 1791 году — князь Репнин.

Император Павел I не любил свою мать и все то, что она делала, и поэтому ордена Св. Георгия и Св. Владимира за время его царствования были в опале и никому не жаловались.

При императоре Александре I все переменилось: он был большим почитателем немцев, которыми себя и окружил. В коалиционных войсках против Наполеона уступал верховное командование австрийцам. Так, хотя при Аустерлице Александр I имел превосходного полководца генерала Кутузова, ученика Суворова, он передал верховное командование австрийцу Шварценбергу, не спросивши об этом даже мнения у Кутузова. В результате Наполеон разгромил союзные войска, и сам император Александр чуть не попал в плен.

Во время свидания с Наполеоном в Тильзите Александр больше заботился об интересах Пруссии, чем о России. Когда началась война 1812 года, то для Кутузова не нашлось места в армии, и только после взятия Смоленска французами, под давлением общественного мнения, император Александр должен был назначить престарелого фельдмаршала главнокомандующим.

По окончании кампании 1812 года, Александр не мог не дать орден Св. Георгия 1-й степени Кутузову, но после его смерти передал опять высшее командование тому же Шварценбергу, который был причиной нашего поражения при Аустерлице.

В 1813 году Александр жалует ордена Св. Георгия 1-й степени генералу Барклаю де Толли, немцу на русской службе; затем тому же Шварценбергу, прусскому главнокомандующему Блюхеру и Карлу Иоанну — наследному принцу шведскому, но никому из русских генералов! В следующем 1814 году Св. Георгия 1-й степени получает герцог Веллингтон, английский главнокомандующий, — «за взятие Парижа!», хотя Париж был взят русскими войсками, а не английскими. В Париже, забывая русские интересы и понесенные жертвы, Александр не берет с Франции никакой контрибуции или возмещения за разграбление и опустошение центральных русских губерний войсками Наполеона!

В 1818 году орден Св. Георгия 1-й степени получает генерал Бенингсен, хотя в этом году Россия не воевала, а в 1823 году — герцог Ангулемский за «испанскую экспедицию», хотя Россия тут была не причем.

При императоре Николае I было не на много лучше. В его правительстве доминировал немец Нессельроде, министр иностранных дел. Во время турецкой войны 1828-29 годов главнокомандующим наших войск на Балканском театре военных действий был немец Дибич, получивший титул «Забалкан-

ский», кроме ордена Св. Георгия 1-й степени, а на Кавказском фронте другой немец — граф Паскевич, получивший титул «Эриванский» за взятие Эривани и опять же орден Св. Георгия 1-й степени. Недаром генерал Ермолов, герой 1812 года, на вопрос императора Николая 1-го: «Чем тебя наградить?», ответил: «Произведите меня в немцы, Ваше Величество!»

В 1848 году в Австро-Венгрии венгры подняли восстание против австрийцев и императору Францу Иосифу I пришлось туго. Он обратился за помощью к императору Николаю I, который послал в Венгрию русский корпус, и подавил восстание венгров. В результате австрийский командующий, граф Радецкий, получил орден Св. Георгия I степени, хотя восстание подавили русские войска. За эту помощь Россия ничего не получила, оставив Галицию и Прикарпатскую Русь во власти Австрии, которая стала проводить там руссофобскую политику, покровительствуя украинским самостийникам.

При императоре Александре II праздновали столетие ордена Св. Георгия и император возложил на себя орден 1-й степени. В том же 1869 году орден 1-й степени получил прусский король Вильгельм I, а в 1870 году австрийский герцог Альбрехт.

Позднее, за время турецкой войны 1877-78годов ордена Св. Георгия 1-й степени получили братья императора: великий князь Николай Николаевич Старший, бывший нашим главнокомандующим, за взятие Плевны и великий князь Михаил Николаевич, который только находился в армии. (Но великий князь Александр Александрович, будущий император Александр III, который командовал нашим восточным крылом и успешно отбил все атаки превосходящих турецких сил, этого ордена не получил).

При императоре Александре III Россия войн не вела и ордена Св. Георгия 1-й степени никому пожалованы не были.

При императоре Николае II Россия вела две войны, но ордена Св. Георгия 1-й степени никому пожалованы не были.

Евгений Кормилев.

КАПУСТА.
(Зарисовки из концлагеря)

С точки зрения законников, он был мелочник. Крал пайки, ложки, не брезговал портянками. Крал у каждого безо всякого разбора. Для него не существовало правил и законов.

Воровская мораль была ему чужда. У него было одно желание — поесть. К этому он стремился всеми путями. Когда его били, а били его часто, он не кричал. Если можно было вырваться — вырывался и исчезал. Спал со мной рядом и часто давал докуривать бычки, а если охота проходила удачно, то и целые закрутки.

Сердце у него несомненно было доброе, а фамилия Гоглидзе. Небольшого роста, скорее щуплый, смотрел исподлобья черными как слива глазами.

Как-то вечером, после скудного лагерного ужина, лежа на нарах, я боролся с мечтами и дремой. Голод уже не мучил, а был как привычная боль. Барак засыпал. Со всех сторон несся храп измученных непосильной работой людей. Воздух от махорочного дыма смешанного с отвратительным запахом мокрых портянок, казался синим и тягучим и проплывал тяжелыми волнами перед мерцающей тускло лампочкой.

Ночной дневальный, сидя на табуретке около двери, мучительно старался преодолеть сон. За открытой дверцей печки плясали желтые языки пламени. Мои веки опустились и сознание начало уходить в небытие. Кто-то тронул меня за плечо и я открыл глаза. Надо мною склонился Гоглидзе.

«Юрка», зашептал он быстро, «сейчас в зону привезут капусту. Пойдем».

Капусту для нашего питания привозили по вечерам, когда голодные и истомленные работяги засыпали. Это была необходимая предосторожность потому, что несмотря на дюжих комендантов с палками, охранявших грузовики с полугнилой капустой, озверевшая голодная орда растащила бы ее в момент. Зато все фитили готовились к набегу. Они таились за кухней, за бараками, во всевозможных темных углах. Двенадцать свирепых горилл-комендантов из ссученных воров стояли перед воротами, вооруженные здоровенными палками.

Бесшумно, как ночные тати, скользили темные тени доходяг. Место разгрузки, задний вход в кухню, освещался лампочками Ильича. Голодная рать шла на приступ пользуясь каждым возможным прикрытием. каждой удачно упавшей тенью. Наконец ворота со скрипом раскрылись и три грузовика подъехали к кухне. Спинами к грузовикам стояла охрана.

Вдруг тени ринулись к машинам. Палки заработали, но разве голодного фитиля остановишь палкой?

Получив солидный ударчик палкой по спине я исчезал за

углом нашего барака, унося под телогрейкой маленький, жалкий качан капусты. Это была удача, так как обыкновенно капусту приносил Гоглидзе. Сидя на корточках за бараком, я ждал.

Через некоторое время появился мой напарник с большой шишкой на лбу и полной пазухой капустных листьев. На эти случаи у нас в сокровенном тайнике хранилась почтенных размеров консервная банка от канадской тушенки. На середине лагерного двора, зимой и летом, днем и ночью горел вечный огонь. Для пояснения скажу, что мы находились на нефтеразработках. Насчет нефти не знаю, но газу было очень много. Ко всем печам в бараке подходили трубы. Такая же труба вела к середине двора.

Очевидно когда-то там стоял барак.

Выходящий из трубы газ горел неугасимым огнем. В этом месте посылочники устраивались варить пищу. Туда мы и направили наши стопы. Трубу хитрые заключенные подсунули под камни, огонь накалял их и вырываясь между ними образовывал места над которыми могла быть поставлена кастрюля банка или котелок.

О том чтобы вымыть капусту не было и речи. Напихав полную банку, мы поставили ее на огонь, а сами сели ожидать в стороне.

Тут же два счастливых посылочника варили в котелках пшенную кашу, держа в руках приготовленное для заправки сало. В стороне на кусочке железа жарился лук. Сказочный запах опьянял нас и кружил голову.

Через некоторое время баловни судьбы, а это были литовцы, заправили свою кашу и понимающе посматривали друг на друга помешивая деревянными ложками варево.

К нам приближались две фигуры.

Когда они вошли в призрачный свет отбрасываемый огнем, то мы в них безошибочно определили блатных и притом законников. Законной пайки они не берут, но посылочников не щадят. Таким париям как мы бояться не стоило и мы спокойно созерцали происходящие события.

Законники подошли к огню: «Чья каша», спросил один из них. Литовцы мялись и молчали. «Ничья, Ванька», сказал другой. «Вот лафа».

«Ну, вы там, огоньки», крикнул Ванька, «ложки есть?»

Как не быть ложкам. Ложка в лагере первое дело. Мы нырнули руками за голенища валенок и подали им ложки. Блат-

ные присели и поев немного поставили перед нами котелки.

«Ну, давай, ешь, быстро», сказал тот, который назывался Ванькой. Ясно, что мы долго не ждали и котелки мгновенно опустели. Блатные сплющили их ногами и ушли. Мы оставили капусту и исчезли. По лагерному это был счастливый день. Много ли человеку нужно, как говорил Толстой.

Добравшись до барака со степенной неторопливостью фитилей мы сняли наши лохмотья, умостились на нарах поудобней, скрутили закрутку и закурили под телогрейку, чтоб не виделось огня. Увидят — отберут.

За окном небо мутное и пустое как наша баланда, уже начинало светлеть.

Г. Зигерн-Корн.

СТИХИ АГНИВЦЕВА

не вошедшие в его сборники.

(Получены редакцией от Нонны Белавиной)

ГАЛЛИПОЛИЙСКИЕ ЗНАМЕНА

Отдав последний свой парад
Без ропота и стона,
В галлипольском изгнаньи спят
Российские знамена.

И снятся им в пыли чехла,
Средь дней франко-английских,
Былые, славные дела
Великих дней российских:

И Лев Британский, что хвостом
У ног вилял все ниже,
И Наваринских пушек гром,
И взятие Парижа,

Когда, как нищенка в посту,
В те времена — иные —
Ломала шапку за версту
Европа пред Россией.

Велик былым величьем сон
И велико страданье
Российских свернутых знамен
В галлипольском изгнаньи.

Но час придет! И будет пир
Веселый и бессонный...
И вновь собой покроют мир
Российские знамена!..

Берлин 1921 г.

МОЛИТВА РЕБЕНКА

Господи, Боже Ты мой,
С доброй, седой бородой,
Боже, склонись с неба к маленькой,
Господи, Боже Ты мой.
Очень мне плохо и жутко,
Очень мне холодно здесь...
Можно к Тебе на минутку
В небо по лесенке влезть?
Там — говорят — очень много
Хлеба в Твоей вышине...
Знаешь, все время, ей Богу,
Есть очень хочется мне.
С белого, белого неба
Кинь для России, Господь,
Чуточку черного хлеба,
Самую чуточку хоть.
Боже, для нас в переулке
Сделай, пожалуйста, так,
Чтоб пятачковая булка
Стоила снова пятак.
Чтоб русский с русским не дрались,
И чтоб еще по ночам
Не приходили, ругаясь,
Люди с винтовками к нам.
Боже, в любви неизменной,
Скоро ль придешь с высоты?
Только уже непременно
Сам опустись нынче Ты.
Если ж для дела такого
Сына — Христа — своего
Снова пришлешь Ты, то снова
Люди убьют здесь Его.
И вот еще, милый Боже,
Очень прошу Тебя я

Мне объяснить, отчего же
«Русской» ругают меня.
Русской была я и буду,
Если родилась такой!
Разве быть русской так худо?
Господи, Боже Ты мой.
С белого, белого неба
Кинь для России, Господь,
Чуточку черного хлеба,
Самую чуточку хоть...

Берлин 1921 г.

Н. И. ЛОБАЧЕВСКИЙ.

В октябре 1984-го года скончался правнук Лобачевского, бывший кадет, полковник В. К. Федоров. Провожая его в последний путь, я задумался о том как мало знаем мы, даже изучавшие высшую математику в Университетах, о его прадеде. А ведь бесспорно, что помимо Ломоносова, он был единственным русским математиком мирового значения. Поэтому я решил поделиться всем тем, что я узнал о нем из архива и лично от его правнука.

Николай Иванович Лобачевский родился в Нижнем Новгороде в 1793-м году в обедневшей дворянской семье. Его отец Иван Максимович, архитектор и геометр, скончался в 1797-м году. После смерти мужа Прасковья Александровна Лобачевская осталась почти без всяких средств с тремя малолетними сыновьями. Желая дать детям образование, она переезжает в Казань, где в то время на все Поволжье существовала только одна Казанская гимназия. В 1802-м году, по ее прошению, мальчиков принимают в гимназию на казенный счет.

Средний сын — Николай — с юнных лет проявлял большие способности к математике. Его развитию сильно помог талантливый учитель Карташевский, преподававший в Казанской гимназии теоретическую и прикладную математику. О нем, как и о знаменитом европейском математике Бартельсе, и о других ученых, преподававших в Казанском университете, мы знаем из «Воспоминаний» Аксакова, бывшего на два курса старше Лобачевского. Из гимназии Лобачевский, благодаря своим способностям и прилежанию, после испытаний в 1807-м

году был переведен в студенты университета. В те времена, для повышения уровня научных знаний, университет, основанный в 1805-м году, привлекает крупных западно-европейских ученых: Бартельса (учителя и друга Гаусса), математика Реннера, астронома Литтова, физика Броннера. Лекции читались на французском, немецком и латинском языках. Это усложняло учение в университете и требовало способностей и большого прилежания: всем этим в полной мере отличался Лобачевский. Однажды Бартельс поручил Николаю, как лучшему студенту, проработать с классом трудную задачу по механике, решение которой было прочитано на четырех лекциях. Лобачевский, не пользуясь конспектом лекций, дает свое оригинальное решение на четырех страницах. Такие случаи, как и успехи во всех других науках, становятся известны всем профессорам и студентам. Также становятся известны и его юношеские шалости и пылкий характер: не раз он получал строгий выговор и даже попадает в карцер. В начале 1810-го года «за соучаствование и потачку проступку студентов, за грубость и ослушание» его лишают звания камерного студента. (Камерные студенты выбирались самими студентами из числа отличных по учению и поведению для помощи отстающим студентам и получали за это в год 60 рублей жалования). А в следующем году он оказался самого худшего поведения и за проступки свои неоднократно нес наказания. И все же за чрезвычайные успехи и яркие дарования по настоянию профессуры в конце 1811-го года он утверждается в степени магистра, то-есть помощника профессора. Через три года по ходатайству Бартельса и Броннера он производится из магистров в адъюнкта (доцента) чистой математики и начинает самостоятельно преподавать в университете. Это идет так успешно, что уже через два года он получает звание экстра-ординарного профессора и с этих пор полностью связывает свою жизнь с жизнью университета. В это время ему было всего лишь 23 года.

С 1817-го года университеты в России оказались в трудном положении. В эти годы царствования императора Александра Первого наступила сильная реакция. Для насаждения религиозности было основано «Единое Министерство Духовных дел и Народного Просвещения, во главе которого был поставлен бер-прокурор Св. Синода кн. Голицын. В Казанский университет был послан пресловутый Магницкий, который сразу же уволил девять лучших профессоров. Положение и остальных

стало очень тяжелым. После отъезда Бартельса в 1820-м году, Лобачевский избирается деканом физико-математического отделения. Ввиду разгона старших профессоров он читает физику, математику, астрономию и геодезию. Однако к его огорчению, он все время получает от Магницкого инструкции вроде того, что «профессор теоретической и опытной физики обязан во все продолжение курса своего указывать на премудрость Божию и ограниченность наших чувств и орудий для познания непрестанно нас окружающих чудес».

Общая обстановка стала легче после отставки Магницкого, и в 1827-м году Лобачевский был избран и утвержден ректором Казанского университета. Будучи бессменным ректором втечение 19-ти лет, он со свойственным ему трудолюбием вникал во все области жизни университета. Помимо научной работы, он много сделал для университета как администратор и педагог. Он улучшил и расширил физический кабинет. Распутал и привел в порядок библиотеку, составив документальный каталог, упорядочил выписку журналов и новых книг. Стремясь поднять уровень научной жизни, он организует издательство строго научного журнала «Ученые Записки Казанского Университета», который выходит и по настоящий день. Как ректор он не забывает другие факультеты и добивается улучшения и расширения преподавания: так, на разряде общей словесности по его нстоянию вводится курс общей литературы, освещающий связь литературных произведений с государственными отношениями, с развитием промышленности и наук. Как энергичый администратор он проявил себя во время холеры 1830-го года. Разобщение с городом, тщательная дезинфекция, сжигание вещей заболевших и организация двух палат для больных дали блестящие результаты: сильно уменьшилось колчество заболеваний, а среди студентов не было ни одного больного. За время пожара 1842-го года, который охватил большую часть Казани, огонь постепенно проник и на университетский участк: сгорели астрономическая и магнитная обсерватория, загорелась библиотека. Однако, благодаря распорядительности ректора, студентам и служащим удалось спасти астрономические инструменты, вынести наиболее ценные книги в безопасное место и отстоять от огня остальные университетские постройки.

Многое из того что погибло, усилиями ректора Лобачевского, было постепенно восстановлено. Ему удалось добиться отпуска значительных средств и он сам председательствовал

в строительном комитете, обсуждая проекты совместно с архитектором. Было проведено строительство почти всех учебно-вспомогательных учреждений. Были восстановлены библиотека, астрономическая и магнитная обсерватории. Построены анатомический театр, здание физического кабинета, химической лаборатории, клиники и некоторые другие университетские постройки. Все эти хозяйственные заботы не отрывали его от любимого им преподавания. Он читает лекции по механике и по высшим разделам математики: интегрирование дифференциальных уравнений, вариационное исчисление, уравнения математической физики. С 1828-го года в течение четырех лет ему приходится читать лекции по физике, а с 1838-го три года он ведет популярный курс физики для ремесленников.

По воспоминаниям его ученика А. Ф. Попова «в аудитории профессор Лобачевский умел быть глубокомысленным или увлекательным, смотря по предмету изложения. Вообще разговорный слог его не походил на письменный. Между тем как в сочинениях своих он отличался слогом сжатым и не всегда ясным, в аудитории он заботился об изложении со всею ясностью. Он мало заботился о механизме счета ,но всего более о точности понятия. Он чертил на доске не скоро, старательно, формулы писал красиво, дабы воображение слушателей воспроизводило с удовольствием предметы преподавания. Любил более сам учить, нежели излагать по авторам, предоставляя слушателям самим познакомиться с подробностями ученой литературы». Экзаминатором был своенравным. Не ценил механического заучивания и иногда с неудовольствием останавливал бойкого студента, исписывавшего формулами всю доску. Часто довольствовался ответом в несколько слов. Требовал безукоризненной точности выражения и ценил здравый смысл и способность самостоятельного суждения.

Лобачевский много внимания уделял постановке преподавания. Он осматривал и изучал другие университеты, петербургский педагогический институт, гимназии и военные корпуса, чтобы применить их опыт для учебных заведений Казанского округа. Передовые педагогические взгляды Лобачевского выражены в «Записке о преподавании», в докладах Казанскому экономическому обществу о профессиональном образовании и в «Речи о важнейших предметах воспитания». Последний доклад был напечатан в «Казанском вестнике». В этой статье Лобачевский говорит о высоком назначении нау-

ки и выражает некоторые основы своего мировоззрения, сложившегося под влиянием французской просветительной философии. И хотя все студенты относились к нему с уважением, а студенты математики перед ним просто благоговели, его многолетние труды не были оценены тогдашним правительством. В 1846-м году решением управляющего министерством просвещения кн. Ширинским-Шихматовым Лобачевский был отстранен от работы в университете. Внешне он получил повышение, — был назначен помощником попечителя Казанского учебного округа, но лишился ректорства и своей любимой кафедры. Насильственное отстранение от той деятельности, которой он посветил всю свою жизнь, ухудшение материального положения и смерть старшего сына от чахотки сильно отразились на его здоровьи, он быстро одряхлел, стал слепнуть и 12-го февраля 1856-го года Николай Иванович Лобачевский скончался. Так кончилась жизнь великого Русского ученого целиком отданная науке и Казанскому университету.

Уделяя много внимания административной и педагогической деятельности, Лобачевский всегда находил время для научной работы. Об этом мы впервые узнаем из сведений представленных Магницкому: в 1819-м году был написан труд «Основание геометрии», а в 1823-м представлена для напечатания рукопись «Геометрия». Книга эта содержит основные положения элементарной геометрии. Она тесно связана с лекциями Лобачевского, прочитаными в университете. Порывая с установленным традиционным изложением геометрии по Евклиду, он ищет новых путей, кладет в основу понятие тела, прикосновения, измерения и подробно касается проблем движения. «Часть чистой математики, в которой предписываются способы измерять пространство — называется геометрией», так начинает он этот труд. В таком определении выражено его стремление при изучении математики не отрываться от наблюдений природы, от астрономических и физических измерений. Однако нарушение традиционного изложения, а также впервые в России введение метрической ситемы мер, вызвали резкое осуждение его книги. В свом отзыве академик Фусс, хотя и отметил что она «содержит некоторые рассуждения и исследования заслуживающие внимания», заявил что она не может служить учебником начального курса геометрии. Рукопись была возвращена в Казань и издана только лишь в 1906-м году Казанским физико-математическим обществом. Почти такую

же судьбу имела его попытка напечатать курс алгебры для преподавания в гимназии. Печальная участь всех работ была следствием его оригинальности и отклонения от всяких шаблонов. Не удивительно, что еще меньше понимания и одобрения встретила главная работа всей его жизни «неевклидова геометрия».

Втечение более 2000 лет геометрия Евклида считалась абсолютно истинной, а ее последовательность и логика признавались образцом для всех других главных наук. Она была создана следуя учению Платона, считавшего, что всякое познание об окружающем нас мире, должно иметь свое начало в мире наших идей, то-есть быть помимо и вне материального опыта. Таким образом априорность (отсутствие проверки опытом) является единственным правильным методом всех главных философских и научных доктрин. Исключения допускались лишь для второстепенных дисциплин, таких как медицина Гиппократа и инженерное дело Архимеда. Евклид, будучи верным последователем Платона, твердо встал на этот путь. Он начал свое учение с умозаключительного утверждения субъективно самоочевидных постулатов (допущений) и аксиом, которые не вызывали в нем никаких сомнений. На основе своих аксиом он вывел целый ряд теорем и таким образом получил стройное, логически последовательное здание своей геометрии. Однако его аксиома о параллельных линиях с древних времен у математиков вызывала сомнение в ее очевидности и многие из них старались, правда без всякого успеха, найти убедительное доказательство ее непогрешимости. Не избежал этого и Лобачевский в свои ранние студенческие годы. Позднее он встал на другой, как оказалось более благодарный, путь. Он отбросил аксиому Евклида о параллельных линиях и предложил взамен свое понимание этой проблемы. Нужно признать, что он не был единственным ученым вставшим на этот путь. Математики Саккери и Ламберт делали допущения противоречившие этой аксиоме Евклида, а величайший немецкий математик Карл Фридрих Гаусс и молодой венгр Иоганн Боляй приблизительно в то же время, совершенно независимо, пришли к подобному заключению, — это видно из ранних записок Гаусса. Однако он не развивал этих идей, а позднее в своих письмах советовал Боляю бросить эту затею, чтобы «не потревожить осиное гнездо». Но после появления в западной печати трудов Лобачевского, он вполне оценил их значение и даже предложил его в члены-корреспонденты Гетингенского

ученого общества, как одного из отличнейших математиков Российской империи.

В упрощенном виде спорная аксиома Евклида гласит, что в плоскости через данную точку можно провести только одну прямую параллельную другой заданной прямой. Не соглашаясь с математической очевидностью такого утверждения, Лобачевский для своей геометрии дает другое толкование: через данную точку можно провести множество линий параллельных данной прямой. Из этой, якобы, аксиомы и остальных утверждений Евклида, независящих от постулата о параллельных линиях, Лобачевский выводит теоремы и новые формулы геометрии и тригонометрии. Таким образом он получает другую логически построенную, так называемую «неевклидову геометрию». При исследовании его формул оказалось что они сильно напоминают формулы сферической тригонометрии, а при выборе соответствующих параметров, переходят в частный случай прямолинейной геометрии Евклида или других геометрий криволинейных поверхностей. Особенно легко они применимы для поверхностей образованных гиперболой. Поэтому нередко геометрию Лобачевского называют гиперболической.

Таким образом он доказал, что меняя субъективно очевидные аксиомы, можно построить другую не менее логичную и последовательную науку. Правильность одной из них можно доказать только опытом, что он и пробовал сделать в своей астрономической обсерватории. Своими теоремами Евклид доказал, что сумма углов в треугольнике равна 180-ти градусам, а также вывел теоремы о подобии треугольников. Это сильно отличается от геометрии Лобачевского, где сумма углов меньше 180-ти градусов и разница тем больше, чем больше треугольник. Значит, в природе не существует подобных треугольников и вообще подобных многоугольных фигур. Взяв за вершины треугольника концы диаметра земного шара и солнце, он показал, что сумма углов в таком треугольнике не может разниться от 180-ти градусов более чем на 0.003 секунды градуса. Однако доказать свою теорию опытом ввиду несовершенства инструментов ему не удалось. Но он прекрасно понимал, что его геометрия не может вытеснить геометрию Евклида, достаточно точную для всевозможных практических вычислений, исключая решения некоторых определенных интегралов, которые и были найдены при помощи неевклидовой геометрии. И тогда он заключает: «и так, очень

вероятно, что Евклидовы положения одни только истинные, хотя и останутся навсегда недоказанными. Как бы то ни было новая геометрия, если и не существует в природе, тем не менее может существовать в нашем воображении и, оставаясь без употребления для измерений, на самом деле покрывает новое обширное поле для взаимных применений Геометрии и Аналитики». По аналогии можно напомнить, что хотя в нашем реальном пространстве существует только три (или четыре если взять время) измерения, аналитически мы можем выводить формулы — что и делаем для решения некоторых задач — для некоего воображаемого пространства с любым количеством измерений. Поэтому Лобачевский называл геометрию Евклида «употребительной», а свою «воображаемой», хотя правильнее было бы назвать неевклидову — пангеометрией, что он и делал уже будучи слепым в своей последней работе «Пангеометрия».

Главное значение его геометрии в ее влиянии на философское направление современной науки. По учению Платона все главные науки должны зарождаться и развиваться в мышлении человека априорным путем. Поэтому он главным образом изучал не реальный мир, а мир идей. Эту теорию воспринял Евклид и создал геометрию чисто дедуктивным методом. В течение средни веков его геометрия считалась образцом, которому должно следовать всякое познание. Реформация внесла попытки обосновать даже религию на основе разума, то-есть подогнать религиозные догматы под принятую схему умозрительных наук. Об этом Кант издал книгу: «Религия в пределах только разума». А Спиноза написал ряд книг, в которых после перечисления своих постулатов, умозрительно выводит законы психологии, морали и политической жизни. Также другие ученые считали, что всякая наука построенная дедуктивным путем более совершенна, так как всякий опыт опирается на наши всегда неточные ощущения. И хотя, приблизительно в то же самое время возникло учение эмпиристов, согласно которому всякое знание имеет в своей основе опыт, до Лобачевского считалось, что в главных науках ранее опыта существует нечто обязательное в силу своей априорности. Однако, Лобачевский доказал иллюзорность умозрительно созданных научных построений и показал своей геометрией, что без проверки опытом можно, меняя субъективные утверждения, построить несколько равноценных логических систем. После него стало ясно, что единственно досто-

верное познание, дают опытные науки. Такой метод стал обязательным для современных учений и отчасти объясняет быстрый технологический прогресс в наше время. Теперь роль опыта сводится к нахождению систем основных аксиом, на которых далее строится здание науки, — и в этом главная заслуга Лобачевского. Поэтому мы с правом можем утверждать, что памятник Лобачевскому поставлен в Казанском университете не только за его заслуги по созданию этого университета, а и за то — и это главное — что он стоит в первом ряду русских ученых мирового значения.

2. 18. 85 **Сергей Третьяков.**

В ПОМОЩЬ СОВРЕМЕННЫМ ПУБЛИЦИСТАМ.

«В наши дни в глазах рябит от всевозможных тематических, архитонических находок, от подтекста и надтекста, и за изысканнейшими формами самовыражения исчезает не только предмет разговора, но и элементарная логика», писала года три назад в русской газете Мира Блинкова.

Трудно с ней не согласиться. Всякая почти статья пишется сегодня так, что читать ее приходится со славарем. Галлицизмы, латинизмы, англицизмы, вроде «дизайнеров», «мюзиклов», «манекенщиц», а уж от слов кончающихся на «ация» (программация, имплементация, инфильтрация) и отбоя нет. Тяжело читателю, а еще тяжелее публицисту. Напиши статью просто, понятными русскими словами, и тебя обвинят в отсталости, некультурности, косности.

Вот и решили мы помочь бедным русским журналистам, составив для них коротенький справочник, куда внесли десять существительных и двадцать прилагательных, занумеровав их произвольно:

1. Функциональная	1. **Систематическая**	1. **Програмация**
2. Операциональная	2. **Интегрированная**	2. **Стратегия**
3. Дименсиональная	3. **Нивелированная**	3. **Мобильность**
4. Транзитарная	4. **Структурная**	4. **Планификация**
5. Тотализированная	5. **Горизонтальная**	5. **Динамика**
6. Глобальная	6. **Опциональная**	6. **Эластичность**
7. Сбалансированная	7. **Комбинированная**	7. **Имплементация**
8. Координированная	8. **Стабильная**	8. **Инструментация**
9. Дирекциональная	9. **Параллельная**	9. **Проектация**
10. Прагматическая	10. **Центробежная**	10. **Ретроакция**

Как использовать наш справочник? Очень просто. Загадайте любое трехзначное число, например 325 и выпишите из соответствующих колонок слова, стоящие под этими цифрами. Получите «Димензиональная, интегрированная динамика». Попробуйте любую другую комбинацию, скажем 708. Выйдет «Сбалансированная, центробежная инструментация». Что значат эти фразы? Да ровно ничего или, если угодно, черт знает что. Но ведь они ни чем не хуже тех, что мелькают в современных статьях или заметках. Публицисту легко, публицист заставил открыть рот изумленного читателя, публицист чувствует себя культурным, передовым, значительным.

Пусть же скажут нам спасибо публицисты. **В. Бодиско.**

ПОКОРЕНИЕ СИБИРИ.

Исполнилось 400 лет со дня первого покорения Сибири и начала дальнейшего ее освоения. Это событие осталось не отмеченным в нашей периодической печати, как и подвиг Ермака Тимофеевича с его дружиной.

Подвиг Ермака и его дружины, — это долгая нить лишений, усилий и отваги. Ермак нес в неведомую глушь и в среду диких народов свет православной веры, государственный порядок, великое имя русского царя и, с этим вместе — мир, покой и благополучие.

Было это 400 лет тому назад. В то время о Зауралье ничего не знал ученый мир и на Западе Европы — Уральские горы считались концом земли. Это было время когда на Западе свирепствовала инквизиция и люди сжигались на костре по обвинению в еретизме. Это было время, когда Коперник издал свой труд о вращении земли и планет вокруг солнца, а Галилей, через одно столетие, подтвердивший систему Коперника, — подвергся гонению и под пытками отрекся от своих убеждений, чтобы не закончить свои дни на костре.

В отличие от западных ученых, наши удалые Новгородцы знали, что Уральские горы не являются концом земли. Они вели торговлю не только с Западом, но и проникали на восток из своей исконной Двинской области. Но проникать на восток было трудно. В то время татарское Казанское царство, Астраханское и Крымское, — все наследие татарской Золотой Орды — наносили великий вред Московскому государству,

продолжали свои набеги на «украины» московские, причиняли ущерб волжской торговле. Пожары, разорения и толпы «полонян» еще обескровливали русскую землю.

Свергнутое Иоанном III, дедом царя Иоанна Васильевича, татарское иго Золотой орды, освободило Русь только от тяжелой дани, но не внесло успокоения в Государство. Надо было положить этому конец. Царь Иоанн Васильевич решил покончить с Казанским царством и освободить Волгу.

Для покорения Казани потребовалось два похода: первый в 1550 году был закончен основанием на Волге твердого опорного пункта в новопостроенном небольшом городке Свияжске на нагорной стороне Волги. Второй поход был предпринят в 1552 году, в котором участвовало много войск с сильной артиллерией.

Вот как произошло взятие Казани, чье падение имело большое значение для продвижения на восток, за Урал.

На рассвете 2-го октября 1552 года зажгли три одинаковые восковые свечи. С одной из них, два пушкаря нырнули в узкий и темный подземный ход, чтобы поставить ее на бочку с порохом в подкопе под центральной башней Казани. Вторую поставили в палатке воеводы князя Владимира Андреевича, который поведет рать на штурм. Третью свечу укрепили на серебрянном блюде перед иконой Божьей Матери в шатре походной церкви осадных полков царя Иоанна Васильевича.

В тот же момент вышел царь и началась служба. Царь горячо молился, а его большая рать в большом напряжении ждет знака под стенами Казани. Но татары не боятся царя и его рати. Стены высоки и крепки. Что может сделать эта сермяжная рать мужиков?

Царь глядит на свечу. «Часы» кончились. Началась литургия. Жарко горят свечи вокруг. Одна, на серебрянном блюде, медленно оплывает. Вот уже немного ее осталось. Вот уже покачнулся фитилек и начал медленно склоняться вниз.

«Спаси Боже, люди Твоя, и благослови достояние Твое»., слышится возглас священника. Фитилек упал. И в то же мгновение страшный удар потряс землю. Царь бросился на колени.

А там, у пролома, штурмовая рать пошла на приступ. Началась страшная сеча. Татары дрались с исступлением. Бревенчатый город пылал. Каждый дом брали с боя... Только к вечеру стихло побоище. От Казани не осталось ничего кроме груд пепла, развалин.

Иоанн на белом коне въехал в дымящийся город. Царство

Казанское перестало существовать. За это знаменательное событие народ прозвал царя Грозным. Грозный для врагов. Впоследствии этот эпитет принял другое значение, но ни жестокие казни, ни опричнина, ни разорение государства, не затмили первой «грозной» славы, добытой Иоанном под стенами Казани. Казанская икона Божьей Матери стала величайшей народной святыней православной Руси. Царь Иоанн сам назначил в сожженном городе места для постройки первых православных храмов.

Последствием падения Казани было весьма быстрое и легкое завоевание Астрахани, в которой правили цари Ногайского племени, а впоследствии и добровольное подчинение Московскому государству всех инородцев, живших в Поволжье, и всех кочевников — Башкир и Ногайцев — стоявших в зависимости от Казани.

После присоединения Астрахани Москва вступила в сношения с соседними кавказскими народами — Черкесами, Кумыками, Абхазцами — которые жили по рекам Кубани и Терека. Эти народы жили в постоянных раздорах с Астраханью и Крымом, и потому весьма охотно отдались под покровительство и защиту Московского царя, прислали в Астрахань послов и заявили о своей готовности платить дань Иоанну.

Одновременно с этим быстрым и успешным распространением власти Московского царя на Востоке и Юго-Востоке, приняты были новые меры защиты от набегов Крымского хана. Вдоль всей южной степной окраины государства выстроен был ряд укреплений и сторожевых городов, а эти городки были заселены ратными людьми, обязанными нести тяжкую сторожевую службу и наблюдать в степи за движением хищников.

В 1555 году, после падения Казани, один из владетелей сибирских, Етыгар, прислал в Москву послов: поздравить государя с его победами и выразить желание, чтобы русские утвердили спокойствие и безопасность его земли. Иоанн Грозный понял это приветствие и пожелание в смысле добровольного покорения под свою руку владетеля Сибири и поставил в свой титул: Повелитель Сибири. Подарок Етыгара — соболи и белки — приняли за дань. А так как повторения этой присылки не последовало, то были снаряжены казаки-разведчики за Урал, где уже произошло много важных перемен.

Огромное кочевое племя из степей, под предводительством узбека Кучума, оттеснило коренных владетелей теперешней

Западной Сибири и завладело их землями. Новый повелитель, хан Кучум, послал от себя в Москву посольство и предложил царю Московскому свободную торговлю подданным царя.

Приезд послов объяснили в Москве покорением и решили обязать Кучума платить «на год тысячу соболей, да посланнику Государеву, который по дань приедет, тысячу белок». И отправили с грамотой посла Третьяка-Чабукова, который должен был и к присяге привести сибирского владельца. Но Кучум, поняв замысел Москвы, приказал убить Чабукова. Номинальное владычество над Сибирью этим закончилось.

Между тем, в 1556 году «купецкого чина человек» Григорий Акакиевич Строганов, заявил царскому правительству, что на Каме, по сю сторону Урала, есть пустые места, а он там намерен, усмотрев обилие источников, соль варить; обязывается построить городок, приобрести пушки и беречь границу здесь от вторжения «ногайских и иных орд». Ему разрешили завести поселение, с освобождением вновь поселенных людей на 20 лет от податей, ставя непременным условием, чтобы он «не дерзал принимать к себе воров и боярских людей беглых с животом, и татей, и разбойников. А если с его стороны последует нарушение условия» — сказано в жалованной грамоте — «и ся наша грамота не в грамоту».

Согласно разрешению заводить слободы, к Строганову начал собираться народ, и через 6 лет Канкар-городок представлял богатейшую слободу. В 1568 г. другой Строганов, Яков попросил права заселить земли по обеим сторонам Камы-реки до Чусовой; и ему было разрешено, с тем же обязательством, как и брату, с постройкой укреплений, сколько хочет и самосудом слобожан. Понятие «самосуд» здесь имеет иное значение, чем мы привыкли понимать. В то время во многих отдельных краях Московского государства, где население страдало от бездействия власти, — городским и сельским общинам было даровано право самосуда, по которому общины могли сами выбирать из своей среды правителей и судей, обязанных наблюдать за справедливою раскладкою податей и повинностей, а также за тишиною и безопасностью от всяких «недобрых людей».

В 1572 году в черемисском племени обнаружилось сильное волнение, и стали черемисы вооруженными толпами являться на Каме. Тогда из Москвы написали к Строгановым, чтобы они для обороны от хищников принимали стрельцов и казаков, сколько нужно, и посылали от себя на отложившихся

«шертиков» военных людей. (Слово «шерти» — это присяга).

Согласно этой грамоте, Строгановы стали доносить о враждебных поступках Кучума и в 1574 году им была выдана грамота на владение землями за Уралом, по рекам Тоболу и Оби. Им разреашлось: «крепости делати и сторожей наймовати, огняный наряд держати собою и железо делати, и пашня пахати, и угодья владети» — обороняя покорившихся им остяков, отлагавшихся от Кучума. Льгота при этом на все занятые за Уралом земли, дана на 20 лет — до Троицына дня 1594 года.

В 1580 году у братьев Строгановых было всего: 2 слободы большие, одна небольшая, 8 деревень, 24 починка (починок: селение на вновь расчищенном лесном месте). Населения всего 113 дворов. С таким слабым населением предпринимать что-либо кроме зашиты (и то за стенами) трудно было в удалении от всего крещеного мира. Ни о каком движении за Урал в жалованные земли, не могло быть и речи.

Таковы были условия жизни в Строгановских поселениях. Набеги Зауральских инородцев не только нарушали мирный труд, но и угрожали самой жизни поселенцев. Строгановы решили действовать перейдя к активной защите, покорив ближайшие Зауральские земли в подданство Московского государя. С этой целью они пригласили к себе на службу одного из вольных казацких атаманов Ермака Тимофеевича.

Кто таков был Ермак Тимофеевич?

Два брата Родион и Тимофей, по прозванью Аленины, поселились в вотчине Строгановых на Чусовой и там слыли за поволжских выходцев. Они были женаты. У Родиона было два сына — Димитрий да Лука, а у Тимофея три: Гаврило, Фрол и Василий. По изысканиям историков Броневского и Попова, младший Василий родился в станице Качалинской.

Из всех братьев, Василий Тимофеев Аленин уродился рослым, сильным и чрезвычайно отважным, при изумительной придприимчивости. Если начинал он говорить — все бы его слушали; за какую бы работу не принялся он, все ему с руки и на все он горазд. Выросши, пошел он на стругах ходить по Каме и Волге. (Струг — это плоскодонное судно для перевозки зерна).

Кроме отправления судовой работы, разумел он и судно починить, и всякую работу справить. Долго ли ходил Василий Тимофеевич Аленин на стругах и что его заставило бросить судовую работу, — неизвестно. Но лет 30-ти от роду, он

уже являлся атаманом разбойников, от которого мудрено было спастись на широкой Волге.

В бытность в артеле судовщиков, Василий Аленин был кашеваром, а в артелях и кашевара, и дорожный артельный таган, по татарски называли одинаково: «ярмак», что значило также и ручной жерновый камень. (Слово «таган» — значит железный треножник для установки на нем посуды, в которой готовится пища).

Ни к кому больше Василия Тимофеева Аленина не шла эта кличка «ярмак»: выносливый он был, как никто другой; силою и крепостью превосходил всех, а по твердости характера мог называться камнем. Со временем он стал не только Ермаком, но и Тимофеевичем.

С появлением на Волге в роли атамана речных грабителей имя Ермака возбуждало невольный ужас в судохозяевах, и даже в горажанах. Не давал он спуску и судам с царскою казною. Несколько таких шалостей заставили дать приказ посылать на грабителей отряды стрельцов и в любом селении, где появятся, велено их ловить, а воеводам — когда их приведут — приказано немедленно казнить смертью. Пришлось тогда Ермаку призадуматься, да и бои с отрядами стрельцов, уменьшили шайку грозного атамана.

Одно время о нем стало совсем не слышно, и подумали люди, что в схватке где-нибудь, сложил удалец буйную голову. Однако случилось иное.

Ермак занял свою ватагу стройкою плотов в пустой Камской стороне и летом 1580 года уже поплыл на них вверх к Чусовой, в Пермь. Доплыв до селений Строгановых, уже осенью, Ермак и его дружина были приняты если и с опаскою, то не без довольства, помня с трудом отбитое летнее нашествие пелымского князя с толпою вогуличей. По случаю этого набега, Строгановы писали в Москву и получили грамоту царскую от 16-го ноября 1581 года, одобрившую набор людей против полымского князя.

Историки Карамзин и Соловьев приписывают Строгановым инициативу приглашения Ермака к себе на службу с целью похода за Урал. Другие историки как Небольсин, Адрианов и Леонов, — приписывают инициативу похода Ермаку. Как бы то ни было, а 1-го сентября 1581 года, Ермак двинулся за Камень — как назывался долго в народе Уральский хребет — с небольшой ратью в 850 человек, но хорошо вооруженных огнестрельным оружием. Рать была хорошо снабжена про-

довольствием, а на вооружении имела даже несколько небольших пушек. Перевалив через Уральские горы, войско Ермака построило себе суда и по огромным сибирским рекам поплыло внутрь страны.

Первое сражение произошло в окрестностях селения Туринска на реке Туре. При первых выстрелах из пищалей татары бежали. Победители поплыли по Туре, вышли в реку Тобол и на устье реки Тавды встретили толпу подданных Кучума, предводимых его сановником Таузаном. Казаки сбили и переловили большую часть этого татарского отряда, вместе с его предводителем. Ермак отпустил его к Кучуму как вестника поражения. Но рассказы Таузана внушили решимость сибирскому хану собрать все свое войско и вверить его лучшему из своих воинов — царевичу Маметкулу.

Столкновение произошло у татарского укрепления на реке Тобол; казаки разбили силы Маметкула, но и сами понесли потери. Одержав победу, Ермак пошел вверх по Иртышу. 22 октября 1581 года Кучум, на привале казаков в Чувашеве, устроил засаду. Казаки ужаснулись многолюдству врагов, но Ермак их успокоил и уговорил пойти на приступ укрепления, где сидело не меньше 10000 врагов. Летопись говорит, что «бысть сеча зла». Казаки сломили нестройные толпы врагов, Маметкул раненый увезен за реку, а остяцкие князьки оставили Кучума. Он бежал из своей столицы, захватив только то, что ему было более дорого и ценно.

Пятая часть казаков пала в этом сражении, в верстах 15 от столицы — теперешнем Тобольске. Ее казаки нашли опустелою, когда 26-го октября вступили в нее. Зимовка здесь была спокойна и в средствах Ермак со своими ратными людьми не нуждался.

Татары, выше всего ценившие личную храбрость, после победы Ермака над Кучумом, полюбили удалого казачьего предводителя и, принимаемые им ласково, приходили к нему и уведомляли о всех действиях Кучума и его сына Маметкула, живших отдельно.

И уже, месяца через полтора, в декабре 1581 года, царевич Маметкул попался в плен к Ермаку, был им обласкан и удержан в плену как залог мирных отношений с Кучумом. Боясь потерять сына, Кучум присмирел и не нападал на казаков 2 года. Стал же коварствовать только после отъезда Маметкула в Москву по приказу Царя.

К 1582 году власть Ермака распространилась на большое

пространство. Он владел Обским бассейном и частично областью нижнего течения Иртыша. Это обширное пространство входит теперь в часть Западной Сибири, условные границы которой лежат между Уралом и р. Енисеем, а на юге включают Алтай. Природа здесь весьма разнообразна: обширная болотистая тундра, покрытая мерзлым мхом, множеством озер, болот и лугов; затем тайга — заболоченные, труднопроходимые, дремучие леса, сменяется лесо-степью и степным пространством на юге. Зима здесь суровая и продолжительная, весна холодная и короткая, лето жаркое. Это область громадных рек и больших природных богатств. Алтай, с вершинами до 4,5 км., покрытыми снегами и ледниками, с роскошными альпийскими лугами, с тайгой по склонам, красивыми озерами и водопадами, — очень богат ископаемыми.

В конце 1582 года Ермак оповестил Строгановых о своих успехах и, сознавая важность их для России, а также невозможность держаться на краю света с одной небольшой дружиной, уже прямо от себя послал в Москву посольство — Ивана Кольцо с товарищами — челом бить Царю Сибирью. Эта явка Ивана Кольцо к Грозному Царю и должна по справедливости считаться признанием совершившегося факта — первого покорения Сибири.

Отправляя Ивана Кольцо в Москву, Ермак просил Царя, чтобы он принял «новую землицу, Сибирское царство, под свою высокую руку». Это появление послов из далекой Сибири пришлось очень кстати.

Последние годы царствования Грозного Царя были печальными, мрачными. Страдая тяжкими телесными недугами, Царь, кроме того, чувствовал страшные нравственные муки. Неудача Ливонской войны глубоко уязвила его самолюбие, а несчастная кончина старшего сына поразила его жестоким ударом. Москва как бы замерла и давно не было слышно в ней шумных ликований, и вот вдруг, неожиданно, вся Москва, по желанью Царя, вновь приняла праздничный вид, как в старые, счастливые годы. Этим неожиданным праздником для Москвы было появление в столице послов от Ермака.

До этого времени о Сибири знали очень мало; знали, что там живет народ буйный и беспокойный. Ермак был тоже лицо почти неизвестное: казак, находившися в опале у Царя за грабежи на Волге, служивший потом у Строгановых, и пустившийся по их указанию завоевывать новое царство. Теперь же Ермак стал героем дня.

Ермак и его соратники писали Грозному Царю следующее: «что они царство сибирское взяли, хана Кучума победили и в бегство обратили; многих татар, остяков и вогуличей покорили его царского величества державе и привели их к шети (присяге), чтобы быть им под его царского величества рукою до века, покамест продлит Бог вселенной стояти, а ясак (дань) им давать государю на вся лета беспереводно».

В заключение челобитчики молили об отпущении и забвении их старых вин, просили о присылке в Сибирь царских воевод и войска. Кроме того при челобитной прилагался и первый сибирский гостинец: 60 сороков соболей, 20 черных лисиц и 50 бобров.

Царь приветливо и милостиво встретил послов. По отношению к Ермаку и его послов, царь не поскупился на милости и ласки. Он пожаловал храброго Кольцо с его спутниками к своей руке, называл добрыми витязями, оделял деньгами, сукнами и камками (льняными тканями) и повелел написать Ермаку похвальную грамоту, в которой именовал его не просто атаманом, а князем сибирским. Назначил завоевателю в дар два дорогих панцыря, серебряный ковш и шубу со своего плеча. Приказал раздать сибирским казакам знатную сумму денег и каждому по сукну. Строгановы тоже не были забыты: их царь одарил двумя городками на Волге — Солью большою и Солью малою. Кроме того на помощь Ермаку, Иоанн Васильевич посылал своего воеводу князя Болховского со стольником Глуховым и пятью стами стрельцов. Извещая об этом Ермака, царь наказывал о скорейшем доставлении в Москву Маметкула, бывшего в плену у Ермака.

Казацкое посольство как бы оживило Царя, как бы воскресило в нем прежнюю энергию и силы. Москва тоже не могла наглядеться на казаков и наслушаться их удивительных рассказов. Посольство, погуляв вволю в Белокаменной, оставило ее в начале 1583 года, а к 1-му марта прибыло в Искер, где Ермак с казаками терпели неудачи.

С 1583 года местные остяцкие князьки, чувствуя, что дело идет ни больше, ни меньше как о подчинении их, стали общаться с Кучумом и заводить всякого рода смуты, проявлявшиеся в восстаниях и побиениях казаков. Один из первых сановников Кучума, Карача, больше всех коварствовал. В 1584 году он явился с жалобою к Ермаку на хищников киргизов, прося помощи, присылкою хотя бы небольшого отряда казаков. Долго не соглашался Ермак, подозревая тут хитрость,

по опасение, что неподача помощи не сделалась бы причиною отпадения других, а уже не одного улуса Карачи, — заставила послать Ивана Кольцо с 40 казаками. Карача навел их на засаду, и всех татары перебили.

Получив известие о гибели лучшего товарища, Ермак плакал как ребенок, а татары ободрились, после этого успеха своей хитрости и не пропускали ни одного казака в одиночку.

Великим постом 1584 года, Карача, наконец, открыто восстал и с толпами своими осадил становище казацкое, прекратив всякий подвоз и доставку продовольствия. Крайность пробудила прежнюю отвагу казаков. В темную ночь они подобрались к лагерю Карачи и перебили большую часть его ватажников; ночное побоище возобновилось утром и карачинцы все были уложены казаками. Это сражение поправило казацкие дела и представление о непобедимости русских опять усилилось среди инородцев.

Весна и большая половина лета прошла для казаков спокойно, но в начале августа дано было знать Ермаку, что на Иртыше задержаны Кучумом бухарцы, шедшие к казакам с товарами. Ермак сам повел своих дружинников на струге вверх по Иртышу до устья Вагая, но там о бухарцах и слуха не было. Поднялся Ермак еще выше до урочища Атабаш, — и там никого не было.

Смутно представилась теперь Ермаку измена, и он пустился обратно, думая, что выманили его враги, чтобы без него напасть на становище. Вечерело и к ночи разыгралась буря. Ермак решил сделать привал у берега. Место остановки был островок у левого берега Иртыша. Струг привязали казаки к лесине и надеялись, что в шатрах на берегу будет безопаснее, чем на реке в бурю. Были сильно утомлены; под шум и грохот бури напал на всех тяжелый сон.

Но, Кучум был близко, все наблюдал и, пользуясь оплошностью и беспечностью казаков, — подплыл на лодках к острову и напал на уснувших казаков. Началось избиение сонных; Ермак проснулся и, отбившись, бросился в реку чтобы попасть на струг, который волнами отнесло от берега. Но, в тяжелом панцыре — дар Царя — пустившись вплавь, не сладил с волнами, и утонул не доплывя до струга. Это случилось в ночь с 4-го на 5-ое августа 1584 года. Так погиб князь Сибирский, чье правление в отношении покоренных им инородцев было гуманным и христианским и, за малейшее нарушение справедливости и христианских правил, Ермак сурово на-

казывал своих дружинников. Благодарное потомство, в знак признательности и в воздаяние беспримерного подвига, водрузило памятник Ермаку Тимофеевичу в Тобольске и в столице Донских казаков, Новочеркасске.

Казаки, потеряв Ермака, пали духом. Но велика была духовная сила и слава Ермака; его дело не было остановлено. Его сподвижники и новые удальцы, которыми велика была наша Отчизна, продолжали движение на восток. Известен был один из его сподвижников, Матвей Мещеряк, погибший через год после смерти Ермака в битве за Иртышом. Преемники Ермака, используя многоводные сибирские реки, изумительно быстро продолжали осваивать просторы Сибири.

Наследник царя Иоанна Грозного, царь Феодор — кроткий, добродушный, болезненный — не был способен нести тяготы правления. Всею душою преданный церкви, царь Феодор Иоаннович, последний отпрыск дома Рюрикова, весьма охотно предоставил своим приближенным лицам вести государственные дела и заботы. Среди этих лиц самую важную роль играл шурин царя (брат жены царя) боярин Борис Годунов. Умный человек и дальновидный политик, он много способствовал распространению и утверждению власти Москвы в Сибири. При нем русские города и укрепления появились уже на берегах Енисея. Было освоено пространство, по площади превышающее Западную Европу.

В царствование царя Михаила Феодоровича, первого царя из дома Романовых, в 1633 году казаки Перфильев и Робров выходят по реке Лене к северному Ледовитому океану, а в 1639 году казак Иван Москвитин достигает Охотского моря.

В 1648 году, в царствование царя Алексея Михайловича, казак Семен Иванович Дежнев, обогнув Чукотский полуостров и пройдя проливом, отделяющим Азию от Америки, основывает Анадырский поселок уже на берегу Великого Тихого океана.

Так, отдельные отважные сыны нашего народа, использовали свои силы и энергию к движению на север и северо-восток, где земля не имела настоящих хозяев и где лишь одна суровая северная природа охраняла необъятные просторы от посягательства людей. Эти железные люди, должны были бороться с холодом, голодом и болезнями и счастливыми себя почитали, когда им удавалось провести зиму под кровом жилища, едва защищавшего их от ненастья и стужи.

Закаленные уменьем переносить физические лишения, не те-

рявшие присутствие духа перед лицом опасности, — Ермак и его наследники, не видели в своих действиях особых подвигов самопожертвования, ни заслуг перед Отечеством. Но народ, увековечив их имена, особо выделил Ермака Тимофеевича и только о нем сложена песня.

В. Матасов.

Отрывочные сведения о Ермаке почерпнуты мною из случайно попавшегося мне фотостата журнала. более чем столетней давности, «Всемирная Иллюстрация».

О Ермаке вышла книга Н. М. Мельникова. Издана во Франции в 1961 году. Достать ее мне не удалось.

ВЛАДИМИРСКИЙ КОНКУРС.

В конце 1984-го учебного года состоялся конкурс учеников Церковно-Приходских школ, ежегодно проводимый Кадетским Объединением, в Наяке и Лейквуде на тему: «Реформы Петра Великого и их значение».

После тщательного обсуждения работ, комиссия по оценке сочинений пришла к следующему решению: выдать две похвальные премии в размере ста (100.00) долларов каждая, ученице Св. Покровской школы в Наяке Татьяне Лариной и ученику Св. Александровской школы в Лейквуде Петру Ледневу.

Обе работы были написаны очень хорошо, ученики показали хорошее знание эпохи Петра Великого, но подошли к вопросу о значении реформ различно. Один ученик вполне поддерживает все реформы Петра Великого и считает, что «силою своего гения Петр Великий сразу приобщил Россию к последним достижениям общечеловеческой цивилизации и создал ей возможность дальнейшего прогресса», в то время как другой ученик считает, что «воспитываясь под влиянием иностранцев, Петр уже с детства был настроен против христианства — основы русской монархии и решил перевести Россию с ее исконно исторического пути на иностранный лад».

Не вступая в полемику по этому вопросу, комиссия высказывает удовлетворение, что в приходских школах исторические события нашего славного прошлого обсуждаются с различных точек зрения, давая возможность ученикам лучше разобраться в предлагаемом им материале и вынести свою точку зрения.

Кроме того, комиссия постановила вынести благодарность директорам и преподавателям Св. Покровской и Св. Александровской школ за их постоянную поддержку нашего начинания со дня установления конкурса и выдать единовременные премии в размере ста (100.00) долларов каждой школе.

Ученики Св. Сергиевской Гимназии участвовали в отдельном конкурсе на тему: «Русская Освободительная Армия и ее значение в борьбе с коммунизмом».

Участники конкурса правильно описали все этапы возникновения Освободительного Движения и указали на полное непонимание русского вопроса Германским Правительством и недооценки стремления русского народа освободиться от безбожной и ненавистной Советской власти.

Комиссия постановила выдать премию в размере ста (100.00) долларов ученице гимназии Елене Старицкой за наилучше исполненную работу.

От имени Комиссии и Объединения Российских Кадетских Корпусов за рубежом поздравляем всех награжденных за старательно выполненные работы и за проявление интереса к русской истории.

Поздравляем всех наставников и директоров школ и желаем им сил и здоровья на продолжение их полезной работы с молодежью.

Ввиду приближения празднования 1000-летия Крещения Руси, Объединение Российских Кадетских Корпусов решило расширить конкурс и предложить отдельные темы организациям молодежи и заинтересованным студентам университетов, чтобы привлечь как можно больше молодежи к ознакомлению с историей нашей Великой Родины.

Председатель Комиссии,
Алексей Б. Иордан.

НАМ ПИШУТ

Глубокоуважаемые и дорогие друзья Редакция и Издатели Кадетской Переклички!

Пользуюсь случаем сообщить Вам, что сороковая годовщина насильственных репатриаций, проведенных союзными войсками в 1945 году в гор. Лиенц, прошла очень торжественно и трогательно, как в храме, так и на кладбище. День

был солнечный и теплый. Несмотря на предыдущие дождливые и холодные дни судьба подарила нам пригожий весенний день. Паломники прибыли в большом количестве и из многих стран. Даже из далекой Швеции прибыло 3 человека. Приятно отметить, что это особо трагичное и святое место, чтится и не забывается русскими людьми, являясь как бы символом русской Голгофы на иностранной земле.

Наша Организация Российских Православных Разведчиков была, как обычно со своим знаменем. Трудами нашей делегации был, после общей трапезы, показан фальм о былой России, воспринимавшийся зрителями с большим вниманием и волнением.

А. Григорович-Барский
Председатель Европейского
Отдела О.Р.П.Р.

Объединение
Кадет Российских
Кадетских Корпусов
в Венецуэле

Каракас, 15 декабря 1985 г.

Редакции журнала «Кадетская Перекличка»
Нью Йорк

Дорогие друзья и однокашники!

Ваши братья-кадеты, заброшенные в Венецуэлу, шлют Вам, Вашим супругам, детям и внукам свои сердечные поздравления и благопожелания к близким уже Новому Году и радостному празднику Рождества Христова.

Наша маленькая кадетская семья без грусти прощается с уходящим годом, бывшим для нас очень тяжелым, ибо злая смерть унесла из наших рядов четырех любимых, уважаемых незаменимых товарищей.

Молим Младенца Христа, чтобы сохранил Он всех нас, рассеянных, но не расторгнутых носителей идеалов бессмертной России, в здравии и благополучии в наступающем году.

Народу же нашему да дарует Господь прозрение от навождения, десятилетиями насаждаемого советской властью в душах русских людей.

Секретарь
Вл. Бодиско

Председатель
Борис Плотников.

Поздравление от Е. В. Княжны Веры Константиновны.

С РОЖДЕСТВОМ ХРИСТОВЫМ И НОВЫМ ГОДОМ!

Мою кадетскую семью горячо поздравляю с грядущими праздниками и от души желаю всем и каждому с близкими всего возможно лучшего и светлого.

Хорошо было на молебне в Ново Дивееве и затем на встрече в Отраде. Уже теперь предвкушаю радость снова встретиться на X Съезде в Канаде.

Как уже говорила — было у меня шесть братьев кадет, теперь же их у меня несколько сот...

Храни Вас грядущий Христос Спаситель, братья мои младшие!

С ПРАЗДНИКАМИ **Вера.**

КНИЖНАЯ ПОЛКА

«РУССКАЯ АРМИЯ НА ЧУЖБИНЕ»

В издательстве «Посев - США» фотоспособом переиздана книга В. Х. Даватца и Н. Н. Львова «Русская Армия на Чужбине» впервые опубликованная в Белграде, Югославия, в 1923 году. Книга охватывает период от трагических дней агонии Крыма в 1920 г. через Галлиполи, Бизерту, Лемнос и Чаталджи до расселения, не сломивших своего воинского духа белых воинов, в славянских странах. Героический эпос мужества и сознания долга в окружении предательства и унижения. С книгой этой надо ознакомиться, как с правдивым документом освещающим события тех страшных лет нашей истории и, хотя она и написана более шестидесяти лет тому назад она и сегодня представляет живой интерес, как предтеча событий происшедших 25 лет спустя, когда в 1945 году русские воины, поднявшие оружие против коммунизма, были с тем же циничным предательством отданы ему на расправу нелюдьми одетыми в военные мундиры армии Ее Величества.

И если бы с этой книгой были знакомы военачальники 1945 года, удерживавшие от побега сдавшихся в плен англичанам казаков, многие жизни могли бы быть спасены.

Ценность этой книги еще и в том что она подняла завесу над мрачной деятельностью старых русских политических партий осевших после революции в Париже. Нельзя побороть гадливое чувство, читая описания конференций и резолюций

вынесенных всеми этими эс-деками и эс-эрами разных мастей, начавших свой путь к полному банкротству еще во времена Думы и Учредительного Собрания. Их парижская деятельность направленная против армии Врангеля, еще сражавшейся на Перекопе, с последующей, после Великого Исхода, травлей генерала была продолжением их предательства ген. Корнилова и затем адм. Колчака. Ненависть, управлявшая ими, и привела их к бесславному концу.

Книгу «Русская Армия на Чужбине» можно получить в издательстве «Посев» или выписать по адресу:

Mr. Michael Belavin, 3508 Kings College Place, Bronx, N. Y. 10467

Цена книги 8.50 долл. плюс пересылка.

Н. Козякин.

КНИГА

В. Даватц, Н. Львов

РУССКАЯ АРМИЯ НА ЧУЖБИНЕ

Переиздается, как воспоминание участников событий тех далеких дней, чтобы наши дети и внуки знали о жертвах, принесенных их отцами и дедами за любовь к родной земле, в защиту чести поруганной Родины — России.

Стоимость книги — Дол. 8.50

Выписывать книгу можно или через представительство издательства «Посев» или от издателя

Mr. Michael Belavin

3508 Kings College Place
Bronx N. Y. 10467
Tel 653 - 0693

ПЕСЕННИК РОССИЙСКОГО ВОИНА.

Вслед за I томом, получившим высокую оценку у читателей, вышел в свет и поступил в продажу более расширенный том II ПЕСЕННИКА РОССИЙСКОГО ВОИНА под редакцией В. Н. Мантулина.

Сборник, как редчайших, так и популярных песен — народных, солдатских, полковых, военно-морских, казачьих, добровольческих, юнкерских и кадетских, а также песнопений, кантат и гимнов Российской Императорской Армии с музыкальной обработкой для мужского хора и с английскими переводами. Книга-альбом украшена иллюстрациями русских и американских художников. Памятка русской славы. Пример сохранения культурного наследия. Пособие для приходских школ и родителей.

Цена 15 долл. плюс 1 долл. на пересылку. Заказы и чеки направлять по адресу:

Valentin N. Mantulin
P.O. Box 1166
Pearl River, New York 10965

От Редакции:

Рекомендуем нашим читателям приобрести только что вышедший из печати художественно изданный 2-ой том «Песенника Российского воина». В. Н. Мантулина. Книга эта будет украшением личной библиотеки и сохранит свою ценность как уникальный памятник прошлой эпохи.

ЮБИЛЕЙНЫЙ 10-ый СЪЕЗД КАДЕТ.

СООБЩЕНИЕ ВТОРОЕ

Ввиду того что съезд будет юбилейным, мы посвящаем один день съезда исключительно кадетам, их жизни и их успехам. Мы предлагаем всем объединениям написать и прислать не позже 1-го июля, по указанному ниже адресу, краткие (не больше семи минут чтения) сообщения о их жизни и деятельности. Желающие выступить на съезде на тему «Рассеяны но не расторгнуты» должны также прислать свои краткие доклады по тому же адресу.

Отзыв на съезд оказался выше всяких ожиданий. Комнат в гостинице «Альпин» уже больше нет. Мы договариваемся с администрацией отеля получить комнаты в соседнем отеле на тех же условиях с правом питания и пользования всеми привилегиями в отеле «Альпин». В отеле бассейны для купания, гольф, тенис, отбойка, поэтому рекомендуем захватить спортивную одежду и не забыть легкий светер, который может вечерами очень пригодиться.

Намечаются две экскурсии:

Одна на весь день в гор. Квебек 5-го августа. Стоимость этой экскурсии с обедом во французском ресторане $ 32 дол.

Вторая в четверг 7-го августа в гор. Монреаль. Отъезд по-

сле раннего обеда около 12-ти часов дня. Остановка в лучшем торговом центре. Стоимость этой экскурсии 11 дол.

Предварительная запись на экскурсии необходима.

Сообщаем адреса лиц, к которым следует обращаться по отдельным вопросам.

По жилищным и денежным вопросам к Александру Ивановичу Перекрестову:

10 CADET CONVENTION
10205 J. J. Gagnier
Montreal, Quebec. Canada. H2B 2Z9.

По вопросам докладов на съезде, включая предварительную запись и доставку текстов доклада к Николаю Васильевичу Козякину:

N. W. Koziakin
109-64 Park Lane South
Richmod Hill, N. Y. 11418. USA.

По всем прочим вопросам к заведующему съездом Владимиру Игоревичу Змунчилла:

Mr. V. I. Zmunchilla
159 Clendenan Av., Toronto, Ontario.
Canada. M6P 2W9

По поручению Комиссии
В. И. Змунчилла

ВЫБОРЫ В ОРЮР.

В конце 1985 г. в Организации российских юных разведчиков (ОРЮР) состоялись выборы, которые происходят каждые три года. На этот раз произошел ряд перемен среди высших руководителей организации.

Новым Старшим скаутмастером был выбран Михаил Александрович Данилевский, который будет возглавлять организацию и непосредственно руководить работой отрядов и дружин во Франции и Германии.

На должость начальника Австралийского отдела был переизбран Николай Николаевич Доннер, новым начальником Восточно-американского отдела был выбран Алексей Федорович Захарьин, а новым начальником Западно-американского отдела Степан Степанович Мартинович.

В Главный суд чести и Главную ревизионную комиссию были выбраны: Л. М. Гижицкий, А. М. Жуковский, П. А. Уртьев, В. В. Красовский, Е. А. Уртьева и О. С. Астромова.

В Совет ОРЮР вошли по должности: Старший скаутмастер, три начальника отделов и были выбраны в Совет: Р. В. Полчанинов, Г. А. Молчанова, Е. А. Уртьева, В. П. Ермилов и Р. Г. Жуков. **Разведческое пресс-бюро.**

СПИСОК ЖЕРТВОВАТЕЛЕЙ В ФОНД ЖУРНАЛА

Чикагское Объединение через Л. Хантеля 20 ам. дол.; Б. Ганусовский 10; Е. Лазарев-Миронов 10; Н. Мурзин 5; Объединение Кадет в Австралии 40; Н. Н. Якимович (Аргентина) 43.54; Г. Малашенко (Канада) 10; Л. Ф. Магеровский 10; Архим. Владимир (Джорданвилль) 20; В. и Л. Зозулины 10; Г. Б. Чариков 6;

Из С.-Франциско через М. И. Телятникову:

В. Турский 20; Е. Квасников 10; А. Истомин 5;

Из Бельгии через Е. Иванова:

К. М. Анненкова 1000 Бельг. фр.; Анкудинов 350; Б. Будде 500; А. И. Бураковская 750; Е. Иванов 500; Н. Киевский 1000; Е. Крылова 1000; М. Лахматов 450; Е. Мейер 550; доктор Петрович 1286; Б. Рекк 450; доктор Стефанский 1450; доктор Николаев 420; Л. Ярошевич 200.

ИСПРАВЛЕНИЕ

В статье В. Д. Матасова «Белое Движение», напечатанной в № 39-ом автором пропущено несколько слов в приводимом им на стр. 14 отрывке из манифеста отречения Императора Николая II

Фраза начинающаяся на строке 8-ой сверху напечатана: «Заповедуем Брату Нашему править делами государственными в полном и ненарушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях, принеся в том ненарушимую присягу».

В тексте манифеста эта фраза гласит:

«Заповедуем Брату Нашему править делами государственными в полном и ненарушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях, на тех началах, кои будут ими установлены, принеся в том ненарушимую присягу».

Этот правильный текст манифеста был уже опубликован в статье С. Третьякова «Русская монархия и народ», напечатанной в № 38-ом нашего журнала.

—

Статья, напечатанная в № 39-ом журнала, «Царские офицеры и русская культура» написана Михаилом Николаевичем Залевским, а не М. Залесским, как было напечатано. Приносим извинения Михаилу Николаевичу и читателям.

Редакция.

ГИМНАЗИЧЕСКИЙ СЪЕЗД.

Съезд бывших учеников 1-й Русско-Сербской Гимназии в Белграде, на который мы сердечно приглашаем всех учившихся в других русских учебных заведениях, состоится от 10-го до 12-го августа с. г. в помещении

RAMADA HOTEL — 130 Route 10, East Hannover, N. J.
(201) 386-5622

Отель расположен в 45 минутах езды от Нью Йорка. Мы сможем организовать перевоз из аэропортов в отель для групп из 5-6 человек и больше, по предварительному запросу.

Все комнаты очень просторные со всеми удобствами, с цветным телевизором, домашними фильмами и все **на двух человек.**

Программа съезда следующая:

Воскресенье 10-го августа

1 час дня — Молебен и официальное открытие съезда. Свободное время для бесед, прогулок и т. п. до ужина; 6 ч. вечера — Ужин и затем концертная программа и танцы под оркестр;

Понедельник 11-го августа:

В течение дня осмотр города Нью Йорк на автобусе с гидом;

Вторник 12-го августа:

Прогулка на пароходе вокруг острова Манхэттен, тоже с гидом; обе экскурсии не обязательны.

Среда 13-го августа:

Разъезд до 12 часов дня. Все утренние завтраки и ужины будут сервированы в отеле.

Цена для членов Объединения:

250 долларов с человека за три дня и три ночи в отеле, утренние завтраки, ужины, две экскурсии и банкет в первый вечер. Для неживущих в отеле 95 долларов за три дня за еду, экскурсии и банкет.

Цена для всех других участников:

Та же цена за отель и еду **плюс** 25 долларов за две экскурсии, **плюс** 25 дол. за банкет. Для неживущих в отеле: 95 дол. за три дня за еду, **плюс** 25 дол. за экскурсии, **плюс** 25 долларов за банкет.

Просим всех желающих участвовать на съезде **прислать нашему казначею** (его адрес указан выше) **до 15-го мая с. г. чек в 100.00 дол., остаток НЕ позже 1-го июля,** на имя

R.S.G.A. Association, Inc.

Задаток НЕ будет возвращен.

Адрес казначея:

Mr. V. Sapronov
2956 Montgomery St. Wantagh, N.Y. 11793.

ЖДЕМ ВАС НА НАШЕМ ПЕРВОМ СЬЕЗДЕ!

Организационный Комитет
(А. Бартош, Л. Бартош, З. Дубинина, С. Дурново,
Б. Митрохин, Г. Миткевич)

О Русском Участке Православного Кладбища в Белой Церкви, Югославия.

В Белой Церкви это кладбище называется «Српско Гробле».

На русском участке похоронены, главным образом, кадеты, офицеры-воспитатели, преподаватели, служащие и члены их семейств Крымского и I Русского Великого Князя Константина Константиновича Корпусов.

Похоронены там также русские жители Белой Церкви, в последнее время на нем хоронят и сербов. По данным из Югославии всего 314 могил. Сербов хоронят над останками, находящимися в существующей могиле, оставляя их нетронутыми. Часть таких могил отмечена нехристианскими безрелигиозными памятниками.

После 7-го Съезда в Париже несколько участников Съезда побывали в Югославии, где посетили кладбище в Белой Церкви. Оно оказалось в очень запущенном состоянии: много поваленных крестов, надписи на крестах выцвели, все заросло травой, кустарником и деревьями, к некоторым могилам нельзя подойти из-за зарослей. Исключение составляют могилы, о которых заботятся родственники похороненных, посылая деньги из заграницы, для ухода за могилами и уплаты аренды за место на кладбище. На эту же цель Нью-Йоркское и другие Объединения посылают ежегодно денежную помощь.

Желание улучшить состояние кладбища, где похоронены кадеты, приходящее в запустение, отразилось на решениях Съездов: 8-го и 9-го. На 8-ом Съезде была выбрана «Комиссия по делам кадетских и русских кладбищ, главным образом, в Югославии». (Перекличка № 32, стр. 10). В состав этой Комиссии вошли: Б. Климович, А. Карпов, Б. Плотников и Г. Сапегин. Эта Комиссия выбрала своим председателем Б. Плотникова и предложила Съезду следующее: (Перекличка № 32, стр. 18):

1) Установить местоположение могил кадет, воспитателей и преподавателей на кладбищах Югославии и составить их список.

2) Образовать **постоянную Комиссию** по заботе об этих могилах, Председателем которой предлагается Б. Е. Плотников.

3) Уполномочить эту Комиссию производить необходимые траты в размере до 1,000 долларов, в период времени до сле-

дующего Съезда. Эти расходы распределить между Объединениями.

4) Просить эту Комиссию предпринять все необходимые шаги для приведения в порядок могил кадет и приготовить отчет к следующему Съезду.

5) Просить все Объединения, а также отдельных лиц, имеющих какие-нибудь сведения касающиеся могил и кладбищ, главным образом в Югославии, сообщить их Комиссии. Комиссия расчитывает на помощь, и институток, и гимназистов.

После короткого обсуждения, все предложения Комиссии были приняты.

Учреждение постоянной Комиссии по заботе о кладбищах и сообщение об этом в Перекличке, возможно, послужило, как бы, катализатором, так как позже было получено письмо от нашего однокашника, живущего в Югославии, в котором он написал: «... пришло время фундаментально позаботиться о кладбище (в Белой Церкви) и спасти эти последние остатки, как символ русских школ, когда-то находившихся в Белой Церкви...».

Приехавшие на 9-ый Съезд из Югославии в августе 1984 года инженер-строитель В. Соболевский, 37 года выпуска 1-го Р.К.К. и доктор медицины Д. Николаев, в.-ф. 44-го года выпуска Р.К.К., привезли проект прелестной часовни, сделанной архитектором Григорием Самойловым, Донского Имп. Александра III Корпуса в предположении, что он может быть спользован для памятника на кладбище в Белой Церкви.

Комиссия по вопросу кладбища в Белой Церкви была представлена Д. Николаевым, который сообщил, что комиссия предлагает съезду на выбор два решения по этому вопросу.

1. Принимая во внимание, что в Белой Церкви некому заботиться о могилах и нет предпринимателей, которым это можно было бы поручить, предоставить времени разрешить этот вопрос и прекратить заботу о кадетском кладбище.

2. Перенести останки в сооруженный по идее Г. Самойлова, как первая фаза проекта, простой железо-бетонный склеп. В дальнейшем, если позволят средства и обстановка, постройку можно будет продолжить согласно проекту.

Д. Николаев объяснил, что группа кадет, проживающих в Югославии сможет весной приступить к осуществлению этого ограниченного проекта. Смета будет составлена и сообщена Нью-Йоркскому Объединению.

Съезд единогласно принял вторую рекомендацию комиссии.

После короткого изучения прекрасного проекта арх. Г. Самойлова, выяснилось, что он не доступен по стоимости. Составление нового, более доступного проекта, был поручено В. Соболевскому.

В начале мая 1985 г. В. Соболевский прислал четыре варианта памятника: своих три и новый арх. Г. Самойлова.

При переписке с В. Соболевским выяснилось, что идея переноски останков в предполагаемый склеп сопряжена с непреодолимыми трудностями: необходимо иметь официальное разрешение от родственников покойного на переноску. Однако, многих родственников уже давно нет в живых, или их адреса неизвестны. Извлечь же останки кадет из могил с двойным захоронением, вообще, невозможно. Также стало известным, что некоторые родственники противятся переноске останков в склеп.

В. Соболевский сообщил о возникновении Инициативной Группы по постройке памятника в Белой Церкви с председателем Николаем Азарьевым, вице-у.-о. выпуска 1925 года 1-го Русского Кадетского Корпуса.

Правление Объединения в Нью-Йорке согласилось финансировать проект и попросило прислать сметы.

В конце августа 1985 года были присланы сметы: смета варианта Г. Самойлова и смета одного из трех вариантов В. Соболевского, обозначенной «В-I». Сметы остальных двух вариантов не были присланы, так как, несмотря на некоторое различие, стоимость постройки всех трех вариантов В. Соболевского приблизительно одинакова.

2-го сентября 1985 года по рассмотрении всего присланного и сравнении смет, Правление Объединения в Нью-Йорке окончательно остановилось на варианте проекта памятника под названием «В-I», эскиз которого в перспективе приводится ниже. Постройка склепа признана ненужной по причине невозможности эксхумации, как объяснено выше, а также в соответствии с рекомендацией Инициативной Группы в Белой Церкви, переданной В. Соболевским.

Обо всем этом оповещен В. Соболевский в Белграде.

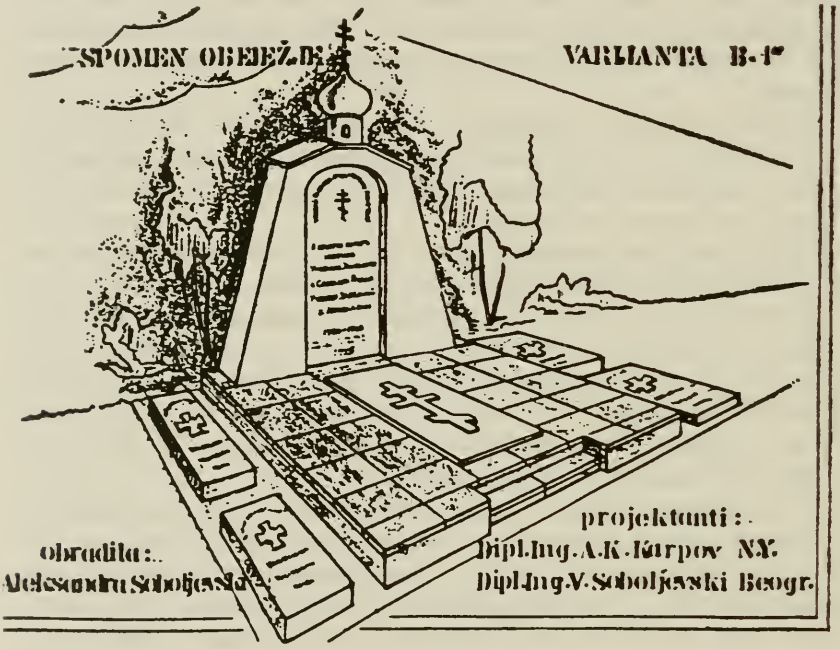
На лицевой стороне Памятника, облицованной мрамором, должна быть выгравирована надпись:

УПОКОЙ, ГОСПОДИ, ДУШИ РАБ ТВОИХ!
В вечную Память Учивших, Учившихся и Служивших
в Русских Учебных Заведениях в Югославии
1920 - 1944

Сооружение памятника, конечно, не спасет Кладбища от запустения. По мере внедрения сербских могил на Русский Участок Кладбища, это запустение будет уменьшаться, если за ними будет постоянный уход.

Идея сооружения Памятника — символически заменить уничтоженные и уничтожаемые кадетские могилы и могильные памятники!

А. Карпов
Выпуска 1922 года Кр.К.К.



Новую книгу Нонны Белавиной

СТИХИ

рецензия о которой была помещена в журнале «Кадетская Перекличка» № 39 можно заказывать непосредственно у автора по адресу:

Mrs. Nonna Miklashewsky

25 Peter Lane, Plainview N. Y. 11803

Стоимость книги	Дол. 8.00
Пересылка	Дол. 1.50

МУЗЫКАЛЬНАЯ СТУДИЯ ИГОРЯ ДОНЦОВА

предлагает следующие касеты:

№ 2 — Петр Лещенко. Песни и Танго
№ 3 — Конценртные гитаристы Мирко и Чет Аткин
№ 4 — Ольга Янчевецкая и Оливера Маркович
№ 5 — Бесарабские цыгане Ивановичи
№ 6 — Балалайка
№ 7 — Церковные песнопения

Стоимость касеты 7 долларов с пересылкой.

Намечается издание следующих касет: «Избранные песни Вертинского», «Далматинские песни», «Югославские цыгане», «Коло», «Шуточные песни».

Заказы направлять по адресу:

Igor Doncov,
54 Capt. Besse Road, South Yarmouth,
Mass. 02664

Вечная память

ушедшим однокашникам

ПАМЯТИ УШЕДШИХ

В Ташкенте 26 апреля с. г. скончался

АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ МАЦКЕВИЧ

кадет Крымского Кадетского Корпуса, выпуска 1927 года.

—

В Лос Анжелесе 14 мая 1985 г. после продолжительной и тяжелой болезни скончался

ПЕТР ВЕРТЕПОВ

Вице-урядник 36-го вып. Донского Императора Александра III Кадетского Корпуса.

—

16-го сентября 1985 года скончался в Маракае (Венецуэла) на 97-ом году жизни и погребен на местном кладбище старейший член Объединения Кадет Российских Кадетских Корпусов в Венецуэле Генерального Штаба Полковник

ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ СТАВРОВИЧ

вице-унтер офицер Полоцкого Кадетского Корпуса, выпуска 1907 года, взводный портупей юнкер Николаевского Кавалерийского Училища, выпуска 1909 года, офицер 18-го Гусарского Нежинского Полка, окончивший курс Николаевской Академии Генерального Штаба в 1913 году, начальник Штаба 8-ой Кавалерийской Дивизии во время Первой мировой войны и 2-ой Кубанской Казачьей Дивизии в Гражданскую войну, начальник адъютантского отдела Русского Корпуса в Сербии.

Мир праху дорогого старшего друга кадета и безупречного русского офицера. Кадеты низко склонив головы выражают искреннее соболезнование вдове Людмиле Викторовне, дочери Наталии Владимировне Бодиско с мужем и племяннику Юрию Владимировичу Дмоховскому.

В г. Куритиба, Бразилия 11 августа 1985 г. скончался

БОРИС КОРОТЮКОВ

кадет Петровского Полтавского и Крымского кадетских корпусов выпуска 1926 г.

В Сан Паоло, Бразилия, 19 сентября 1985 г. скончался

ЕВГЕНИЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ НЕВЕРОВСКИЙ

кадет Крымского и I Русского кадетских корпусов.

—

В г. Вудмонт шт. Коннектикут, США, 7-го октября 1985 г. скончался б. солист Донского казачьего хора Жарова

ПАВЕЛ НИКОЛАЕВИЧ КРИПАКОВ

кадет Донского Императора Александра III кадетского корпуса. Кадеты выражают соболезнование супруге и сыновьям покойного.

В Белграде, Югославия, скончался

АЛЕКСЕЙ МАКШЕЕВ

кадет Сумского и Русского кадетских корпусов IV выпуска.

—

В Монреале, Канада, 26-го сентября 1985 г. скончалась

НИНА ДАНИЛОВНА ПУЩИНА

супруга кадета Крымского и Первого Русского кадетских корпусов Александра Александровича Пущина. Кадеты выражают искреннее соболезнование супругу и дочерям с семьями.

—

В Филадельфии 30 сентября 1985 г. после тяжкой болезни скончался инженер строитель

ПАВЕЛ КОНСТАНТИНОВИЧ КАРПОВ

кадет 8-го выпуска Крымского Кадетского корпуса. Кадеты выражают искреннее соболезнование сестре и брату с семьями.

—

В Торонто, Канада, 11 декабря 1985 г. скончался

ИВАН ЛЕВШИН

кадет 10 выпуска Крымского и Первого Русского кадетских корпусов.

—

В окресности Нью Йорка 26-го декабря 1985 г. скончался подпоручик

НИКОЛАЙ ВЛАДИМИРОВИЧ БОРИСОВ

кадет Крымского и Донского кадетских корпусов, выпуска 1931 года.

—

В Загребе, Югославия, в августе 1985 г. скончался

АНДРЕЙ ПАВЛОВИЧ МИНАКОВ

Вице-фельдфебель 2-го выпуска Крымского Кадетского корпуса, коренной кадет Владикавказского корпуса.

Кадеты-крымцы выражают соболезнование Евгении Николаевне Чудиновой.

ЛЕОНИД ВИКТОРОВИЧ ОССОВСКИЙ.

После тяжелой болезни, в начале июля 1985 г. в городе Асунсионе (Парагвай) тихо скончался полковник Парагвайской Армии (в отставке) Леонид Викторович Оссовский.

Покойный в 1919 г. окончил вице-фельдфебелем Одесский Вел. Кн. Константина Константиновича Кад. Корпус и по окончании корпуса, по приходе Белых в Одессу поступил добровольцем на правах вольноопределяющегося на бронепоезд «Иван Калита». За отличие в военных действиях был награжден Георгиевским крестом 4-й ст. Когда в январе 1920 г. Одесса была оставлена и бронепоезда взорваны около Тирасполя, в составе Белозерского пех. полка совершил «Зимний поход» (Бредовский) и был интернирован в лагерях в Польше. В августе 1920 г. вернувшись из Польши в Крым поступил в Сергиевское арт. училище с которым и попал в Галлиполи. Затем Болгария, где он окончил училище и был произведен в офицеры. Люксембург и тяжелые работы и в конце концов в начале тридцатых годов, с группой русских офицеров он прибыл в Парагвай, где был принят в Армию и участвовал в войне Парагвая с Боливией в 1932-1935 гг. В Парагвайской Армии дослужился до чина полковника и в 1975 г. вышел в отставку с пенсией.

Покойный был большим русским патриотом, православным христианином и «крепким» кадетом. Живя «на отлете» он символически принадлежал к Кадетскому Объединению в Аргентине, всегда присылал свои поздравления к кадетским праздникам и любил подчеркнуть, что он «последний фельдфебель Одесского корпуса на Российской территории».

Похоронен Леонид Викторович на Русском Участке кладбища в Асунсионе.

Мир праху твоему, дорогой друг, соратник и однокашник. Не суждено тебе было лечь в родную землю, землю твоей родины, которую ты так любил. Пусть же эта, хоть и чужая, но гостеприимная земля, упокоит твою душу. Твоей осиротелой семье искреннее соболезнование от всех однокашников.

В г. Сан-Паоло, Бразилия, 11-го июля 1983 г. скоропостижно скончалась

ЕЛЕНА ГЕОРГИЕВНА ДАНИЛОВИЧ
(урожденная Савицкая)

вдова пок. Александра Даниловича, кадета XII в. I Р.В.К.К.К. Кад. Кор. Покойная б. воспитанница Дон. Мариинского Института, дочь пок. кадета и сестра кадет Ростислава и Святослава. Вечная память дорогой сестре!

Братья.

—

В г. Буэнос-Айресе, Аргентина, 7-го фев. 1983 г. скоропостижно скончался

ЛЕВ БОЧАГОВ

кадет Донского и 1-го Русского Кадетского корпусов.

—

В г. Манаус (Амазонка), Бразилия, 16-го окт. 1983 г. скончался

АЛЕКСЕЙ ТУРЕНКО

кадет 17-го вып. 1-го Русского Кад. Корпуса. Семья Святослава Г. Савицкого выражает искреннее сочувствие вдове, детям и сестре покйного.

—

В Монреале, Канада, скончался

МИХАИЛ БАРАНЦОВ

кадет Владикавказского и Крымского Кадетских корпусов.

—

В Каракасе, Венецуэла, несчастым случаем погибла

МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА ДОМЕРЩИКОВА
(урожд. Хитрово)

вдова недавно скончавшегося в.-фельд. 10-го выпуска Первого Русского кадетского корпуса Николая Николаевича Домерщикова.

Кадеты выражают искреннее сболезнование дочерям и брату покойной.

—

В Сан-Франциско 4 февраля с. г. скончался

ВСЕВОЛОД АДОЛЬФОВИЧ ФОЛЬКЕРТ

корабельный гардемарин и кадет Второго Императора Петра Первого кадетского корпуса.

—

Да упокоит Господь
душу усопшего раба Своего болярина и воина
НИКОЛАЯ,
вице-фельдфебеля Одиннадцатого выпуска Княже-Константиновского Кадетского Корпуса.

Покойный Николай Николаевич принадлежал к старинному русскому роду Домерщиковых. Отец его был пажом и полковником гвардейской конной артиллерии, а мать дочерью генерала от инфантерии Павловского.

Как своего далекого друга детства и товарища по Кадетскому Корпусу я его дальше буду называть Колей.

Коля имел счастье родиться в Санкт Петербурге, почему и может считаться одним из последних могикан рожденных под двуглавым орлом в столице Российской. Я знаю, что он гордился этим.

Приблизительно с 1925-го или 26-го года, когда семья Коли из-за служебного перевода его отца покинула рудник Любию, где до того времени мы с Колей проводили каникулы наша связь продлжалась исключительно в стенах нашего Корпуса в Сараеве.

В 1929 году по окончании мною Корпуса наш связь оказалась прерванной вплоть до 1952 года. То есть до того момента когда я будучи со своей семьей в беженском лагере г. Триеста получил от него письменную весточку, что он со своей семьей, родителями и сестрой Мариной находится в Каракасе. После этого у нас установилась письменная связь которая продолжалась и после моего прибытия в Америку. Вскоре я убедился в его поэтическом таланте и советовал ему издать томик стихов. Он же по своей скромности всегда сводил мои настояния к шутке.

Наконец нам удалось снова встретиться на Кадетском Съезде в Лейквуде, где я познакомился и с его милой супругой Маней и убедился, что они составляли идеальный брак даже несмотря на разные харктеры; у Мани динамичный, у Коли более спокойный до флегматичного.

Колю любили и ценили не только его сверстники, товарищи по корпусу, но и многие имевшие с ним контакт. Любили и ценили за его рассудительность, за трезвость ума, за твердо выработанные политические и житейские взгляды. К тому же за правдивость, глубокий патриотизм и товарищество, как его принято понимать кадетами.

Мне жаль, что я о нем не могу сообщить больше. Надеюсь, что об этом сообщат его одноклассники и те кто с ним был в контакте более долгое время чем я.

Я хочу привести маленькое доказательство насколько Коля пользовался симпатией даже у иностранцев.

После Кадетского Съезда во Франции я продолжал дорогу в Югославию. Туда же приехала и чета Домерщиковых. Так как нас обоих интересовало Сараево в котором мы провели долгие кадетские годы то мы предварительно согласовались о встрече в Сараеве. Перед этим я остановился в Зенице (50 км. от Сараева), где провел свои последние годы службы по возвращении из плена и, где у меня оставались кумовья и наши хорошие знакомые. Там я посетил своего друга архитектора Беру Костиала и его супругу бывшую мою сослуживицу. Они уговаривали меня остаться еще на один день в Зенице. Между тем с Колей у меня была согласована встреча на следующий день. Объясняя им причину моего отказа я упомянул фамилию Домерщиковых.

«Свидание с Николай Николаевичем»? неожиданно спросил меня Костиал.

Оказалось, что Коля вместе с Костиалом, в середине тридцатых годов был в Школе для Запасных Артиллерийских Офицеров. Я удивился, что от того времени без малого прошло сорок лет и Беро помнит его имя и отчество, он ответил мне приблизительно так:

«Как я могу забыть высокого, подтянутого, с породистым лицом молодого человека, который выделялся между нами дружеским отношением к каждому из нас, скромностью и воспитанием. Он у нас пользовался общей симпатией».

И я верю, что это именно так. Коля умел очаровывать, не проявляя к этому никаких усилий.

Мир праху Твоему, дорогой друг и товарищ. Да будет легка Тебе чужая, не Петербургская, земля.

Скоро и моя очередь следовать за Тобой.

Алексей Мальчевский.

—

В г. Каракас (Венецуэла) скончался

ИННОКЕНТИЙ СТАРОДУБЦЕВ

Вице-фельдфебель 8-го выпуска Крымского Кадетского корпуса.

—

ПАМЯТИ И. Л. ЛЕВШИНА.

Ваня родился 7-го января 1910 г. в г. Белгороде, Курской губернии. Образование он получил в Крымском и Первом Русском Вел. Кн. Константина Константиновича кад. корпусе. По окончании корпуса в 1930 году Ваня поступил на технический факультет Белградского университета. Материальные затруднения заставили его оставить университет и начать работать. После войны он работал техником в проектировочном бюро городского управления г. Белграда. В 1950 г. отношение к русским в Югославии заметно ухудшились и Ваня как и большинство русских, покинул эту страну, где прожил 30 лет и в 1952 г. переселился в Канаду и поселился в г. Торонто. Здесь с момента основания кадетского объединения он становится его активным членом, пока тяжелая и продолжительная болезнь не приковала его к постели.

Скромный, добрый и отзывчивый по характеру, твердый в своих убеждениях, Ваня имел много близких друзей и был настоящим кадетом по духу, любил родной корпус и с любовью хранил пожелтевшие карточки с трогательными надписями на память от товарищей как: «на память Ване «Лобачевскому» от О. Ч. (узнаю Олега Чернозубова) или «На память Тебе от меня» (узнаю Костю Шереметова), есть карточка и от «дядюшки» (В.-у.о. Петя Мазаев).

Как истинный патриот Ваня любил и тосковал по Родине и верил в духовные силы русского народа.

Тяжелая болезнь приковала его к постели и он под конец с трудом узнавал навещавших его друзей. За несколько дней до кончины у его постели молился и причастил его наш уважаемый о. Владимир Мальченко, а 11 декабря 1985 г. Ваня скончался.

На панихиде и отпевании в храме у открытого гроба кадеты объединения несли почетный караул, гроб покрыли

Русским национальным флагом и возложили венок с национальными лентами.

Спи спокойно дорогой Ваня и да будет легка Тебе Канадская земля!

Объединение кадет г. Торонто выражает глубокое соболезнование супруге Анне Аввакумовне и дочери с семьей.

С. П. Тыррас.

—

На складе Кадетской Переклички имеются следующие книги:

1. **Кадетские Корпуса за Рубежом** (502 стр.) 10.00 ам. д.
2. **Донской Императора Александра III Кадетский Корпус** (590 страниц) .... 10.00 ам. д.
3. Борис Ганусовский: **«10 лет за железным занавесом»** (399 стр. с фотографиями) .... 16.00 ам. д.
4. Также имеются все номера Кадетской Переклички кроме номера 1-го. Цены номеров разные ..... от 2.00 до 5.00 ам. д.

Пересылку берет на себя Кадетская Перекличка.

При заказе просим выписывать чеки на имя:

Association of Russian Cadets Inc.

и направлять по адресу:

Mr. Eugene Girs
85-59 88th St. Woodhaven, N. Y. 11421.
U.S.A.

Издательство «Русь»

—

предлагает книги Кн. Г. Н. Трубецкого
(бывшего посла в Сербии)

«Годы смут и надежд – 1917-1919»

История Гражданской войны с предисловием
А. И. Солженицына

В предисловии А. И. Солженицын пишет:

«Высокий уровень понимания и изложения проблем много дают для понимания Гражданской войны, Добровольческой армии, Казачества и Союзников».

281 стр. 17,50 амер. долларов — 20 канадских дол.

«Русская дипломатия и война на Балканах 1914 - 1917 г.г.»

—

А. И. Солженицын написал:

«Книга эта еще найдет много читателей в России».

283 стр., 10 фотографий
18 амер. дол., или 22 кан. дол.

Книги можно выписать по адресу:

Editions "R.U.S."
4364 Wilson Avenue, Montreal, Que.,
H4A 2V2. Canada.

За пересылку воздушной почтой просим добавлять
3 доллара.

—

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

RARE BOOK COLLECTION

The André Savine Collection

Savine
DK35.5
.K33
no.40

Printed by "Monastery Press". 8011 Champagneur Ave., Montreal,
Quebec. H2N 2K4. CANADA.